П. Н. Лутков

ИСТОРИЯ ГОРОДА ВЯТКИ

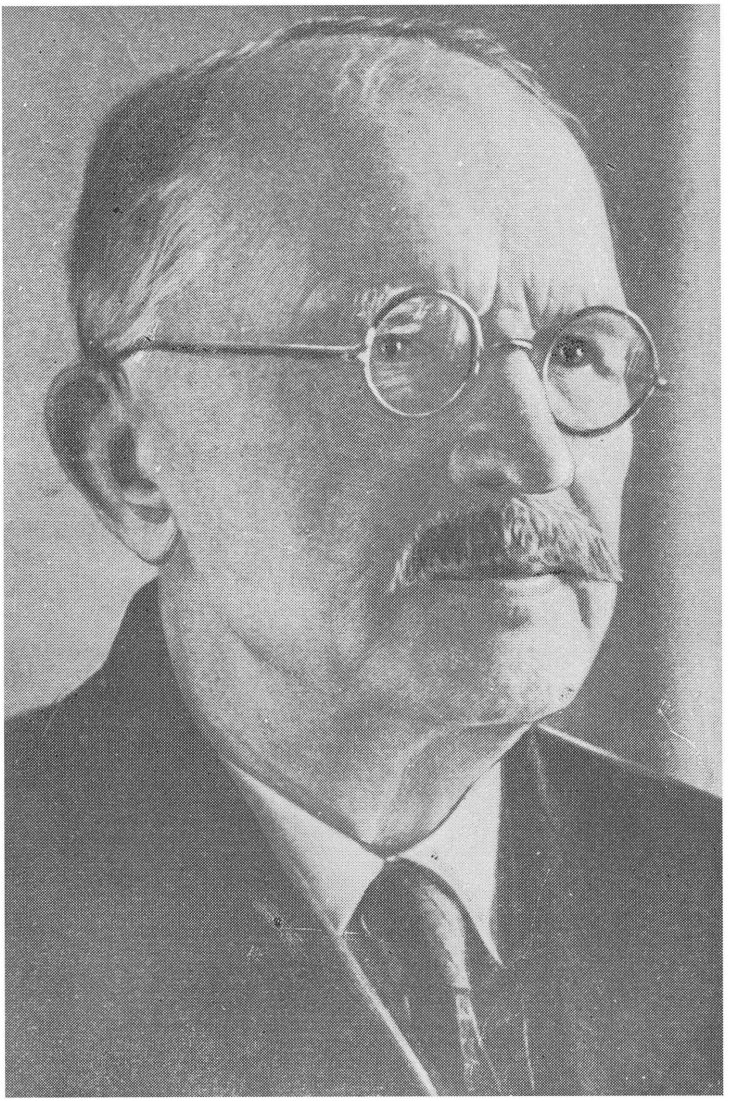
КИ

П. Н. ЛУППОВ

ИСТОРИЯ ГОРОДА ВЯТКИ

Кировское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. И. Смирнов.



Павел Николаевич Луппов
(1867 — 1949)

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ЛУППОВ

(*Краткая биография*)

Павел Николаевич Луппов родился 22 октября (4 ноября по нов. ст.) 1867 г. в селе Усть-Чепецком Вятской губернии, в 25 километрах от г. Вятки, в семье псаломщика. Начальное образование получил в сельской школе, среднее образование — в духовном училище и в духовной семинарии г. Вятки. В 1887 г. он поступил в Казанскую духовную академию. Будучи студентом, участвовал в земской переписи населения Нижегородской губернии и написал первые работы, опубликованные в местных газетах: «О боровом промысле в Царевококшайском уезде» и «Деревенские радоницы». В 1890 г. П. Н. Луппов был исключен из Казанской духовной академии за участие в нелегальных студенческих кружках самообразования.

После исключения из академии П. Н. Луппов сначала работал по земской подворной переписи в Вятской губернии, позднее был сельским учителем в с. Дебессы Сарапульского уезда, а затем работал в Вятском губернском земстве, где составил записку, обосновывающую необходимость постройки первой железной дороги через г. Вятку.

В 1893 г. Павел Николаевич получил разрешение закончить высшее образование и был зачислен на третий курс Московской духовной академии. При окончании академии подготовил кандидатское сочинение по истории удмуртского народа, написанное на основе изучения местных архивов г. Вятки. Позднее, уже после окончания академии, он продолжал работать над этой темой и в

1899 г. опубликовал результаты своих исследований в виде книги, озаглавленной: «Христианство у вотяков со времени первых известий о них до XIX века», которая вышла в двух изданиях.

Во время работы П. Н. Луппова над архивными материалами по истории удмуртов, в 1892 г. возникло известное «Мултанское дело» (провокационный процесс, организованный полицейскими властями с целью разжигания межнациональной розни) по обвинению удмуртов села Старый Мултан Вятской губернии в человеческих жертвоприношениях. В защите удмуртов активное участие принял выдающийся русский писатель В. Г. Короленко. Павел Николаевич, изучивший историю удмуртов по архивным документам, выступил в печати и в докладах на научных заседаниях в Географическом обществе и на съезде естествоиспытателей и врачей с доказательством отсутствия у удмуртов человеческих жертвоприношений. Его статьи послужили серьезными аргументами, использованными защитой, добившейся на третьем судебном разбирательстве в 1896 г. полного оправдания обвиняемых.

После окончания академии П. Н. Луппов работает в Петербурге в школьно-статистическом отделе Синодального училищного совета. За время этой работы он занимался вопросом о всеобщем обучении и опубликовал ряд статей по этому вопросу. Необходимо отметить также его работу по подготовке школьных экспонатов для Парижской международной выставки (1900 г.) и по организации Петербургской международной выставки «Детский мир» (1902—1903 гг.).

Во время работы в Училищном совете П. Н. Луппов в 1903 г. окончил курс в Петербургском археологическом институте и получил звание действительного члена этого института. Позднее он преподавал историю в женской гимназии и читал лекции по школьной статистике на Статистических курсах при Центральном статистическом комитете (1906—1907 гг.). Одновременно он продолжал работать над историей удмуртов и в 1911 г. опубликовал вторую часть своего исследования под названием: «Христианство у вотяков в первой половине XIX века», а также сборник материалов по этому вопросу.

После Октябрьской революции П. Н. Луппов работал в Москве в Главном управлении архивным делом. В

1919 г. он переехал в Вятку. Здесь он сначала заведовал подотделом всеобщего обучения в городском отделе народного образования, а затем до 1924 г. возглавлял в Вятке архивное дело в качестве уполномоченного Главархива по Вятской губернии, позднее — заведующего Губернским архивным бюро. Им проделана большая работа по организации охраны архивов и налаживанию архивного дела в Вятской губернии. Одновременно с работой по архивному делу П. Н. Луппов начал читать лекции в Вятском педагогическом институте им. Ленина, где он вел курсы истории местного края и истории этнографии удмуртов и других народностей Вятского края.

С организацией в Вятке в 1922 г. Научно-исследовательского института краеведения П. Н. Луппов был зачислен старшим научным сотрудником этого института по делу истории местного края и работал здесь свыше 20 лет.

Научно-исследовательская работа П. Н. Луппова протекала по трем основным направлениям: а) по истории местного края, б) по истории политической ссылки и в) по истории удмуртов. Свою исследовательскую работу П. Н. Луппов проводил на основе изучения архивных материалов. Им изучались архивы Кирова, Москвы, Ленинграда, Перми, Казани, Уфы, Горького и других городов. Всего П. Н. Лупповым написано 120 научных работ, лишь часть которых опубликована.

По истории местного края наибольшее значение имеют следующие его работы: «Вятский край 50 лет тому назад» (1923), «Г. Шестаков Вятской земли» (1927), «Исторический очерк Вятского края» (1929) и публикуемый здесь труд «История города Вятки от его возникновения до начала XX века», а также неопубликованные работы «К истории заселения Вятской земли» и «Хронологические даты по истории Кировской области».

По истории политической ссылки на основе разысканных архивных документов, впервые ставших доступными для изучения после Октябрьской революции, П. Н. Лупповым написана книга «Политическая ссылка в Вятский край» (1933), а также ряд статей, освещающих жизнь и деятельность в Вятке и в Вятской губернии некоторых политических ссыльных: А. И. Герцена, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. Г. Короленко, П. И. Стучки и других.

По истории удмуртов П. Н. Лупповым в послеоктябрьский период написан ряд работ, освещающих историю этого народа в XV—XVII веках, историю фабрично-заводской промышленности на территории Удмуртской АССР, пугачевское движение среди удмуртов и другие вопросы.

П. Н. Луппов работал также по подбору и систематизации архивного материала по истории Вятского края и удмуртского народа. Большое количество документов им опубликовано или подготовлено к печати с соответствующими комментариями. Особое значение представляет подготовленный к печати труд «Сборник документов по истории удмуртов XV—XVII вв.» около 25 авторских листов.

За свои научные труды П. Н. Луппов получил ученую степень доктора исторических наук без защиты диссертации и почетное звание заслуженного деятеля науки Удмуртской АССР.

Последние два года жизни П. Н. Луппов провел в Ленинграде, где, несмотря на почти полную потерю зрения, продолжал работу по окончанию и подготовке к печати своих научных трудов. Скончался он 25 февраля 1949 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В довольно обширной литературе, относящейся к истории Вятского края, имеется до сих пор существенный пробел — в ней нет обобщающего исследования по истории главного города края — Хлынова—Вятки. В работах буржуазных историков собран значительный материал по отдельным периодам истории Вятки и Вятской земли, однако в них главное внимание уделялось действиям правительственной администрации в Вятке и церковной истории края. Даже такие передовые представители буржуазной исторической науки конца XIX—начала XX вв., как А. А. Спицын и А. С. Верещагин, не смогли создать обобщающих работ по истории Вятского края и города Вятки. Они ограничились исследованием источников, изучением отдельных вопросов социально-экономической истории края, а также публикацией архивных материалов, относящихся к истории Вятки.

Успехи исторической науки в СССР, опирающейся на марксистско-ленинскую теорию, способствовали развитию плодотворной исследовательской работы и по истории Вятского края. В 20—30-х гг. появляется ряд крупных работ П. Н. Луппова, посвященных изучению нерусских народностей Вятского края, истории классовой борьбы на Вятке в XVII—XVIII вв., истории политической ссылки и т. д.[1] Вопросы истории классовой борьбы и со-

[1] Список трудов П. Н. Луппова помещен в конце книги.

циально-экономической истории Вятского края освещались в трудах С. В. Токарева, Н. Н. Латышева, И. Д. Калюжного, В. Д. Зеленцова, Г. А. Лаговой, Г. Ф. Чудовой и др., вышедших в 30—40-х гг. в разных периодических изданиях[1]. История Вятского края является предметом исследования доцента Кировского пединститута им. В. И. Ленина А. В. Эммаусского, опубликовавшего три книги, посвященные истории Вятской земли со времени заселения ее русскими[2].

Книга П. Н. Луппова «История города Вятки от его возникновения до начала XX века» представляет собой по существу первую попытку дать цельный очерк истории главного города Вятской земли — Хлынова—Вятки, теперешнего города Кирова. П. Н. Луппов, собрав обширный опубликованный и архивный материал по истории Вятки, проверив его тщательно и критически проанализировав, дал последовательное изложение истории развития города: его территории, населения, экономики и общественно-политической и культурной жизни. В книге показано тяжелое положение трудящегося населения города феодально-крепостнической и капиталистической эпохи и приведен материал о классовой борьбе городских

[1] С. В. Токарев, Крестьяне Вятской провинции в XVIII в. Труды Вятского педагогического института, т. III, в. III, Вятка, 1928.— Его же. Торговый капитал и земские учреждения на Вятке в XVI и начале XVII вв., Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения, т. III, Вятка, 1927 г.

Н. Н. Латышев, Пугачевское восстание в Удмуртии, «Удмуртская правда» от 24 августа 1939 г.

И. Д. Калюжный, Новые материалы о Пугачевском восстании на территории Удмуртии, Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории языка, литературы и фольклора, сборник 9, 1941.

В. Д. Зеленцов, К вопросу об основании Воткинского и Ижевского железоделательных заводов, Записки Удмуртского научно-исследовательского института, вып. 12, Ижевск, 1949.

Г. А. Лагова, К вопросу о крепостном труде на Ижевском заводе, Записки Удмуртского научно-исследовательского института, сборник 5, Ижевск, 1936.

Г. Ф. Чудова, Восстание Болотникова и вятчане, «Кировская правда» от 8 января 1950 г.

[2] А. В. Эммаусский, Вятская земля в период образования Русского государства, Киров, 1949.— Его же. Очерк истории Вятской земли в XVI— начале XVII вв., Киров, 1951.— Его же. Исторический очерк Вятского края XVII—XVIII веков, Киров, 1956.

низов против богатой городской верхушки, приказных и чиновничества, впервые дана периодизация истории города.

Отмечая достоинства книги П. Н. Луппова, нельзя, однако, не указать и на ряд ее недостатков, объясняющихся в значительной степени тем, что автор не смог полностью закончить своего труда. Так, например, намерение автора продолжить историю города до Великой Октябрьской социалистической революции осталось невыполненным. Поэтому книга хронологически обрывается на начале XX в. Остались недоработанными также разделы о политической ссылке в Вятке и поэтому они опущены при печатании книги. Это, конечно, сужает в значительной мере полноту характеристики в книге общественной жизни Вятки в XIX в.[1]

Некоторые выводы автора, в свете позднейших исследований, нуждаются в более обстоятельной аргументации. В книге порой отсутствуют обобщающие характеристики явлений, исследуемых автором на богатом фактическом материале, относящемся к истории города Вятки.

* * *

Книга П. Н. Луппова состоит из введения и 6 глав. Каждая глава посвящается отдельному историческому периоду в развитии города и распадается на параграфы, в которых исследуются разные стороны жизни города.

Во введении П. Н. Луппов обстоятельно исследует давно включенный в научный обзор историками Вятки источник, так называемую «Повесть о стране Вятской». Как известно, показания этой «Повести» о заселении Вятской земли новгородцами и постройке ими города Хлынова в 70—80-х гг. XII в. долгое время были единственным основанием для отнесения первоначальной истории русской Вятки еще к периоду Киевской Руси. Положение о древности Вятки нашло отражение как в специальных работах вятских историков, так и в общих курсах Русской истории. Принималась на веру и характе-

---

[1] О политической ссылке в Вятской губернии П. Н. Луппов опубликовал ряд отдельных работ и одну обобщающую работу в 1933 г. (список трудов помещен в конце книги).

ристика «Повестью» общественно-политического строя Вятки, как строя вечевого, тождественного строю древнего Новгорода. Однако, начиная с 80-х гг. XIX в., в связи с обширной публикацией источников по истории России (актов и летописей), в связи с развитием источниковедения, местные историки все более критически относятся к «Повести о стране Вятской».

Работы А. А. Спицына и особенно А. С. Верещагина представляют собой поворотный пункт в изучении «Повести». А. С. Верещагин, сопоставив содержание «Повести» (о ранней истории Вятки) с широким кругом источников, убедительно показал неудовлетворительность «Повести» как источника. Показание «Повести» о заселении Вятской земли новгородцами в XII в. не находит подтверждения в других источниках, а наоборот, опровергается ими. Только с конца XIV в. начинаются упоминания о Вятке в летописях и актах. А. С. Верещагин снял также впечатление о «давности» сочинения «Повести о стране Вятской», создающееся благодаря ее окончанию на известии о взятии Иваном Грозным Казани в 1552 г. и убедительно доказал, что «Повесть о стране Вятской» есть «повесть книжника (и далеко не умелого) конца XVII (а может быть начала XVIII) века»[1].

Дальнейшее исследование «Повести» как источника принадлежит П. Н. Луппову.

П. Н. Луппов принимает основные выводы А. С. Верещагина и принимает их не пассивно, а проверяет их правильность. Большую ценность в этом плане приобретает заявление П. Н. Луппова, что его более чем 50-летние разыскания в архивах не дали ему ни одного документа, который бы подтвердил показания «Повести» о появлении русских на Вятке в XII в. Все новые материалы, обнаруженные П. Н. Лупповым, не соответствовали содержанию «Повести» (стр. 39). П. Н. Луппов не только подтвердил правильность выводов А. С. Верещагина о «Повести», но и попытался выяснить причины ее появления и более точно определить время составления ее. Он пришел к выводу, что «Повесть о стране Вятской» представляет собой записку, составленную между 1725—

---

[1] Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. III, отд. II, Вятка, 1905, стр. 69.

1739 гг. в Вятке, для обоснования крестных ходов с иконами, запрещенных здесь епископом Лаврентием. Однако этот вывод П. Н. Луппова возможно принять пока как лишь гипотезу. Во-первых, прямых доказательств столь утилитарного назначения «Повести» у нас не имеется, во-вторых, «Повесть» по содержанию далеко выходит за пределы исторического обоснования крестных ходов на Вятке — в нее включаются не только сказания об иконах, но и другие исторические сказания и, в-третьих, сама литературная форма «Повести» никак не свидетельствует об ее утилитарном, практическом значении, что несомненно бы сказалось, если бы она действительно представляла собой «записку» для Синода.

Вывод П. Н. Луппова и других историков о недостоверности «Повести о стране Вятской» и позднем ее составлении, при всей его правильности, еще не разрешает всех вопросов, связанных с этим сложным памятником. И прежде всего не разрешает вопроса о том, когда и как возникли те исторические сказания, которые были объединены впоследствии составителем «Повести»? Каковы побудительные причины их составления и реальные исторические факты, отразившиеся в них? Решение всех этих вопросов — дело будущего. Вопрос о том, достоверно ли показание «Повести» о раннем появлении славянского населения на Вятке, может быть, по нашему мнению, окончательно решен лишь с помощью археологических данных.

1-я глава исследования П. Н. Луппова посвящается начальному периоду истории Вятки и истории Вятки в период образования Русского централизованного государства. Автор останавливается, главным образом, на внешней политической истории Хлынова и очень мало, в силу отсутствия источников, говорит о самом городе. Например, вопрос о времени основания города не разрешается даже в предположительном плане. О возникновении поселения на месте Вятки говорится лишь в связи с появлением здесь в 70-х гг. XIV в. новгородских ушкуйников. Но когда это поселение стало политическим центром земли—неизвестно. Оказывается, в конце XIV в. князья жили еще в погосте Никольском в устье р. Чепцы (стр. 53 и сл.). Когда поселение на месте Вятки стало городом, не городом-укреплением (со времени Юрия — стр. 59), а городом — торгово-ремесленным центром?

Ведь несомненно, что возникновение в конце XIV в. городов на Вятке явилось закономерным результатом экономического развития Руси, углублением процесса общественного разделения труда, развитием торговли и ремесла.

Из этого общего положения надлежит, на наш взгляд, исходить при изучении и частных вопросов истории города. Например, при характеристике социального состава населения города XV в. П. Н. Луппов ограничивается лишь указанием групп бояр, купцов, духовенства и «житьих людей» (стр. 70) и ничего не говорит о посадско-ремесленном населении, составлявшем основную часть жителей города. Между тем, они, вероятно, и подразумеваются под термином «многолюдство» вятских людей, употребленным в грамотах митрополита Ионы.

В политическом отношении Вятская земля в конце XIV в. включается в состав Нижегородско-Суздальского княжества. Установление власти нижегородско-суздальских князей на Вятке П. Н. Луппов предположительно связывает с ярлыком хана Тохтамыша, выданным на Вятскую землю князьям Семену и Василью Дмитриевичам (сыновьям Дмитрия Константиновича нижегородского) после 1393 г. (стр. 53).

В этом отношении точка зрения П. Н. Луппова отличается от точки зрения другого историка Вятки А. В. Эммаусского. Последний относит распространение власти нижегородско-суздальских князей на Вятку ко времени до 1383 г. (т. е. до смерти кн. Дмитрия Константиновича) и считает это результатом отлива нижегородского населения в конце 70-х гг. на Вятку[1]. Разошлись П. Н. Луппов и А. В. Эммаусский в оценке позиции нижегородско-суздальских князей в борьбе Дмитрия Донского против татар. Если П. Н. Луппов считает нижегородско-суздальских князей фактически пособниками татар, то А. В. Эммаусский изображает их верными союзниками Москвы. Что касается разногласий названных авторов по вопросу о времени и путях установления власти нижегородско-суздальских князей над Вяткой, то нам представляется, что точки зрения П. Н. Луппова и А. В. Эммаусского могут быть сближены. В действительности, вероятно, оба фактора играли известную роль: и формирование насе-

---

[1] А. В. Эммаусский. Вятская земля в период образования Русского государства. Киров, 1949, стр. 12—13.

ления Вятки за счет населения Нижегородско-Суздальского княжества, и оформление политической власти нижегородско-суздальских князей над Вяткой путем получения ими ярлыка от хана Золотой Орды.

В отношении второго расхождения в оценке позиции нижегородско-суздальских князей — в борьбе Дмитрия Донского против татар — мы считаем более правым П. Н. Луппова. Вряд ли неучастие Дмитрия Константиновича в Куликовской битве можно объяснить тем, что он не имел «материальных средств и живой военной силы», как это делает А. В. Эммаусский[1]. Скорее это может быть объяснено политическим соперничеством нижегородского князя по отношению к подымающейся Москве. Точно так же вряд ли прав А. В. Эммаусский в трактовке роли князей Семена и Василия, участвовавших в походе Тохтамыша в 1382 г. на Москву, как лишь «заложников». Уж слишком тяжелые последствия для Руси имело их предательское поведение под Москвой[2].

Интересны страницы книги П. Н. Луппова, посвященные выяснению роли Вятки в период складывания Русского централизованного государства.

П. Н. Луппов живо изобразил острую борьбу в Русском государстве в середине и во второй половине XV в. и участие в ней Вятки. В борьбе реакционных сил феодальной раздробленности против прогрессивной политики объединения, проводимой Москвой, Вятка находилась в течение длительного периода времени в лагере реакции. Вплоть до присоединения в 1489 г. Вятки к Москве здесь были сильны сепаратистские тенденции. П. Н. Луппов, однако, почти совсем не останавливается на внутренних причинах борьбы и тех процессах в экономике страны, которые обусловили победу централизованного государства и привели к объединению всех русских земель, в том числе и Вятской земли.

Как известно, основой образования Русского централизованного государства была экономическая консоли-

---

[1] А. В. Эммаусский. Вятская земля в период образования Русского государства, Киров, 1949, стр. 12.

[2] Исчерпывающую характеристику протатарской политики нижегородско-суздальских князей дает А. Н. Насонов. (А. Н. Насонов, Монголы и Русь, М.-Л., 1940, стр. 135 и сл.).

дация русского народа, являвшаяся следствием дальнейшего развития производительных сил, сельского хозяйства, ремесла и обмена. Эти явления характерны и для Вятской земли. На рост производительных сил в Вятской земле и умножение здесь населения указывает уже то, что в крае к середине XV в. существовало три города: Хлынов, Котельнич и Орлов. Вятка в XV в. была областью, по которой проходили торговые пути из центра Руси в Приуралье и в Западную Сибирь. Все это укрепляло экономические связи Вятской земли с центром Руси и Москвой и в конечном счете обусловило победу прогрессивных сил над сепаратистскими элементами на Вятке. Ускоряющим фактором в образовании Русского государства была внешняя опасность. Для того, чтобы избавиться от угрозы иноземного порабощения, было необходимо незамедлительное объединение Руси. Совместные военные походы против татар русских людей различных областей страны, в том числе и Вятской земли, способствовали, конечно, и политическому их объединению. П. Н. Луппов посвящает особый раздел главы I изучению роли Вятки в борьбе Руси против татарского ига.

В стране по мере развития экономики создавались и силы, выступавшие за объединение Руси. Росли эти силы и на Вятке. Подавляющее количество населения на Вятке — трудящееся население, как сельское, так и городское, было заинтересовано в объединении Руси. Элементы, враждебные объединению Руси на Вятке, были сильны отнюдь не количеством, а тем положением, которое они занимали: это верхушка феодального класса — бояре и крупные торговые люди Вятки. Сепаратистские тенденции вятской феодальной верхушки можно объяснить, вероятно, тем, что она формировалась из представителей феодальных кругов враждебных к Москве уделов и княжеств: вначале Нижегородско-Суздальского, затем Галицкого и отчасти Новгородского.

Подобно новгородским боярам и торговым людям вятские бояре и крупные торговые люди не хотели поступиться своими феодальными привилегиями и поэтому боролись против объединения Руси, так как централизация власти означала для них прежде всего ограничение их феодальных прав. Сочувствие большинства населения Вятки объединительной политике Москвы и обусловило

ту легкость, с какой Вятская земля была взята московскими воеводами. «Развод» (выселение) Вятки в политическом отношении был лишь формой устранения из Вятской земли сепаратистских феодальных сил и не коснулся основного населения края.

2-я глава книги П. Н. Луппова посвящается истории Вятки с конца XV до начала XVII вв. Этот период в истории нашей страны был периодом дальнейшего укрепления и расширения Русского централизованного государства.

Преодоление экономической замкнутости отдельных русских земель, происходившее в результате развития производительных сил в стране, явилось основой изживания пережитков феодальной раздробленности и дальнейшего укрепления Русского централизованного государства. Как и все русские земли, Вятская земля в XVI в. развивается успешно в экономическом отношении: здесь расширяется сельское хозяйство, растут ремесло и торговля. Вятская земля все сильнее экономически и политически связывается с московским центром.

Все это нашло отражение в истории главного города земли—Хлынова. Хотя в источниках сохранилось очень мало сведений о Хлынове XVI в., однако, добросовестно собранные П. Н. Лупповым, они дают возможность наметить основные моменты его истории. Увеличивается территория города — вне города основываются Дымковская слобода и Трифонов монастырь, скоро ставший крупнейшим феодалом края. Увеличивается население. Если мы примем среднюю цифру на двор по 5 человек, вытекающую из расчетов Н. Д. Чечулина[1], то получим, что в конце XVI в. население Хлынова достигло 1500—2000 человек[2], а в начале XVII в. превышало 3000 человек. Интересны данные о составе населения, извлеченные П. Н. Лупповым из описания 1615 г. Они показыва-

[1] Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI в., М., 1870, стр. 31. Ту же цифру для городских дворов XVII в. принимает С. К. Богоявленский. (С. К. Богоявленский, Некоторые статистические данные по истории русского города XVII в., Древности, Труды археографической комиссии, т. I. вып. III, М., 1899, стр. 382).

[2] По подсчетам С. Ф. Платонова Хлынов в царствование царя Федора (1584—1598 гг.) состоял из 400 дворов. (С. Ф. Платонов, Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., М., 1938, стр. 14).

ют, что основную массу населения составляли посадские люди (около 90%). Группа служилых людей, очень значительная в южных и западных русских городах-крепостях, здесь была совсем ничтожна.

Преобладание посадского населения позволяет рассматривать Хлынов как центр ремесленного производства и торговли. Прямые указания источников, приведенные П. Н. Лупповым, о наличии в Хлынове ремесленников 15 специальностей, конечно, не полны. В Хлынове среди ремесленников наблюдалась значительная специализация (например, головные уборы изготовлялись ремесленниками двух специальностей, особые ремесленники шили рукавицы, делали седла и т. д.), что свидетельствует об известном уровне развития ремесла здесь.

Более полные данные собраны П. Н. Лупповым о торговле Хлынова. Они характеризуют Хлынов как важный центр транзитной торговли, через который шли товары из центра на восток и север и обратно, а так же как центр складывающегося местного областного рынка.

Приведенные П. Н. Лупповым материалы по экономической жизни Хлынова позволяют уточнить содержащуюся в книге характеристику социального состава населения города и социальных отношений.

Указанное П. Н. Лупповым соотношение сословных групп не отражает полностью соотношения социальных категорий населения города. Так, группа тяглого посадского населения в социальном плане не была единой: из состава ее уже выделилась богатая верхушка. К ней относились посадские люди, ведшие торговлю как транзитную, так и внутри города, богатые ремесленники и промышленники. Вместе со служилыми людьми и духовными феодалами они представляли господствующую группу населения Хлынова, игравшую руководящую роль как в экономической, так и в политической жизни города. В зависимости от них было остальное население Хлынова, т. е. подавляющая часть посадского населения как тяглого, так и не тяглого (бобылей, нищих). Значительное количество бобыльских и нищенских дворов (почти половина) было следствием экономического обнищания населения в результате событий начала XVII в. Все это свидетельствовало об острых социальных классовых противоречиях внутри хлыновского общества.

Общее обострение классовой борьбы в стране и в Вятской земле в XVI в. нашло выражение, в частности, в росте разбоев. Губные грамоты 1540 г. в Слободской и 1541 г. на Вятку свидетельствуют об обеспокоенности вятских феодальных верхов ростом разбоев в крае. По их инициативе в Вятской земле преследование разбойников было изъято из ведения наместников и передано в руки губных старост, избираемых из богатой верхушки волостных крестьян, а в городах — из богатых посадских людей[1].

С уничтожением в 50-х гг. XVI в. наместнического управления, в Вятской земле стали действовать земские старосты. В управлении городом главную роль стали играть городовые приказчики, известные в Вятке со второй половины XVI в. Городовые приказчики, как и другие органы местного управления, избирались на Вятке из представителей богатых посадских верхов. В этом и состоял классовый смысл тех изменений в управлении городом, которые указаны в книге П. Н. Луппова. П. Н. Луппов справедливо связывает появление воевод на Вятке с обострением классовой борьбы в конце XVI в. и в начале XVII в.

В заключительном разделе 2-ой главы, посвященном истории Хлынова в период крестьянской войны и иностранной интервенции начала XVII в., П. Н. Луппов выходит за рамки истории города и освещает главнейшие факты истории края. Однако такие события, как волнения в Котельниче, непосредственно связанные с восстанием Болотникова, несомненно отражали напряженное положение и в Хлынове. Эти события, конечно, обостряли борьбу низов посадского населения Хлынова против посадской верхушки и царской администрации. Но и после подавления восстания Болотникова острота классовых противоречий в стране не уменьшилась. Разрозненные крестьянские восстания продолжались во многих уездах страны.

Бурные события в 1608—1609 гг. разыгрались в Вятской земле—ряд городов перешел на сторону польского

---

[1] Детальную характеристику процесса введения губных старост и их роли на Вятке дает Н. Е. Носов. См. Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в., М.-Л., 1957, стр. 251—262, 273—275.

ставленника Лжедимитрия II. П. Н. Луппов подробно описывает фактическую сторону событий. Следует только отметить, что переход на сторону польского ставленника Лжедимитрия II ничуть не означал покорность вятчан захватчикам. Социальные низы города и деревни поддались демагогическим посулам Лжедимитрия II потому, что они ненавидели феодально-крепостнический строй и боярского царя Шуйского, они искали выхода из тяжелого положения путем принятия нового «доброго царя». Сторонники Лжедимитрия II использовали и движение нерусских поволжских народностей чувашей и мари для укрепления своих позиций в Вятской земле. Однако в основе своей эти движения были направлены против боярского крепостнического правительства, т. е. были антифеодальными и национально-освободительными[1].

Искусной демагогией сумев привлечь население Вятки на свою сторону, сторонники Лжедимитрия II и польско-литовские паны не смогли долго обманывать его. Уж слишком очевидны были грабительские планы и действия захватчиков. Поэтому на Вятке рано начали организовываться силы на борьбу с интервентами. Вятские отряды, как это показано в книге П. Н. Луппова, принимали участие во всех освободительных походах народных ополчений против интервентов, закончившихся великим патриотическим подвигом русского народа—освобождением Москвы.

Последующие главы книги П. Н. Луппова, посвященные истории Вятки в XVII—XIX вв. (главы III—VI), представляют большой интерес тем, что в них собран и систематически изложен обширный фактический материал по экономической, политической и культурной жизни города за три века. Однако этот материал интересен не только с точки зрения города, но он дает представление и об общем историческом процессе.

Истории Вятки в XVII в. посвящена III глава. П. Н. Луппов собрал и обработал большой материал о росте города, об умножении его населения, о развитии ремесла и промыслов, о расширении городской торговли

[1] История классовой и освободительной борьбы русского народа этого периода изучается в книге И. С. Шепелева «Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг.», Пятигорск, 1957.

и об укреплении торговых связей Вятки с другими русскими областями.

Особенно ценные материалы о торговле извлечены П. Н. Лупповым из таможенных книг XVII в., разысканных им в архивах. Данные об участии вятских торговых людей в архангельской, поволжской и сибирской торговле, приведенные П. Н. Лупповым, показывают, что Вятка в XVII в. стала неотъемлемой частью складывающегося всероссийского рынка.

Экономическое развитие Вятки в XVII в. приводило к дальнейшему углублению социального расслоения посадского населения города. Попытка П. Н. Луппова сгруппировать население города в определенные сословно-должностные группы, на наш взгляд, удачно раскрывает сложный социальный состав населения феодального города, когда классы еще были, по выражению Ленина, «классами-сословиями». Однако следует признать, что группировка, примененная П. Н. Лупповым, имеет очень условный характер. Так, первая группа, «верхушка» хлыновского населения слишком ограничена — она состоит буквально из нескольких лиц. В социальном отношении к этой группе, конечно, близка и та группа населения, которая именуется П. Н. Лупповым как «средняя». Эти две группы составляли эксплуататорскую феодальную прослойку городского населения. В состав ее могли проникать и разбогатевшие ремесленники, использующие труд бобылей-наймитов.

Неоднородна по экономическому положению была и последняя из намеченных П. Н. Лупповым групп населения — «основная масса посадского населения». К ней отнесены и меньшие приказные люди, и церковные служители, и ремесленники, и бобыли-наймиты, и даже нищие. Общим в их положении было то, что они находились в экономической зависимости от богатой верхушки посада.

Как и на других посадах, в г. Хлынове происходила постоянная классовая борьба на почве эксплуатации социальных низов посада посадской верхушкой. Это проявилось, в частности, в выступлении посадских г. Хлынова 1635 г. П. Н. Луппов несколько снижает значение этого выступления, определяя его как выступление лишь против «взяточничества местных воевод». Между тем, в этом движении нашел выражение протест хлыновского

посада против попыток правительства увеличить бремя налогов и всевозможных поборов.

П. Н. Лупнов на примере Хлынова убедительно показал, что правительство рассматривало посады как один из крупнейших источников денежных поступлений. Такая практика правительства вызвала целый ряд городских восстаний в 40—50-х гг. XVII в. Выступление хлыновского посада, внешне направленное против местных воевод, можно рассматривать как одно из ранних городских движений XVII в. Подробное освещение П. Н. Лупновым хода восстания раскрывает острую классовую борьбу внутри посада. Посадские низы расправились со сторонниками воеводы — убили торговца Кальсина, посадили «за пристава» приказного Рябинина. Их выступление приняло такой угрожающий характер, что часть зажиточных посадских бежала даже из города.

Новый взрыв классовой борьбы на Вятке относится к периоду восстания С. Т. Разина. Волнения охватили не только крестьянское население края, но, вероятно, имели место и в городах. О напряженном положении в Хлынове свидетельствует лихорадочная деятельность администрации по возведению городских укреплений. Вятские власти, ожидая продвижение отрядов Разина на Вятку, сосредоточили в Хлынове все боевые запасы (оружие, порох, свинец) из других вятских городов. Они стремились превратить г. Хлынов в опорный пункт борьбы против восставшего крестьянства. Однако отряды Разина не прошли на Вятку. От Симбирска Разин вынужден был отступить под ударами царских войск на юг.

Интересны наблюдения П. Н. Лупнова об изменениях в XVII в. в управлении г. Хлынова. Власть воевод и воеводского административного аппарата стала всеобъемлющей. Земские старосты, выбираемые посадскими, со средины XVI в. игравшие существенную роль в управлении городом, стали послушным орудием в руках воеводы. Усиливая воеводскую власть на местах, царское правительство стремилось укрепить силу феодального государства для того, чтобы успешнее подавлять всякое сопротивление угнетенного народа.

Развитие города Вятки в XVIII в. происходит в условиях начавшегося разложения феодально-крепостнического строя, когда в недрах его складываются новые капиталистические отношения. Признаки разложения кре-

постнической системы, нарастая в 1-й половине XVIII в., проявились со всей очевидностью во 2-й половине века. Эти явления нашли отражение и в истории г. Вятки. Материалы IV главы книги П. Н. Луппова свидетельствуют о существенных сдвигах в ремесле, выразившихся в расширении ремесла и дальнейшей специализации, а также в увеличении товарности ремесленного производства.

В XVIII в. на Вятке, как в самом городе, так и в округе, возникает ряд более или менее крупных купеческих предприятий, осваивающих новые промыслы. Вкладывание купеческих капиталов в производство, сама организация производства купеческого предприятия, основывающегося на вольнонаемном труде (вятские купцы были лишены возможности применять крепостной труд), свидетельствуют уже о складывании капиталистических отношений. Успешно развивается хлыновская торговля. Как показывают таможенные книги XVIII в., хлыновские купцы скупали довольно большие партии местного сырья и ремесленной продукции и отправляли их к Архангельску, в Приуралье, Сибирь и в Поволжье. На хлыновский рынок поступали товары не только местного производства, но и из обширного района Прикамья и Поволжья. Все это свидетельствовало о большом значении Хлынова, как одного из центров всероссийской торговли.

Укрепление экономических позиций вятских купцов обусловило повышение их значения в политической и общественной жизни города. Этому не в малой степени способствовали реформы, проведенные Петром I, имевшие целью укрепить положение дворянства и подымающегося купеческого класса. (П. Н. Луппов на примере Хлынова хорошо показывает оборотную сторону этих реформ, ложившихся всей тяжестью на плечи трудового народа). В Хлынове в XVIII в. действовали введенные Петром I органы купеческого самоуправления: ратуша и позднее магистрат. Хотя они и находились под контролем дворянской администрации, однако имели некоторое значение в осуществлении сословных прав богатой городской верхушки. О повышении значения купечества в жизни города свидетельствует тот факт, что в наказе, данном вятскому депутату в Екатерининскую Комиссию по сочинению Нового уложения 1767 г., были изложены исключительно только купеческие сословные требования.

В XVIII в. усиливается значение Хлынова как административного центра дворянской Российской империи. С 1719 г., став главным городом Вятской провинции, Хлынов был сосредоточением большого числа чиновников, с воеводой во главе. Как и все административные реформы Петра I, учреждение Вятской провинции показывает стремление господствующего класса создать аппарат управления, необходимый для укрепления его власти.

П. Н. Луппов хорошо показывает действия вятской администрации по подавлению каких бы то ни было выступлений трудящихся масс. Так, во время восстания Е. Пугачева хлыновская администрация сделала все, чтобы удержать местное население от восстания: пущены были в ход методы идеологического воздействия (через церковь), дезинформации, усилен полицейский надзор за всеми «разглашателями и продерзителями» и т. д., вместе с тем спешно строились укрепления. Эти действия вятской администрации показывают, что хотя пламя антифеодальной войны и не достигло Хлынова, но несомненно, вызывало живой отклик в низах городского населения и обостряло классовые противоречия внутри его. Особенно неприглядно выступают действия хлыновской администрации в отношении нерусских народностей: русификаторская политика царизма осуществлялась самыми жестокими методами. Вятские чиновники установили постоянную систему грабежа нерусских народностей. Все это отражало существо национально-колониальной политики царизма.

Особый раздел главы IV П. Н. Луппов посвящает состоянию образования в Хлынове в XVIII в. Здесь приведены интересные данные о первых школах в Хлынове, учрежденных духовенством, а также данные о зачатках светского образования. Как ни ничтожны по результатам были эти попытки, однако они имели некоторое значение, так как благодаря им в Хлынове создавался слой разночинной интеллигенции, из которой вышли, как показывает П. Н. Луппов, деятели, сыгравшие заметную роль в развитии русской науки и культуры.

Глава V книги П. Н. Луппова, охватывающая годы с 1780 по 1861, посвящена истории Вятки в период усиленного разложения крепостнического строя в России. Развивающиеся капиталистические отношения определили

многие стороны жизни города в этот период. В экономике получили дальнейшее развитие процессы, наметившиеся ранее: растет ремесло и его специализация (около 70 ремесел), возникают новые крупные промышленные предприятия, основываемые купцами (кожевенные заводы, бумажные фабрики и т. д.), что указывает на приток купеческих капиталов в производство.

Вместе с развитием капиталистических предприятий постепенно складываются уже классы капиталистического общества — буржуазия и пролетариат. Наемные рабочие работают и в ремесленных мастерских. Ряды ремесленников пополняются крестьянами. Развивается далее городская торговля. К середине XIX в. в Вятке было свыше двухсот лавок и магазинов. Растет и экспортная торговля, особенно умножившаяся в годы войны с Наполеоном. Крепостнический строй, однако, мешал развитию буржуазных отношений. В частности, это сказалось в отсутствии кредита. Многочисленные банкротства вятских купцов и такая бытовавшая в Вятке форма погашения налогов, как «отдача в зажив», являлись непосредственным результатом и проявлением крепостничества.

В результате реформ Екатерины II и Павла I Вятка стала губернским городом. Это внесло новые социальные черты в городскую жизнь. В Вятке создается большое количество правительственных учреждений, во много раз увеличивается чиновничество. Население обширного края вынуждено было обращаться по разным делам в губернские учреждения. Усилились административные связи Вятки с политическим центром страны — Петербургом. Вятка стала важным центром государственной машины Российской империи, призванной обеспечивать интересы господствующих классов и держать в узде трудящееся население многомиллионной страны. Описывая «беды», причиняемые населению Вятки огромной ратью вятского чиновничества (взяточничество, самоуправство и т. д.), П. Н. Луппов склонен объяснять это отсутствием в Вятке лиц, «подготовленных для чиновничьей службы» (стр. 179). Однако отрицательные черты государственного аппарата Российской империи были обусловлены самой крепостнической системой.

Характеризуя деятельность Городской думы как органа, предназначенного ведать делами города, П. Н. Луппов справедливо отмечает ограниченный характер ее дея-

тельности и зависимость от царской администрации. Однако сам факт существования «городского общества», в котором руководящую роль играли купцы, промышленники и разбогатевшие ремесленники, свидетельствовал об укреплении политических позиций нарождающейся вятской буржуазии.

Как и в предыдущих главах, П. Н. Луппов приводит в V главе большой материал по строительству города. С конца XVII в. в этой области отмечаются новые явления. Начиная с 1784 г. город строится и перестраивается по плану, утвержденному правительством. Это имело важное градостроительное значение, так как определило общую планировку города на все последующее время. Усложняется городское хозяйство: строятся мосты через Засору, мостятся улицы, прокладываются тротуары, улучшаются дороги, ведущие к городу, возникает общественный сад и т. д. П. Н. Луппов отмечает классовую направленность строительства города — ряд мероприятий правительства имел целью вытеснить с главных наиболее благоустроенных улиц бедноту и принудить ее заселять окраины.

В особом разделе о истории просвещения в Вятке с конца XVIII в. до 60-х гг. XIX в. П. Н. Луппов приводит интересный материал по истории светской и духовной школы в городе. На примере вятской школы П. Н. Луппов показывает реакционный курс царского правительства в области просвещения, стремление правительства открыть доступ к образованию лишь представителям господствующего класса и сузить рамки образования низов городского населения лишь элементарной грамотой.

Из фактов общественной жизни П. Н. Луппов обратил внимание на создание в Вятке ополчений: в 1807 — 1812 гг. для участия в освободительной борьбе русского народа против Наполеона I и в 1855 г. для участия в Крымской войне.

Последняя глава книги П. Н. Луппова посвящается истории Вятки в период капитализма. Автором собран значительный материал, дающий представление о развитии капиталистической промышленности и торговли в Вятке. Росту капиталистического производства в Вятке способствовало то, что в конце XIX и начале XX вв. Вятка была соединена двумя железными дорогами с се-

верными портами (Архангельск), с Сибирью и центром страны.

Характерным явлением истории капиталистической Вятки является увеличение общего числа ее жителей за счет пришлого крестьянского населения. Как и в других местностях России, разоренная вятская деревня выбрасывала большое количество людей, вынужденных идти искать пропитание в городах, пополняя здесь ряды пролетариата. В Вятке селились и разбогатевшие крестьяне, стремившиеся с выгодой вложить свои капиталы в торговлю и промышленность. Так формировалась вятская буржуазия.

Существенные сдвиги в экономике нашли отражение во всех областях общественной и культурной жизни города. П. Н. Луппов показал, что в результате осуществления буржуазных реформ 60-х гг. XIX в. возросла роль вятской буржуазии в управлении городом. Интересы буржуазии нашли отражение и в развитии просвещения: в Вятке возникает несколько средних учебных заведений, предназначенных для обучения детей состоятельных родителей: купцов, чиновников, духовенства, богатых крестьян. Вместе с тем открывается значительное количество низших и профессиональных школ. Культурные и общественные потребности преимущественно буржуазных слоев населения города обслуживали: появившаяся в 60-х гг. местная периодическая печать, библиотеки, театр, музей и т. д. Обо всем этом интересные сведения можно найти в книге П. Н. Луппова.

Подводя итог всему сказанному о книге П. Н. Луппова по истории Вятки, можно сделать вывод, что эта книга даже в том незавершенном виде, в каком она осталась после смерти автора, представляет большую ценность, как первый цельный очерк истории города, основанный на большом, впервые автором вводимым в исследование, фактическом материале. Книга будет интересна не только для историка-краеведа, но и для всех интересующихся историей нашей Родины.

А. И. Копанев,
кандидат исторических наук.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КНИГЕ

КИА — Кировский областной исторический архив.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

ИСТОРИЯ ГОРОДА ВЯТКИ ОТ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

ВВЕДЕНИЕ

В русской исторической литературе довольно продолжительное время существовало неправильное представление о первоначальном периоде истории г. Хлынова (Вятки). Основой служили не исторические документы, сохранившиеся в различных архивах, а легендарные, фантастические сказания.

Еще во второй половине XVI в. (1582 г.) польский историк Матвей Стрыйковский написал «Хронику», в которой приписывал основание г. Хлынова князю Вятко — современнику легендарных князей Кия, Щека и Хорива, основателей г. Киева и княжества восточно-славянского племени полян. Это мнение было затем принято в XVII и XVIII вв. русскими историками. Повторение его можно видеть в таких изданиях, как «Синопсис», «Ядро Российской истории», «История Российская» князя Щербатова, «Записки касательно Российской истории».

В первой половине XVIII в. появилось новое сказание «Повесть о стране Вятской»[1]. Оно относит возникновение Хлынова к более позднему времени и описывает его с большими подробностями. Это сказание недавно еще имело широкое распространение в русской исторической литературе; отголоски его слышатся даже в самое последнее время. В связи с этим следует на нем остановиться несколько подробнее.

---

[1] Полный текст «Повести о стране Вятской» с разночтениями по разным спискам опубликован А. С. Верещагиным в Трудах Вятской ученой архивной комиссии за 1905 г., вып. III, отд. II, Вятка, 1905, стр. 12—53.

Суть сказания такова. В 1174 г. дружина новгородцев отправилась из Великого Новгорода на судах вниз по р. Волге. Доплыв до Камы, дружина построила на берегу этой реки город и прожила в нем семь лет. После этого часть дружины двинулась на судах вверх по Каме до р. Чусовой. Добравшись отсюда сухим путем до верховьев р. Чепцы, новгородцы спустились по ней на лодках до р. Вятки. В пяти верстах от устья р. Чепцы, на высоком берегу р. Вятки, они увидели городок, построенный чудью и вотяками[1], и 24 июля 1181 г. взяли его приступом, побив при этом множество чуди и вотяков. После этого новгородские дружинники построили здесь церковь во имя Бориса и Глеба и назвали городок Никулицыным (ныне с. Никульчино). Здесь они стали жить и множиться.

Узнав о завоевании чудского городка, другая часть дружины, оставшаяся на Каме, отправилась вверх по р. Вятке, завоевала черемисский[2] городок Кокшаров и поселилась в нем (переименовав его в Котельнич). Вскоре она отправила вверх по р. Вятке несколько человек для разведывания других мест, удобных для жительства. Посланные встретились с дружинниками Никулицкого отряда и согласились совместно с ними построить для жительства новый город. Дружинникам понравилось место на берегу р. Вятки, около устья речки Хлыновицы, и они назначили срок, когда собраться всем вместе для постройки города.

В назначенное время («во уроченную годину») собрались сюда «народи мнози новгородцев». После молебного пения они поставили церковь «во имя Воздвижения креста господня» и устроили город, назвав его Хлыновом (по имени речки Хлыновицы). В городе они установили нравы и законы по новгородскому обычаю: город управлялся самими жителями. Независимая жизнь продолжалась многие годы, до тех пор, пока городом не овладели князья российские. В хронологических выдержках из летописи, приложенных к «Повести», автор ее подсчитал, что «самовластная жизнь» вятчан продолжалась 278 лет (1181—1459 гг.).

[1] Вотяками русские называли удмуртов.
[2] Черемисами в то время русские называли мари.

Около Никулицына новгородцы устроили погост Волково. Из этих двух погостов они стали ежегодно приносить во вновь устроенный г. Хлынов иконы Бориса и Глеба (из Никулицына) и Георгия Победоносца (из Волкова).

Русские поселились также на р. Кобре, недалеко от Котельнича, но из-за нападения на них соседних черемис (марийцев) вскоре бежали отсюда на р. Великую (приток Вятки). Они взяли с собой икону Николая Чудотворца, но в лесу ее потеряли. В 1383 г. один местный житель нашел эту икону и поставил ее на крыше своей избы. От этой иконы, по сказанию «Повести», местные жители стали получать чудесные исцеления от болезней. Поэтому они поставили в этом селении небольшую деревянную церковь. Опасаясь за сохранность иконы вдали от города, в окружении враждебных марийцев, гражданские власти и духовенство г. Хлынова уговорили местных жителей перенести ее в город. При этом они обещали ежегодно приносить икону в село, а также каждый год, в девятую пятницу после пасхи, носить ее вокруг г. Хлынова.

Таково содержание «Повести о стране Вятской». Сказание это (в виде рукописи) было найдено в 1739 г. в г. Хлынове геодезистом Клешниным, которому было поручено историком В. Н. Татищевым собирание исторических и летописных известий. Клешнин отправил рукопись в Казань — географу Пестрикову, в свою очередь переславшему ее в Оренбург в Комиссию по географическим делам, которой в то время заведовал Татищев[1]. Скоро после этого «Повесть о стране Вятской» стала приобретать авторитет источника достоверных сведений по первоначальной истории Вятской земли. Случилось это благодаря двум публикаторам — П. И. Рычкову и его сыну Н. П. Рычкову, а также историографу Н. М. Карамзину.

П. И. Рычков, работая в Оренбурге над составлением «Опыта Казанской истории древних и средних времен», познакомился с находившейся в Оренбурге «Повестью о стране Вятской» (в 60-х годах XVIII в. Вятская земля входила в состав Казанской губернии). В «Повести» Рычков увидел начало пространнейшей и обстоятельной

---

[1] А. С. Верещагин. Предисловие издателя к «Повести о стране Вятской». Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. III, отд. II, Вятка, 1905, стр. 2.

«топографии» казанской истории, с историческими и географическими известиями. Он решил опубликовать найденную повесть, но не целиком, а то, что покажется ему более вероятным, и в сокращенном виде изложил ее содержание в особом разделе («О начале российских жилищ по Вятке») своей книги «Опыт казанской истории»[1]. Так как истории Вятской земли он до тех пор совершенно не знал, то очевидно не мог судить о том, что в рукописи можно считать правдивым, достоверным. Это проявилось в самом начале его труда — при обозначении времени пришествия новгородцев на Вятку. Автор «Повести», по незнанию русской истории, отнес появление новгородцев на Вятке и покорение ими удмуртов к трем различным периодам, взаимно исключающим друг друга: к XI в. (время княжения великого князя Ярослава), к XII в. (1174—1181 гг.) и к XIII в. (после победы Александра Невского над шведами). Как разрешил эти противоречия П. И. Рычков? Он отнес события к XII в., очевидно, только потому, что для этого века в «Повести» были указания на определенные года (1174 и 1181), и отверг остальные даты, ничем не мотивировав своего выбора.

Второй публикатор «Повести» Н. П. Рычков познакомился с ней в 1770 г., по приезде в Хлынов в качестве адъюнкта при академике Палласе для собирания сведений о Казанской губернии. Полученный им в г. Хлынове «Вятский летописец» оказался той же «Повестью о стране Вятской», лишь с небольшими изменениями. Рычкову-сыну он показался очень важным документом, могущим познакомить «со всеми переменами, случившимися с новгородцами на Вятке с 1182 года до взятия Казани», т. е. почти за 400 лет. На основании «Летописца» он написал статью «О древности города Хлынова и всей Вятской страны»[2].

Встретив в «Летописце» разноречивые указания на время прибытия новгородцев в Вятскую землю, он, по-видимому, не заметил этого противоречия и оставил в своей статье две даты — выхода дружинников из Новгорода и

[1] П. И. Рычков. Опыт Казанской истории древнейших и средних времен. С-Пб., 1767, стр. 187—196.

[2] Опубликована им во втором томе путевых записок (Н. П. Рычков. Продолжение журнала или дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1770 году. Изд. Ак. наук. С-Пб., 1772 стр. 30—50).

прихода их на Вятку, одна другую исключающие: XI в. (княжение Ярослава Владимировича) и XII в., причем для XII в. события датируются им годом позже, чем в статье его отца (1175 и 1182 гг. вместо 1174 и 1181 гг.). Впрочем, в своей статье Н. П. Рычков заботился не столько о полноте исторического повествования, сколько о занимательности изложения. Этим объясняется и то, что он допустил в своей статье заведомо фантастические сведения. Так, например, он написал о вороне, который, летая над только что выстроенным городом, кричал: Хлы-хлы!.. Этим хлыканьем он будто бы подал новгородцам мысль назвать речку Хлыновицей, а город — Хлыновом. Только в его публикации встречаем мы рассказ о том, как вятчане в конце XIV в. (1392) будто бы по ошибке избили устюжан, пришедших на Вятку защищать их от татар; при этом публикатор не указывает даже, из каких источников он взял это известие.

После опубликования записок Н. П. Рычкова «Вятский летописец» (или «Повесть о стране Вятской») получил большую известность. В 1801 г. сведения по истории Вятки, взятые из статьи Н. П. Рычкова, были опубликованы в «Географическом словаре» А. Щекотова[1], что еще больше увеличило популярность сказания.

Вскоре список «Повести о стране Вятской» попал в руки первого вятского историка Александра Вештомова. Вначале Вештомов отнесся к «Повести» резко отрицательно, назвав ее «мало смысленной и бессвязной», но затем все-таки принял ее в число источников и по ней изложил в своей работе «История вятчан» первоначальную историю Вятской земли. Эта работа была написана Вештомовым в 1807—1808 гг. и напечатана в журнале «Казанский Вестник» в 1824—1827 гг. Позднее она была перепечатана в «Вятских губернских ведомостях» в 1833—1841 гг. В 1908 г. она издана Казанским обществом археологии, истории и этнографии[2].

Окончательное признание «Повесть о стране Вятской» получила после того, как побывала в руках историографа Н. М. Карамзина и он сослался на нее в тре-

---

[1] Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оного виде, ч. I, М., 1801, стр. 1290—1296.

[2] Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXIV, вып. 1—2, Казань, 1908, стр. 1—212.

тьем томе своей истории[1]. Правда, Карамзин заметил анахронизмы, о которых было сказано выше, но почему-то приписал их «глупым дополнителям», уверяя, что сам автор не мог так написать. Из трех разноречивых дат прихода новгородцев на Вятку Карамзин, подобно Рычкову-старшему, принял XII в., но также ничем не аргументировал своего выбора.

По неизвестному мотиву Карамзин в «Повести о стране Вятской» заменил «Чусовские места» рекой Осой (Осинкой). Правда, перевал от «Чусовских мест» до верховьев р. Чепцы слишком велик, но ведь и река Осинка (левый приток Камы) в перевале на р. Чепцу не могла иметь никакого значения. Как видно из документов, перевал с р. Камы на р. Чепцу в древности производился по р. Очеру, правому притоку р. Камы. По излишнему доверию к «Повести о стране Вятской», Н. М. Карамзин в своей «Истории» допустил также довольно существенную ошибку: посылку войск из Москвы на Вятку в 1456 г. он приписал великому князю Московскому Василию Дмитриевичу, который в действительности умер в 1425 г[2]. Следует отметить, что, занимаясь рассмотрением «Повести о стране Вятской», Н. М. Карамзин смешивал 2-х первых публикаторов Рычковых, ошибочно приписывая Рычкову-младшему составление «Опыта казанской истории» и статью «О начале Российских жилищ на р. Вятке».

Признание Н. М. Карамзиным достоверности «Повести о стране Вятской» окончательно утвердило авторитет ее, как исторического источника. Русские историки стали высказываться в духе основных положений «Повести»: Вятскую землю или Вятку они называли Новгородской колонией, основанной в XII в. и сохранившей свою политическую самостоятельность до 1458 г. Н. И. Костомаров, например, писал о Вятке как об одном из трех народоправств, потерявшем свое республиканское устройство лишь в конце XV в.[3]

В 1870 г. двумя авторами — С. Васильевым и Н. Бехтеревым (последний был преподавателем женской гимна-

[1] Н. М. Карамзин, История государства Российского, кн. I, т. III, Изд. 5-е, С.-Пб., 1842, стр. 22—24 и Примечания к III тому, стр. 16—18.

[2] Н. М. Карамзин, Ук. соч., кн. II, т. V, С.-Пб., 1842, стр. 126.

[3] Н. И. Костомаров, Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада, т. I, Изд. 3, С.-Пб., 1886.

зии и уездного училища г. Вятки) издан первый том «Истории Вятского края»[1]. Книга эта представляет собой переделку «Истории вятчан» Вештомова с прибавлением материалов по истории Вятского мужского монастыря и материалов некоторых статей, опубликованных в «Вятских губернских ведомостях». Таким образом, первоначальная история Вятки здесь изложена на основе все той же «Повести о стране Вятской».

На основе той же «Повести» изложена первоначальная история Вятки и в двух исторических очерках, опубликованных в 1880 г. Вятским губернским статистическим комитетом в сборнике, посвященном столетию Вятской губернии: «Краткий очерк истории Вятского края до открытия в нем наместничества» (автор А. Л. Андриевский) и «Постепенное развитие внешнего вида города Вятки и занятий его населения» (автор Н. А. Спасский)[2].

Таким образом, вплоть до 80-х годов XIX века первоначальная история Вятской земли излагалась исключительно на основе положений «Повести о стране Вятской». Интересно отметить, что первый русский историк В. Н. Татищев при составлении своей «Российской истории» не заимствовал из «Повести о стране Вятской» ни одного известия, хотя он, несомненно, был знаком с ней, поскольку он руководил в Оренбурге «Комиссией по географическим делам», когда в эту Комиссию был послан в 1739 г. экземпляр «Повести». Это обстоятельство значительно позднее было отмечено А. С. Верещагиным, который в 1887 г. рекомендовал историкам относиться к содержанию «Повести» с особенной осторожностью и следовать в этом отношении примеру Татищева[3].

---

[1] С. Васильев и Н. Бехтерев. История Вятского края с древнейших времен до начала XIX столетия, т. I. От прибытия новгородцев на Вятку до начала XVIII столетия — с 1174 г. по 1700 год. Вятка, 1870, стр. 273. Второй том этой истории, составленный С. Васильевым, не был издан. В рукописи он хранится в Кировской публичной библиотеке им. А. И. Герцена.

[2] «Столетие Вятской губернии». 1780—1880. Сборник материалов к истории Вятского края, т. I. Вятка, 1880, стр. 51—83, 101—181.

[3] П. Н. Луппов. К вопросу о происхождении «Повести о стране Вятской». Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории языка, литературы и фольклора, вып. XII, Ижевск, 1949, стр. 79.

Сомнение в достоверности рассказов «Повести о стране Вятской» о заселении новгородцами Вятской земли впервые было высказано в печати в 1881 г. Н. Н. Романовым в «Статистическом очерке постепенного увеличения населения всех уездов Вятской губернии в последнее столетие», опубликованном во II томе упоминавшегося сборника, посвященного столетию Вятской губернии[1].

В последующие годы сомнения в достоверности «Повести» усилились. Студент С.-Петербургского университета А. А. Спицын выразил их в своем кандидатском сочинении на тему «О заселении русскими Вятской земли». Правда, рецензент сочинения (профессор Замысловский) отказал студенту в присуждении ученой степени за критику столь «уважаемого источника», и А. А. Спицыну пришлось подавать в качестве диссертации другую работу по местной же истории, но уже без критики «Повести о стране Вятской»[2]. Тем не менее, критику «Повести» он опубликовал потом в местных изданиях. В них он писал, что к «Повести о стране Вятской» нельзя питать такое доверие, с каким относились к ней Рычковы, Карамзин, Вештомов, Костомаров; что она написана лишь в конце XVII в. и, следовательно, не имеет авторитета древности Сомнительно, по его словам, возникновение первых русских поселков на Вятке в XII в. и принадлежность их основателей к новгородской дружине. Две древнейшие хронологические даты «Повести» (1174 и 1181 гг.), по мнению Спицына,—результат домысла сотрудников вятского епископа Ионы, управляющего епархией в 1675—1700 гг., а рассказ «Повести» о независимости вятчан от русских князей в течение 278 лет опровергается русскими летописями и другими историческими документами[3].

В 1887 г. с критикой «Повести о стране Вятской» выступил другой вятский историк — А. С. Верещагин. На

---

[1] «Столетие Вятской губернии», т. II, Вятка. 1881. стр. 739—818.

[2] Мы говорим об этом на основании рассказов самого А. А. Спицына.

[3] «Вятские губернские ведомости», 1882, № 85; Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. VI, вып. 2, Казань, 1888, стр. 37—46. Помещенная здесь статья «Один из источников истории Вятского края» перепечатана в «Вятских губернских ведомостях» за 1888 г. (№ 83—87) под названием «Первый труд по истории Вятского края».

XII (Ярославском) археологическом съезде он прочел по этому вопросу два реферата: «Заселена ли была Вятка новгородскими выходцами в XII веке?» и «Откуда почерпнуты и насколько достоверны вообще показания «Вятского летописца» («Повести о стране Вятской»)[1]. После этого А. С. Верещагин еще не раз возвращался к вопросу о недостоверности «Повести»[2]. Наиболее существенные его возражения таковы:

1. Путешествие новгородской дружины по Каме и семилетнее проживание ее в специально устроенном на р. Каме городке является невероятным именно для XII в. В то время еще весьма сильное Болгарское ханство не допустило бы свободного путешествия и проживания русских в пределах Болгарии. Невероятно также, чтобы болгары допустили дружинников подняться до р. Чусовой, т. е. зайти в тыл Болгарии.

2. Невероятен слишком большой перевал дружинников от р. Чусовой до верховьев р. Чепцы.

3. Столкновений с удмуртами в XII в. на р. Чепце не могло быть потому, что в это время последние еще не жили на Чепце: они пришли сюда позднее.

4. Выход русских дружинников из Великого Новгорода и постройка ими городов Котельнича и Хлынова в «Повести» относится одновременно к XI, XII и XIII вв. Между тем о существовании на Вятке каких-то городов впервые упоминается в документах лишь в XV в. (около 1433 г.), а построенные на Вятке города впервые называются по имени лишь в документах 2-ой половины XV в.

5. Рассказ «Повести» о заселении Вятской земли новгородцами не подтверждается ни документами, ни географическими наименованиями в Вятской земле. Новгородские, а равно и другие летописи совсем не упоминают о переселении значительной массы новгородцев на посто-

---

[1] «Календарь Вятской губернии» на 1888 год. Вятка, 1887, стр. 155—175, 176—198.

[2] См. его работы: «Хлынов старше или Хлыново?» «Памятная книжка Вятской губернии и календарь» на 1904 год (отд. II, Вятка, 1903, стр. 323—401). «Из истории древнерусской Вятки». «Памятная книжка Вятской губернии и календарь» на 1905 год (отд. II, Вятка, 1904, стр. 179—233). В 1905 году он опубликовал полностью текст «Повести о стране Вятской» и в обширном послесловии к ней еще раз подверг ее критике. (Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. III, отд. II, стр. 54—97).

янное жительство в другие места. Об этом переселении не сохранилось ни одного документа. В писцовых и переписных книгах Вятской земли XVII в. А. С. Верещагин не нашел ни одного новгородского наименования XII или XIV вв. В своей статье он указал ряд географических наименований нижегородско-суздальского происхождения XIV в.

6. Политическая независимость Вятской земли от русских князей на протяжении 278 лет (от 1181 до 1459 гг.) не подтверждается документами XV в.: до 1459 г. вятчане подчинялись то галицкому князю, то великому князю Московскому. В конце XIV в. Вятку завоевали татары. Что касается XII и XIII вв., то тогда на средней Вятке никакого русского населения еще не было.

7. Как указывает А. С. Верещагин, «последние краткие летописные известия повести ...оказались выписанными из «Временника» со всеми ошибками, появившимися в последнем исключительно от спутанности листов его источника»[1]. К числу таких ошибок принадлежат: известие о посылке на Вятку войск великим князем Московским Василием Дмитриевичем в 1456 г., известие об отправлении великим князем Василием Васильевичем на Вятку в 1471 г. Бориса Слепца с приказанием вятчанам, вместе с устюжанами, идти на Двинскую землю. Из «Временника» переписано также известие о походе вятчан на Сарай в 1471 г. и о гибели их при возвращении из похода, которое, как говорит А. С. Верещагин, во всех русских летописях передается иначе (нигде не говорится о гибели вятчан по возвращении из похода)[2].

8. А. С. Верещагин обращает также внимание на то, что вятчане в «Повести о стране Вятской» изображены совсем не такими, какими они выступают в документах XIV—XV вв. В «Повести» они благочестивы и богомольны; в документах — злы и «кроволитны».

Общее заключение А. С. Верещагина о «Повести» таково: «Повесть о стране Вятской», служившая единст-

---

[1] А. С. Верещагин. Послесловие к повести. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. III, отд. II, стр. 69.

[2] А. С. Верещагин, там же, стр. 65.

венным первоисточником стольких писаний о начальной истории древнерусской Вятки,— источник не только не точный и сомнительный, но прямо «спутанный» и недостоверный своею передачею разных спутанных и искаженных временем преданий об отдельных событиях, скорее затемняющий, чем разъясняющий историю древней Вятки». Серьезный и беспристрастный исследователь, выше всего ставящий правду и точность, по мнению А. С. Верещагина, не может принимать на веру показания такого источника без критического их разбора и подтверждения другими, несомненно достоверными источниками[1].

С тех пор, как было высказано такое заключение о «Повести о стране Вятской», прошло уже более сорока лет. За это время в русской исторической литературе не было сделано ни одного замечания о неправильности выводов А. С. Верещагина. Мои исследования целиком подтверждают его точку зрения. За время своей более чем 50-летней работы по истории Вятского края я с особенной тщательностью следил за тем, не найдутся ли в архивах городов Вятской земли, соседних областных центров, Москвы и Ленинграда какие-либо новые материалы, которые подтвердили бы излагаемые в «Повести» сведения о новгородском происхождении первых русских поселенцев на Вятке и о появлении их здесь еще в XII в. Но ни одного документа с подобными сведениями не было найдено. Напротив, все данные, найденные мною в архивах, не соответствовали содержанию «Повести».

Из сказанного можно видеть, что «Повесть о стране Вятской» не может рассматриваться как сколько-нибудь достоверный исторический документ, подобный летописям. Как справедливо отметил А. С. Верещагин, «только с конца XIV в. начинаются упоминания о Вятке в летописях и актах, начинает обнаруживаться русская жизнь на Вятке»[2]. Однако сведения о первоначальном заселении Вятской земли, базирующиеся на сказаниях, изложенных в «Повести о стране Вятской», продолжают изредка проскальзывать в исторической

---

[1] Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. III, отд. II, стр. 66—67.

[2] Там же, стр. 97.

литературе. Объясняется это, по-видимому, тем, что до некоторых авторов, особенно столичных, не дошли местные (вятские) работы, говорящие о недостоверности «Повести».

Так, М. Н. Покровский в своей книге «Русская история в самом сжатом очерке» писал, что новгородцы построили г. Хлынов в 1181 г.[1]; между тем, даже и «Повесть» относила к 1181 г. лишь постройку Никулицына, строительство же Хлынова показывает позднее. В изданной под редакцией А. В. Шестакова книге «Материалы по истории СССР» рассказывается о выходе новгородцев из Новгорода в 1174 г. и об устройстве ими г. Хлынова в 1181 г.[2] При этом здесь, без указания использованных источников, допускаются фантастические домыслы и совершенно произвольные толкования: по излагаемой в этой книге версии выходит, что новгородцы ушли на Каму, напали там на удмуртов и захватили район «Болванки», где якобы и основали в 1181 г. г. Хлынов; между тем «Повесть» определенно говорит, что новгородцы взяли приступом Чудь-Болванский городок и построили г. Хлынов не на Каме, а на Вятке, невдалеке от устья р. Чепцы.

Укажем еще на один пример продолжающегося влияния «Повести о стране Вятской» на изложение первоначальной истории г. Хлынова. В первом томе «Истории СССР», изданном в 1939 г. Институтом истории Академии наук СССР и кафедрой истории Московского университета[3], помещена карта Восточной Европы в XII и в первой половине XIII в.[4]. На этой карте обозначены два начальных пункта Вятской земли — Хлынов и Никулицын. На самом же деле, как уже было сказано выше, первые русские населенные пункты на средней Вятке появились не ранее XIV в., а появление городов здесь можно относить лишь к первой половине XV в.

---

[1] М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. ч. 1—2. М.—Л., 1931, стр. 276.

[2] Материалы по истории СССР. Под редакцией А. В. Шестакова, ч. I. Киров, 1939, стр. 77.

[3] История СССР. т. I. С древнейших времен до конца XVIII в. Под редакцией проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова и члена-корр. Академии наук С. В. Бахрушина. М., 1939, стр. 792.

[4] Карта составлена И. А. Голубцовым.

Когда и по какому поводу была написана «Повесть о стране Вятской»? А. Вештомов в своей «Истории вятчан» заявляет, что «Повесть» написана давно, но ничем этого неопределенного заявления не подтверждает. Позднее А. А. Спицын и А. С. Верещагин отнесли написание «Повести» к концу XVII в., причем последний автор допускал возможность составления ее и в начале XVIII в. Решающим показателем составления «Повести» не ранее конца XVII в., согласно А. С. Верещагину, является тот факт, что «последние краткие летописные известия» в ней выписаны из так называемого «Временника»[1] со всеми ошибками, имеющимися в последнем, а «Временник» доведен до 1700 г.[2] Мне кажется, что можно более точно установить время написания «Повести».

В 1725 г. на запрос Герольдмейстерской конторы, «когда поставлены города Вятской провинции» (т. е. Хлынов, Орлов, Котельнич, Слободской и Шестаков), из Хлынова сообщили в С.-Петербург, что «в земской избе о том известий не имеется». Такие же ответы были даны и из других городов провинции[3]. Таким образом, в 1725 г. еще не были известны летописные сказания или другие письменные источники о времени постройки Хлынова и других городов Вятской земли. Через 14 лет, в 1739 г., как уже было сказано выше, приехавший в Хлынов геодезист Клешнин получил от жителей города рукопись «Повести о стране Вятской». Из этого можно сделать вывод, что «Повесть» появилась, очевидно, между 1725 и 1739 гг.

Что касается повода к написанию «Повести», то его довольно легко установить даже при беглом чтении сказания. В нем много говорится об установлении ходов с иконами на местах древнейшего заселения русскими Вятской земли (в Никулицыне, Волкове, на реке Великой и около Хлынова). Автор «Повести» старается сосредоточить внимание читателей на том, что новгородские поселенцы, люди весьма благочестивые, установили кре-

---

[1] «Временник ...еже нарицается Летописец Российских князей...» опубликован А. С. Верещагиным в Трудах Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. II, отд. II, стр. 1—67.

[2] Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. III, отд. II, стр. 68—69.

[3] Там же, стр. 2.

стные ходы по особым обетам навсегда для «вселетной памяти». По мнению А. А. Спицына, автор сказания хотел познакомить читателя с результатом выяснения (в конце XVII в.) поводов к установлению крестных ходов в Хлынов[1].

Из архивных материалов видно, что вопрос о ходах с «чудотворными» иконами волновал вятчан во время пребывания на Вятке епископа Лаврентия Горки (1733—1737 гг.). В первый же год по приезде в Хлынов епископ объявил, что без указа Синода он не будет разрешать хождение по епархии с иконами, так как опасается распространения духовенством «суеверий» среди населения[2]. Это объявление оказалось, в сущности, запрещением крестных ходов из Хлынова по епархии и, конечно, оно сильно взволновало хлыновцев: посадские и купцы уже с давних времен привыкли к крестным ходам, а духовенство хлыновских церквей оказалось под угрозой уменьшения доходов. Все они, конечно, желали немедленного восстановления крестных ходов, но не могли надеяться на то, что епископ отменит свое распоряжение по собственной инициативе.

Дело в том, что Лаврентий «был крайним ненавистником суеверий», как писал о нем впоследствии его биограф. Между тем, в ходы с иконами к тому времени уже вкрались нехристианские обычаи. Так, вместе с иконой Георгия Победоносца из Волкова в Хлынов население носило окованные железом «вотские стрелы», почитая их чудодейственным средством от некоторых болезней. Во время молебнов в церкви богомольцы покалывали стрелами больные части тела. Некоторые брали стрелы в полную собственность, платя за них деньги в церковную казну[3].

Итак, хлыновцам приходилось самим ходатайствовать перед Синодом о восстановлении на Вятке ходов

[1] А. А. Спицын. Один из источников истории Вятского края. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. VI, вып. 2, Казань, 1888, стр. 37—46.

[2] Об этом объявлении Лаврентия Горки говорилось в указе Хлыновского архиерейского приказа протопопу кафедрального собора от 2 мая 1737 года (Кировский исторический архив, фонд кафедрального собора).

[3] Труды Вятской ученой архивной комиссии 1907 года, вып. III, отд. III. Вятка, 1907, стр. 71—74.

«со чудотворными» иконами. Для этого, несомненно, нужно было составить особую записку с объяснением обстоятельств, вызвавших установление крестных ходов. Такой запиской, очевидно, и была «Повесть о стране Вятской». Кто же был автором «Повести», это до сих пор в научной литературе не установлено. А. А. Спицын еще в 1885 г. утверждал, что «Повесть» составлена лицом духовного звания, вятчанином, притом хлыновцем по происхождению, хорошо знающим топографию г. Хлынова[1]. А. С. Верещагин считал, что «Повесть» составлял книжник «далеко не умелый»[2]. Однако оба названные историка не высказали каких-либо предположений о конкретном авторе.

Как ни желали хлыновцы восстановить на Вятке хождение с «чудотворными» иконами, поднимать это дело в Синоде они не решились. Ходатайство перед Синодом было бы равносильно жалобе на Лаврентия. Между тем в первый же год пребывания его в Хлынове жители убедились в том, что жаловаться на него не безопасно. Так, в 1734 г. три хлыновца, отправившиеся в С.-Петербург с жалобой на епископа, после первого же допроса оказались на скамье подсудимых. Главный из них — архимандрит Трифонова монастыря Александр, находясь под арестом, сказал какое-то слово о чести государевой (это было в страшную пору «бироновщины») и за это был взят в тайную канцелярию, лишен сана и предан смертной казни.

Таким образом «Повесть о стране Вятской» не сослужила вятчанам службы для восстановления ходов с иконами. В течение всего пребывания епископа Лаврентия на епархии эти ходы оставались под запретом. Только по смерти его (10 апреля 1737 г.) ходы с иконами были разрешены местным архиерейским приказом при содействии Вятской провинциальной канцелярии. Не оправдав своего прямого назначения, «Повесть о стране Вятской» сыграла совсем другую роль, сделавшись первоисточником сведений о ранней истории Хлынова и Вятской земли.

---

[1] Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. VI, вып. 2, Казань, 1888, стр. 46.

[2] Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. III, отд. II, стр. 69.

Перейдем к литературе по истории г. Хлынова, основанной на других источниках, т. е. не на «Повести о стране Вятской». Собирание этих материалов начинается сравнительно поздно, уже в конце XVIII в.

В 1772 г. профессор Хлыновской Славяно-латинской школы игумен Платон Любарский составил «Любопытное известие о Вятской епархии и о бывших в ней архиереях с начала до ныне» (т. е. с 1658 по 1772 гг.). Источником этого труда послужили предания и рассказы населения, преимущественно духовенства. «Известие» было напечатано впервые в 1780 г. в «Любопытном месяцеслове»[1], а затем перепечатано в 1848 г. в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских»[2], а также издано особой книжкой.

В 1881 г. известный русский писатель Н. С. Лесков заинтересовался этой книжкой. На основе ее он напечатал в «Историческом Вестнике» статью «Святительские тени», которую перепечатал потом в собрании своих сочинений (в отделе «Рознь»).

Немало сведений по истории Хлынова включил в свою «Историю вятчан» упоминавшийся выше вятский историк Александр Вештомов. К сожалению, он не цитировал источников, которыми пользовался, и даже не оставил их перечня. В настоящее время все использованные им источники утрачены, и поэтому многие приводимые автором сведения не поддаются проверке. Интерес к Вятке и ее истории усилился со второй четверти XIX в.— с тех пор, как царское правительство сделало Вятку местом политической ссылки. В мемуарах ссыльных А. И. Герцена[3], И. В. Селиванова[4], А. М. Унковского[5] появилось немало сведений о г. Вятке.

Уяснению истории г. Вятки помогли собрание и публикация архивных документов для общерусской исто-

---

1 «Любопытный месяцеслов» на 1780 г. С.-Пб., 1780, стр. 23—62.

2 Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете, М., 1848, № 7, Смесь, стр. 47—64.

3 А. И. Герцен. соч., т. IV, «Былое и думы».

4 Записки дворянина-помещика, бывшего в должности предводителя, судьи и председателя палаты. «Русская старина», т. XXVIII, С.-Пб., 1880, стр. 477—481.

5 Записки Алексея Михайловича Унковского. «Русская мысль», 1906, кн. VII, стр. 91—92 (вторая пагинация).

рии: государственных грамот и договоров[1], а также актов, собранных археографической экспедицией в 40-х годах XIX столетия[2]. Большое значение для изучения истории Вятки имела организация Губернского статистического комитета (1836 г.), который издавал сначала списки служащих в Вятской губернии, а затем— «Памятные книжки» и «Календари Вятской губернии»[3]. В одной из «Памятных книжек» (на 1857 г.) была напечатана статья А. Тянгинского по истории Вятки за XV, XVI и начало XVII вв. под заглавием «Достоверные известия о древней Вятке»[4]. Следует отметить, что автор, давший такое заглавие своей статье, находил в то же время весьма вероятным и то, что говорилось в «Повести о стране Вятской» за время с 1174 по 1400 гг.

В 1870 г. Н. П. Бехтерев опубликовал «Исторический очерк Вятской губернии», доведенный до начала 70-х годов, в котором значительное количество сведений за XIX в. изложено в виде простой краткой хроники событий[5]. В 1879 г. А. С. Верещагин издал «Свод летописных известий о Вятском крае»[6]. Он же избрал «Древние акты, относящиеся к истории Вятского края» (за XV, XVI и XVII вв.), которые были изданы Вятским губернским статистическим комитетом в особом томе[7]. К 1880 г. названный Комитет усилил розыски архивных материалов, относящихся к истории города Вятки. С 1881 г. «Памятные книжки (Календари) Вятской губер-

---

[1] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. I—II, М., 1813—1819.

[2] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской Академии наук. т. I—IV, С.-Пб., 1836.

[3] Это издание в разное время называлось по-разному: с 1857 по 1879 гг.—«Памятная книжка Вятской губернии», с 1880 по 1893 гг.—«Календарь Вятской губернии», с 1894 по 1898 гг.—«Календарь и памятная книжка Вятской губернии», с 1899—«Памятная книжка Вятской губернии и календарь».

[4] «Памятная книжка Вятской губернии» на 1857 г., Вятка, 1857, стр. 117—130.

[5] «Памятная книжка Вятской губернии» на 1870 г., Вятка, 1870, отд. V, стр. 33—54.

[6] Русские летописцы о Вятке. «Вятские епархиальные ведомости», 1879, №№ 23, 24; 1880, №№ 1, 3, 4, 6, 7, 9, 10.

[7] Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Приложение к 2 тому сборника «Столетие Вятской губернии». Вятка, 1881, стр. 245.

нии», в которых, наряду с другими материалами, помещались и некоторые исторические сведения о Вятке, стали издаваться ежегодно. С изданием большого количества новых архивных материалов, разработка истории Вятского края, а равно и истории города Вятки значительно усилилась.

Наибольшее число работ по истории города Вятки, опубликованных в конце XIX и в начале XX вв., принадлежит А. С. Верещагину. В первой половине 80-х годов А. С. Верещагин опубликовал критические статьи по поводу упоминавшихся выше «Святительских теней» Н. С. Лескова, основываясь на литературных и архивных материалах[1]. В 1887 г. он выступил с критикой «Повести о стране Вятской», а начиная с 1895 г. ежегодно публиковал в «Календарях (Памятных книжках) Вятской губернии» статьи по различным вопросам истории города Вятки[2].

Кроме А. С. Верещагина в разработке истории Вятского края приняли участие два преподавателя Вятской женской гимназии А. А. Спицын и В. П. Юрьев. Первый из них свыше 12 лет принимал деятельное участие в работе по изучению истории города Вятки. В «Памятных книжках (Календарях) Вятской губернии» им был помещен целый ряд статей по истории города и Вятской земли[3]. В. П. Юрьев опубликовал во второй половине

[1] «Вятские епархиальные ведомости», 1881, № 23; 1882, №№ 1, 3, 7, 12, 19; 1883, №№ 8, 9, 13; 1885, №№ 15, 16.

[2] Статьи следовали в таком порядке: «Замечательные, но забытые вятчане» («Календарь» на 1895 г.), «Ученый южнорусс на Вятке в XVIII веке» («Календарь» на 1895 г.), «В. Я. Колокольников» («Календарь» на 1896 г.). «Вятские стихотворцы XVIII века» («Календарь» на 1897 и на 1898 гг.), «Редкий масон на Вятке тридцатых годов» («Календарь» на 1899 г.), «Вятский Успенский монастырь при преподобном Трифоне («Календарь» на 1902 г.), «Хлынов старше или Хлыново?» («Календарь» на 1904 г.), «Из истории древне-русской Вятки» («Календарь» на 1905 г.). В 1907 году в Трудах Вятской ученой архивной комиссии Верещагин опубликовал статью «Суздальско-нижегородские князья в истории древней Вятки» (вып. I—II, отд. III, стр. 1—30).

[3] «Свод летописных известий о Вятском крае» («Календарь» на 1884 г.); «Вотчины Успенского Трифонова монастыря» («Календарь» на 1886 г.); «Земля и люди на Вятке в XVII столетии» («Календарь» на 1887 г.); «Подати, сборы и повинности на Вятке в XVII столетии» («Календарь» на 1888 г.); «Местное и областное управление на Вятке до XVIII века» («Календарь» на 1889 г.); «Древнейшая судьба Вятской облас-

80-х годов в «Вятских губернских ведомостях» довольно значительное количество архивных материалов о г. Вятке начала и второй половины XVIII в.[1] В первой половине 80-х годов опубликованы статьи В. И. Огнева о начале Вятской епархии[2].

В конце 1904 г. в Вятке была учреждена Ученая Архивная комиссия, которая с 1905 г. начала издавать свои Труды по истории Вятского края. Редактором этих Трудов был избран А. С. Верещагин. В первый же год существования Комиссии она издала в своих Трудах следующие письменные памятники по истории Вятки с редакторскими предисловиями и послесловиями: «Летописец старых лет», «Вятский временник», «Повесть о стране Вятской», «Повесть о Великорецкой иконе святителя Николая», «Расходная книга земского старосты Ивана Репина 1678—1680 гг.»[3].

Позднее в Трудах Комиссии были напечатаны «Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря» (1906 и 1907); «Грамоты Вятского архиерейского дома» (1907). Параллельно с этим в Трудах Комиссии издавались и отдельные документы по истории, найденные частью А. С. Верещагиным, частью другими лицами. В Трудах за 1906 г. была опубликована также уже упоминавшаяся статья А. С. Верещагина «Суздальско-нижегородские князья в истории древней Вятки».

В 1913 г. Ученая Архивная комиссия издала в своих Трудах работу своего сочлена Л. Н. Спасской «Прошлое Вятки»[4]. Работа эта характерна тем, что в ней уже со-

---

ти» («Календарь» на 1890 г.); «История Вятского главного народного училища» («Календарь» на 1891 г.); «Преподаватели русского языка и словесности в Вятской гимназии в 1811—1865 гг.» («Календарь» на 1892 г.).

[1] «Вятские губернские ведомости». 1885, №№ 6—11, 13—22, 91—98; 1886, №№ 87—96, 98—103; 1887, №№ 85, 87 89, 91, 92, 97, 99, 101—104; 1888, №№ 3, 4, 5, 6, 22—24, 29, 30, 36, 37, 38, 40, 42, 92, 93, 94.

[2] «Вятские епархиальные ведомости», 1881, №№ 17, 18, 19; 1883, №№ 5, 6, 10, 14, 17, 19, 20—24; 1884, №№ 8—12, 20, 21.

[3] Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, Вятка, 1905.

[4] Л. Н. Спасская. Прошлое Вятки с ее заселения русскими до воцарения Михаила Федоровича Романова. Исторический очерк. Труды Вятской ученой архивной комиссии, 1913 г., вып. I—II, отд. I, стр. 1—345.

вершенно не принимается во внимание «Повесть о стране Вятской» и первоначальное заселение Вятской земли русскими относится к XIV, а не к XII в. В остальном книга Л. Н. Спасской основана лишь на печатных Трудах и не дает новых сведений о г. Вятке.

Обширный материал по истории г. Вятки отражен в двух моих исследованиях по истории вотяков (удмуртов)[1]. В них Вятка рассматривается в связи с ее воздействием на удмуртов со времени первых исторических известий о них до второй половины XIX в. Оба исследования основаны, главным образом, на архивных материалах.

Великая Октябрьская социалистическая революция сделала доступными для исследования запретные прежде темы о политической ссылке и о революционном движении. Это позволило мне разработать ряд новых тем о г. Вятке. В 1923 г. была опубликована моя статья «Вятский край 50 лет тому назад», рассказывающая о революционных кружках учащихся в г. Вятке («Вятская жизнь», 1923, № 1). Затем были опубликованы и другие мои статьи: «А. И. Герцен в вятской ссылке» («Вятская жизнь», 1923, № 2); «Статистические работы А. И. Герцена» («Литературное наследство», М., 1941); «А. А. Андриевский — вятский политический ссыльный» (Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения, Вятка, 1926, № 1); «П. И. Стучка — вятский политический ссыльный» («Вятская правда», 1932, № 34); «Документы о пребывании В. Г. Короленко в вятской ссылке», найденные мною в Вятке («Каторга и ссылка», 1933, № 1). В 1934 г. мною издана книга «Политическая ссылка в Вятский край» (Изд. Политкаторжан, М., 1933). Позднее напечатаны статьи «Из неопубликованных материалов о М. Е. Салтыкове-Щедрине» («Кировская правда», 1935, № 114) и «М. Е. Салтыков-Щедрин» («Кировская правда», 1939, № 109).

Кроме того, сведения по истории города Вятки были помещены мною в «Историческом очерке Вятского края» (сб. «Вятский край», Вятка, 1929), в статье «Вятка. Ис-

---

[1] П. Н. Луппов. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до конца XVIII века. Издание 2-е исправленное и дополненное, Вятка, 1901, стр. 298. П. Н. Луппов. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Исследование. Вятка, 1911, стр. 568.

торический очерк» («Большая Советская Энциклопедия», т. XIV, 1929, стр. 132—134) и в статьях «Вятка» («Вятская правда», 1934, № 116 и 122), «К истории древней Вятки» («Комсомольское племя», 1935, № 53), «Кировский Кремль 17 века» («Кировская правда», 1937, № 10). Наконец, в особой статье мною были приведены сведения о числе собственноручно подписавшихся в книге брачных обысков женихов и невест по двум приходам города Вятки (городскому и деревенскому) за время с 1838 по 1918 гг., что имеет значение для изучения грамотности населения[1].

Из приведенного обзора видно, что разработка истории города Вятки началась, строго говоря, очень недавно: всего лишь с 80-х годов XIX века. До этого времени начальная история Вятки представлялась неправильно, и возникновение города обычно относили к более раннему времени, чем это было в действительности. В конце XIX и в начале XX вв. был опубликован ряд исследований, освещающих отдельные вопросы истории города (работы А. С. Верещагина, А. А. Спицына, П. Н. Луппова и некоторых других авторов). Однако, сколько-нибудь полного исторического очерка города Вятки до сих пор не было составлено. Это побудило меня взять на себя труд по составлению очерка истории этого города за все время его существования.

В предлагаемом очерке «История города Вятки», помимо печатной литературы, мною использованы архивные материалы о г. Вятке, рукописи, устные предания и рассказы, записанные разными лицами. Архивные материалы найдены мною, главным образом, в трех городах: Кирове (Вятке), Москве и Ленинграде. В свое время архивные материалы о г. Вятке хранились также в некоторых других городах, с которыми Вятка была в административной связи, например, в Казани, Нижнем Новгороде (ныне Горьком), Перми. При посещении мною этих городов, в двух из них (Горьком и Перми) я уже не нашел никаких материалов о городе Вятке, а в Казани (бывшей для Вятки губернским городом свыше

---

[1] Об изучении грамотности населения по архивным материалам (опыт разработки архивных материалов Вятского края). Известия Вятского научно-исследовательского института краеведения, Вологда, 1922, № 1, стр. 51—65.

полустолетия XVIII в.) сохранились небольшие остатки архивных фондов.

Историю города за все время возникновения до Октябрьской революции я делю на следующие периоды:

I. От возникновения русского населенного пункта до окончательного присоединения его к Москве (до 1489 г.).

II. От 1489 г. до окончания польской интервенции (в начале XVII в.).

III. XVII век.

IV. XVIII век до преобразования Хлынова в губернский город Вятку в 1780 г.

V. От 1780 г. до крестьянской реформы 1861 г.

VI. От 1861 г. до 1917 г.

В каждом периоде история города рассматривается по следующим разделам: 1) территория города, 2) городовые укрепления, 3) численность населения, 4) ремесла, 5) фабрично-заводская промышленность, 6) торговля — местная и вывозная, 7) повинности городского населения, 8) управленческий аппарат в городе, 9) состояние образования, 10 медицина и здравоохранение.

В качестве отдельных разделов выделены такие темы, как: «Роль Вятки в борьбе русских с татарами. Присоединение Вятки к Москве», «Хлынов в годы крестьянской войны и иностранной интервенции (начало XVII в), «Выступление посадских г. Хлынова совместно с уездными крестьянами против взяточничества местных воевод», «Город Хлынов в период Разинского движения», «Отношение хлыновской администрации к нерусским народностям», «Хлынов во время Пугачевского восстания», «Участие Вятки в Отечественной войне 1812 г. и в Крымской войне 1853—1856 гг.»

Глава I

ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ Г. ХЛЫНОВА ДО ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЕГО К МОСКВЕ

Древнейшие известия о населенности территории, расположенной по среднему течению р. Вятки, очень скудны. Воскресенская летопись под 1374 годом рассказывает о русских ушкуйниках, которые на 90 лодках направились для грабежа с берегов Вятки на Волгу, вплоть до Сарая, и вверх до реки Ветлуги и далее по Ветлуге вплоть до верховьев ее[1]. Летопись не говорит, где именно по р. Вятке жили ушкуйники. Но если они жили во многих населенных пунктах, то в числе этих пунктов несомненно был и тот, который впоследствии сделался городом Вяткой. Он обладал очень большими стратегическими удобствами: находился на высоком берегу р. Вятки, с двух сторон — северной и южной — был защищен глубокими оврагами и с западной стороны — болотом.

Про этот населенный пункт существуют удмуртские предания. Они рассказывают, что до прихода сюда русских здесь жили удмурты и тут же у них был племенной языческий молитвенный шалаш (куала). Когда стали поселяться здесь русские, удмурты удалились на восток и поселились на берегах р. Чепцы. Уходя, они сожгли свой молитвенный шалаш[2].

---

[1] Воскресенская летопись, ПСРЛ, т. VIII, стр. 21.

[2] Б. Гаврилов. Произведения народной словесности, обряды и поверия вотяков Казанской и Вятской губерний, Казань, 1880, стр. 152.

По сообщению летописей в начале 1390-х годов татарский царевич Бектут, по повелению хана Золотой Орды Тохтамыша, пошел на Вятку с войсками. Одну часть населения он посек, другую взял в плен[1]. Таким образом, Вятская земля попала в зависимость от татар почти на сто пятьдесят лет позднее, чем остальная Русь.

Лет через десять в нескольких летописях появилось известие о том, что на Вятке поселился князь Семен Дмитриевич со своей семьей и через пять месяцев скончался[2]. Кто такой был князь Семен и почему он оказался на Вятке — русские летописи XIV в. дают на этот вопрос достаточно обстоятельный ответ: Семен был сыном суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича, который всегда стремился вести дружбу с татарами и заслужить расположение хана Золотой Орды. В 1380 г. он не принял участия в выступлении русских князей против хана Мамая и отсутствовал на Куликовом поле, несмотря на то, что организатор обороны русской земли от татарской орды Дмитрий Донской, одержавший победу в знаменитой Куликовской битве, был его зятем. Когда в 1382 г. хан Тохтамыш, с целью отомстить за Куликовское поражение татар, пошел на Русь со своими полчищами, нижегородский князь прислал к нему двух своих сыновей Семена и Василия; они уговорили москвичей впустить татарские войска в Москву, уверяя москвичей, что татары не причинят Москве никакого вреда. Как известно, впущенные в Москву татары произвели в ней полный разгром, после которого в Москве оказалось до 24 тысяч трупов.

Когда (в 1382 г.) князь Димитрий нижегородский скончался, хан Тохтамыш предоставил ярлык на Нижегородское княжество брату умершего князю Борису. Борис выделил Семену и Василию, сыновьям умершего

---

[1] Летописи — Софийская, т. I (ПСРЛ, т. V, стр. 244), Воскресенская (ПСРЛ, т. VIII, стр. 61), Никоновская (ПСРЛ, т. XI, стр. 125), Типографская (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 158) под 1391 г.

[2] Смерть князя Семена в летописях отнесена к 1401 или 1402 г.— в Софийской II (ПСРЛ, т. VI, стр. 132), Воскресенской (ПСРЛ, т. VIII, стр. 76), Никоновской (ПСРЛ, т. XI, стр. 187), а также у Татищева или к 1405 г. в Архангелогородской летописи. («Летописец», содержащий в себе Российскую историю от 6360 до 7106 г... печатан в Московской типографии в 1781 г., стр. 105) и в Новгородской IV (ПСРЛ, т. IV, стр. 108).

князя Дмитрия, незначительные уделы (в Суздале). В 1393 г. они лишились и этого, так как Тохтамыш передал ярлык на Нижегородско-Суздальское княжество великому князю Московскому Василию I (сыну Дмитрия Донского), а тот изгнал Семена и Василия как разорителей Москвы из Нижегородско-Суздальского княжества. Оставшись совершенно без удела, князья Семен и Василий, по-видимому, стали просить золотоордынского хана выдать им ярлык на Вятскую землю, только что покоренную татарским царевичем Бектутом. Тохтамыш на этот раз удовлетворил их просьбу и Семен вскоре же поселил в Вятской земле свою семью.

В каком именно месте жила семья Семена? Летописи говорят об этом в связи с рассказом о захвате Московским князем жены Семена[1]. После новой попытки князя Семена захватить Нижний Новгород и после разграбления Нижнего Новгорода татарами — союзниками Семена, Московский великий князь послал войска для преследования Семена и его союзника — татарского царевича Сентяка. Это преследование не дало ожидаемых результатов. Тогда великий князь послал войско захватить княгиню Александру (жену Семена) с детьми и денежной казной. Войска великого князя, по словам летописи, захватили княгиню в земле татарской, у церкви Николы (Николая Чудотворца), которую построил татарин Хази-Баба, принявший после крещения имя Никулы (Николая).

Название этого места в летописях приводится не одинаковое: церковь была поставлена «на месте нарицаемом Чибирчи» (Новгородская четвертая летопись); «на месте нарицаемом Цибирцы» (Софийская вторая и Никоновская); «Цибирция» (летопись Львовская и Типографская); «Цибарица» (у Татищева); «Бирца» (летопись Авраамки); «Волосцибирцы» (Архангелогородская). Под этими названиями русские историки подразумевали различные населенные места: Симбирск (Арцыбашев), Цивильск (С. Соловьев), Чибиричи, бывш. селение Тетюшского уезда Казанской губ. (С. М. Шпилевский).

---

[1] Летописи — Новгородская IV (ПСРЛ, т. IV, стр. 108), Воскресенская (ПСРЛ, т. VIII, стр. 76) и Никоновская (ПСРЛ, т. XI, стр. 186—187).

Вятский историк А. С. Верещагин в 1906 г. высказал предположение, что приведенные летописные слова, несомненно, испорченные малограмотными переписчиками, следует читать: «на устьи Чепцы реки»[1]. Своей догадки Верещагин ничем не подкрепил. Между тем, в подтверждение этой догадки можно было бы привести то, что близ устья Чепцы в древности действительно была церковь Никулы, т. е. Николая Чудотворца. Поэтому и погост здесь назывался Николой Чепецким (ныне город Кирово-Чепецк). Вместе с княгиней укрывались, несомненно, и бояре князя Семена со своими семьями и слугами. Здесь же князь Семен, может быть, собирал рать для своего неудачного похода на Нижний Новгород. Таким образом, можно думать, что в конце XIV в. Никольский погост при устье Чепцы выделялся из среды других населенных пунктов сравнительной населенностью и являлся своего рода центром.

Следы былого значения Никольского погоста на устье р. Чепцы мы видим и позднее. По переписным книгам Хлыновского уезда XVII в. видно, что в селе этом, кроме двух церквей, существовала еще колокольня, которая в других селах Хлыновского уезда обычно отсутствовала. В колокольне была устроена третья церковь, что в других погостах Хлыновского уезда также не наблюдалось. Населения в этом погосте уже в XVII в. было больше, чем в некоторых городах Вятской земли (Орлове, Котельниче или Шестакове).

Заслуживает внимания еще одна деталь. В 25 километрах от Никольского погоста (в селении Карине) жили арские князья (из татар). Мы думаем, что они здесь поселились в самом конце XIV в. после того, как Тохтамыш дал князю Семену ярлык на Вятскую землю. Может быть, князь Семен хотел отблагодарить арских князей за какие-нибудь заслуги (например, за содействие укрывательству его от Московского великого князя, за участие в попытке князя Семена захватить Нижний Новгород или, наконец, в надежде на охрану арскими князьями княгини Александры в погосте Никольском на время частых отлучек князя Семена). Земельные вла-

---

[1] А. С. Верещагин. Суздальско-нижегородские князья в истории древней Вятки. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1906 года, вып. I—II, отд. III, стр. 12—22.

дения каринских татар в древности доходили до р. Чепцы. Князья Девятьяровы из каринских татар владели перевозом через р. Вятку (у устья Чепцы) на расстоянии одного километра от погоста Никольского. Для поселения перевозчиков татары основали на левом берегу р. Чепцы небольшую деревню, которая и стала называться Девятьяровской. Деревня существует и до сих пор.

Московские войска забрали княгиню Александру с детьми и денежной казной и увезли в Москву, где она и содержалась в заточении. Услышав об этом, князь Семен написал великому князю письмо (челобитье), в котором отказывался совершенно от княжества Нижегородского. Московский князь послал ему «опас» — охранную грамоту, с которой тот и явился в Москву выручать жену и детей. Великий князь Московский потребовал от него удаления из пределов Московского княжества Князь Семен подчинился требованиям князя Московского. Только после этого Московский князь освободил его семью и князь Семен поехал с ней на Вятку, где и жил до своей смерти. С ним поселился его брат Василий по прозванию Кирдяпа.

В каком же положении жил на Вятке князь Семен: владетельным ли князем или просто князем-изгоем, высланным из Москвы? Вполне удовлетворительный ответ на этот вопрос дает договорная грамота (писанная около 1446 г.) внуков его брата Василия Кирдяпы — князей Василия и Федора — с князем Димитрием Шемякой. В ней потомки суздальских князей называют Вятку своей отчиной, дединой и прадединой и договариваются с Шемякой о передаче им ее после того, как он получит великое княжение. Шемяка, отец которого сам около семнадцати лет владел Вятской землей, уже после суздальских князей, признает их претензию правильной[1]. Еще в XVII в. на левом берегу Вятки, недалеко от р. Хлыновицы, находились две пустоши, которые были занесены в переписные книги под именами Первое Кир-

[1] Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881, стр. 5—6. На основании этой грамоты проф. А. Е. Пресняков считал князей Семена и Василия владетельными князьями. См. его книгу «Образование Великорусского государства». Очерки по истории XII—XVI столетий. Петроград, 1918, стр. 280, примеч. 2.

дяпино и Другое Кирдяпино. Эти пустоши были, очевидно, местами проживания здесь в XV в. Василия Кирдяпы.

По смерти князей Семена и Василия Кирдяпы семьи их продолжали оставаться на Вятке. В 1414 г. они появились, было, в Нижнем Новгороде, но великий князь Московский Василий I, приобретя от хана ярлык на Нижегородское княжество, поручил своему брату Юрию изгнать оттуда всех суздальских князей, что Юрий и выполнил[1].

Семьи Семена и Василия Кирдяпы бежали, вероятно, на Вятку, но скоро Василий I отобрал у них всю Вятскую землю и передал ее своему брату Юрию в придачу к Галицкому княжеству[2].

Когда состоялась эта передача — точно неизвестно. Из договорной грамоты великого князя Московского Василия II (сына Василия I) с галицким князем Юрием от 1428 г. видно, что Московский великий князь Василий I Дмитриевич (сын Дмитрия Донского) пожаловал своему брату Юрию «Вятку со слободы и со всеми месты»[3]. Города в грамоте не упоминаются; вероятно, их тогда еще не было в Вятской земле, т. е. ни в одном селении Вятской земли не было построено городовых укреплений. Получив Вятскую землю, Юрий остался на жительство в Галиче, а на Вятку послал своего наместника-воеводу, о котором летописи впервые упоминают под 1417 годом[4].

На самых же первых порах управления Юрия Вятской землей произошло событие, до сих пор еще недостаточно разъясненное русской исторической литературой. Событие это — разгром устюжан на территории Вятской земли. В русских летописях, в одних под 1418 г., а в других под 1421 г. имеется краткое сообщение об убийстве на Вятке Михаилом Россохиным некоего Ан-

---

[1] Тверская летопись (ПСРЛ, т. XV, стр. 487).

[2] Галицкое княжество в Заволжье, с центром в г. Галиче Костромском.

[3] Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881, стр. 1.

[4] Летописи Софийская I (ПСРЛ, т. V, стр. 260) и II (ПСРЛ, т. VI, стр. 14), Никоновская (ПСРЛ, т. XI, стр. 232), Типографская (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 178) и Воскресенская (ПСРЛ, т. VIII, стр. 89).

фала и сына его Нестора[1]. Н. П. Рычков в своей уже упоминавшейся во введении статье на основе бывшей у него рукописи «Русский летописец» отнес это событие ко времени опустошения Вятской земли татарами (1391 г.) и сообщил при этом, что предводитель устюжан Анфал, или, как он его называет, Афаил, приходил на Вятку с устюжанами с целью помочь вятчанам в их борьбе с татарами. Вследствие ночной темноты вятчане, по этому сообщению, приняли устюжан за марийцев (черемис), с которыми они враждовали, а устюжане приняли вятчан за татар, овладевших городом. Началось взаимное истребление, продолжавшееся до рассвета; с обеих сторон было убито свыше четырех тысяч человек, в том числе был убит и Афаил с сыном Нестором.

Рассказ Рычкова был еще более разукрашен подробностями в статье генерала М. З. Хитрово, жившего на Вятке в 1811—1812 гг. По его словам, устюжане приходили на Вятку потому, что сын предводителя устюжан Нестор был влюблен в дочь вятского правителя Россохина, прекрасную Евдокию[2]. Избиение вятчанами устюжан в Вятке Хитрово отнес почему-то к 23 апреля 1392 г.

Другая версия события излагается вятским историком А. Вештомовым, который в своей «Истории вятчан» говорит, что убийство Анфала было результатом простой ссоры между Россохиным, Сабуровым и Анфалом, возникшей из споров о первенстве[3].

Об избиении устюжан на Вятке сохранились и устные предания. В них рассказывается, что избиение это произошло в нескольких пунктах Вятской земли, около нынешнего г. Котельнича, с. Истобенского, с. Макарья (около Вятки). В г. Вятке показывали место в Раздерихинском овраге, куда устюжане якобы пробрались ночью для того, чтобы врасплох напасть на вятчан. В вятских церквах хранились так называемые синодики, в которых были записаны имена лиц, погибших при столкновении устюжан с вятчанами.

---

1 Летописи Воскресенская (ПСРЛ, т. VIII, стр. 90), Новгородская IV (ПСРЛ., т. IV, стр. 118); Софийская I (ПСРЛ т. V, стр. 261); Софийская II (ПСРЛ, т. VI, стр. 141); Никольская (ПСРЛ, т. XI, стр. 234).

2 «Календарь Вятской губернии» на 1893 год. Вятка, 1892, стр. 328—329, 330—337. В статье Хитрово Россохин назван Расахатиным.

3 А. Вештомов. Ук. соч., стр. 42.

Сопоставляя приведенные данные, можно прийти к выводу, что устюжане действительно приходили на Вятскую землю и были разгромлены не в одном месте, а в нескольких. Относительно времени этого события следует, разумеется, отдать предпочтение показанию нескольких летописей, т. е. относить его к концу первой четверти XV в. Сражение между вятчанами и устюжанами, конечно, не было результатом простой ошибки, как полагал Н. П. Рычков. Между ними в то время не было дружественных отношений, и вятчане в XV в. не раз нападали на устюжские владения. Вятский историк Верещагин предполагает, что устюжане имели намерение переселиться на Вятку и что мысль об этом была им подана великим князем Московским, желавшим поселить в Вятской земле преданных ему устюжан. Это предположение вероятно, но никаких документов, подтверждающих его, мы не имеем.

С переходом Вятской земли от суздальских князей к галицкому князю Юрию установились мирные отношения вятчан с Москвой. Юрий галицкий надеялся, что согласно с действовавшей до того времени феодальной системой наследования по старшинству, он займет великокняжеский престол после смерти Василия Дмитриевича, как старший из его братьев; он спокойно ждал этого времени и не позволял вятским ушкуйникам вредить Московскому княжеству.

Однако в 1425 г., после смерти Василия Дмитриевича, московские бояре выдвинули кандидатуру на великокняжеский стол десятилетнего Василия (Василия II Темного), сына скончавшегося князя Василия Дмитриевича, и щедрыми подарками купили ему ханский ярлык на Московское княжество. Считая себя неправильно обойденным, Юрий немедленно же хотел начинать войну со своим десятилетним племянником, но опекун последнего, литовский князь Витовт, убедил князя Юрия довольствоваться Галицким княжеством и Вяткой. Это соглашение в 1428 г. было подтверждено договорной грамотой. В грамоте Юрий признал себя «младшим братом», т. е. вассалом своего десятилетнего племянника[1].

---

[1] Древние акты, относящиеся к истории Вятского края, стр. 1—2.

По смерти Витовта (1430 г.) Юрий вновь предъявил свои претензии на Московское великое княжество и пытался склонить на свою сторону Золотую Орду. Хан, вновь получивший щедрые подарки из Москвы, решил спорное дело в пользу малолетнего Василия. Тогда Юрий открыто выступил против Москвы. Так началась феодальная война между Москвой и галицкими князьями (Юрием Дмитриевичем и его сыновьями), тянувшаяся около двадцати лет. В войну были втянуты и вятчане.

Предварительно Юрий возвел в трех вятских слободах городовые укрепления, т. е. по тогдашнему обычаю окружил кремль деревянными стенами с башнями, а посады — острогом (деревянным забором из толстых бревен, заостренных сверху и приставленных стоймя одно к другому). Острог прерывался также деревянными башнями. После этого три слободы стали называться городами[1].

В 1432 г. князь Юрий выступил против Василия II. После сражения на р. Клязьме он овладел Москвой, объявил себя великим князем Московским, а Василию II дал в удел г. Коломну. Московские бояре, воеводы и дворяне, не пожелавшие служить Юрию, стали уходить от него в Коломну, то есть к Василию II. Духовенство также отнеслось к Юрию враждебно. Лишившись помощников в управлении Московским княжеством, Юрий оказался вынужденным возвратить племяннику великое княжество. После этого Василий II пошел войной на сыновей Юрия — Василия Косого и Димитрия Шемяку. Те призвали себе на помощь вятчан и при содействии их разбили войска Василия II. Затем против Василия II снова выступил Юрий. В марте 1434 г. он разбил московское войско в Ростовской области. Василий бежал с поля сражения сначала в Новгород Великий, а затем в Нижний Новгород. Юрий занял Москву, забрал великокняжескую казну, выслал жену и детей Василия из

[1] В первый раз эти города упоминаются в духовном завещании Юрия, составленном около 1434 г. (Древние акты, относящиеся к истории Вятского края, стр. 3), но они здесь не называются по именам. В первый раз наименование их — Хлынов, Котельнич и Орлов — мы встречаем в летописях в конце 1450-х годов — Летописи Архангелогородская (указанное издание, стр. 137), Софийская I (ПСРЛ, т. V, стр. 272) и Софийская II (ПСРЛ, т. VI, стр. 181), Новгородская IV (ПСРЛ, т. IV, стр. 148) под 1459 г.

Москвы, но 5 июня того же года он неожиданно скончался.

По смерти Юрия Василий II отобрал Вятскую землю от его сыновей. Однако галицкие князья по-прежнему призывали вятчан на помощь в борьбе с Московским князем, и вятчане охотно принимали участие в междоусобной войне. Василий II усиленно стремился прекратить связь галицких князей с Вятской землей; сохранились четыре договорные грамоты Василия II с галицким князем Димитрием Шемякой от 1436 г. В каждой из них Василий II брал с князя Димитрия обязательство «не вступаться» в Вятку, но галицкие князья, видимо, не соблюдали этих обязательств.

Издавна участвуя в ушкуйнических набегах по среднему и нижнему Поволжью, вятчане в войне проявляли очень большую находчивость, ловкость и хитрость. Летописи рассказывают о следующем эпизоде их борьбы с Московским князем. В 1436 г. призванные Василием Косым вятчане в количестве 400 человек шли по берегу Волги, около Ярославля. Дорогой они узнали, что на устье реки Которосли стоит семитысячная рать ярославцев и угличан и что предводитель рати ярославский князь Александр Брюхатый (зять великого князя Московского) в данную минуту спит в шатре. Дело было ранним утром, при сильном тумане. У вятчан сейчас же явился смелый план — похитить спящего князя. Из отряда выделились сорок человек, очевидно, наиболее проворных и ловких. Они проникли в шатер, захватили князя и его жену, перетащили их на свои лодки и переправились на другую сторону Волги. Когда очнувшаяся рать собралась стрелять в вятчан, то они пригрозили при первом же выстреле прикончить двух пленников.

Затем вятчане потребовали с ярославцев и угличан выкуп за пленников в сумме 400 рублей. По тогдашним ценам это была стоимость четырех пудов серебра. Получив выкуп, вятчане все-таки увезли пленников с собой на Вятку. В наказание за это вероломство вятчан, великий князь Московский приказал ослепить галицкого князя Василия Косого, только что захваченного в плен московским войском[1].

---

[1] Летопись Архангелогородская под 1436 г., указ. изд., стр. 122—124.

Московский митрополит Иона в 1452 г. так изображал военные действия вятчан в Северо-Двинских вотчинах великого князя Московского: вы «людей есте православного христианства много перемучили, перемарили, а иных в воду пометали, а иных в избы и в хоромы насаживая мужей, старцев и малых деток бесчисленно пожигали, а иным очи выжигали, а иных младенцев на кол сажая, умертвяли, подобяся злочестивому губителю и христианом убийцу Ироду, а полону есте взяли боле полуторы тысячи душ, да которой ныне себе держите, а иных в поганьство продаете и в дары даете, да от того своего злого дела не престанете»[1].

В том же послании митрополит особенно укорял вятчан в том, что они разоряют церкви, грабят церковные сосуды, книги и колокола и учиняют все «злые богомерзкие дела, якоже погании» (т. е. некрещенные — татары или язычники). Во втором послании, отправленном к вятскому духовенству, митрополит упрекает духовенство в том, что оно не поучает своих духовных детей хорошему житию. Он предлагает духовенству уговорить мирян возвратить награбленное церковное имущество и отпустить на свободу всех пленных, в противном случае грозит неблагословением и отлучением мирян от церкви[2].

Жестокость, которую проявляли вятчане к своим врагам, была, вероятно, свойственна в той или иной мере и войскам других русских княжеств в период постоянных междоусобных войн и борьбы с татарским нашествием. Но напрашивается вопрос: как мог допустить сильный великий Московский князь открытый грабеж, насилие и даже продажу в рабство своих людей? Произошло это потому, что в это время великий князь Московский сам находился в тяжелом положении.

В 1445 г. Москва подверглась нападению татарского хана Улу-Мухаммеда. В битве под Суздалем Василий II был разбит и захвачен в плен. Татары освободили его

---

[1] Послание митрополита Ионы вятским воеводам и всем жителям с убеждением их покориться великому князю, прекратить грабежи и разбои и возвратить полон (писано около 1452 г.). Труды Вятской ученой архивной комиссии 1906 года, вып. I—II, отд. III, стр. 31—33.

[2] Акты исторические, т.I, С.-Пб., 1841, стр. 490—492.

только после того, как он обещал большие подарки. В это же время в Москве вспыхнул большой пожар, истребивший громадную часть города; среди населения Москвы начались волнения. Этими обстоятельствами воспользовался галицкий князь Димитрий Шемяка и захватил Москву. Приказав привести к себе князя Василия II, находившегося на богомолье в Троицкой лавре, он ослепил его (1446 г.) и взял с него клятвенное обещание никогда не искать великого княжения. Выпущенный на свободу Василий II (Темный) отправился в Кирилло-Белозерский монастырь. Игумен монастыря освободил его от данного Шемяке клятвенного обещания. Тогда Василий II послал небольшой отряд войска в Москву и занял ее.

Шемяка бежал на север и еще несколько лет продолжал борьбу с Василием. На свою сторону он привлек Великий Новгород. В 1453 г. Шемяка внезапно скончался. Смерть его укрепила положение Василия II в отношении отдельных княжеств. Он принялся за подчинение Вятки, принесшей ему не мало зла. Весной 1456 г. Василий послал на Вятскую землю военную рать под предводительством князя Ряполовского, но она почему-то вернулась обратно без всяких результатов[1]. В 1457 или 1458 г. он послал на Вятку новую рать под предводительством князя Ивана Ряполовского, но она не взяла Хлынова: по словам летописи, воеводы «за посулу — (подарки) сноровили Вятке»[2]. Наконец, в 1459 г. Васи-

---

[1] Рязанцевской временник (см. о нем в статье А. А. Спицына «Свод летописных известий о Вятском крае», помещенной в «Календаре Вятской губернии» на 1884 год). Историк Н. М. Карамзин и проф. М. К. Любавский относят этот поход к 1425 г., приписывая его великому князю Василию Димитриевичу. (См. М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929, стр. 103, 104; Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. II, т. V, С.-Пб., 1842, стр. 126). Оба историка в данном случае были введены в заблуждение «Повестью о стране Вятской», где такое известие действительно было помещено.

[2] Летописи Архангелогородская (указ. изд., стр. 136—137), Софийская I (ПСРЛ, т. V, стр. 272). Более подробно об этом походе 1458 г. сказано в летописи Львова (ПСРЛ, т. XX, стр. 263). Здесь приведены имена двух руководителей похода — князей Ивана Васильевича Горбатого и Ивана Ряполовского, которые «не успели ничтоже, у вятчан же дары брали и

лий снова послал на Вятку рать «со многой силой». Она взяла город Котельнич и Орлов, а город Хлынов держала в осаде до тех пор, пока он не бил челом Московскому великому князю «на всей его воли, как надобе великому князю». Хлынов был обложен данью и приведен к присяге на верность Москве[1]. В духовном завещании (1462 г.) великий князь Василий II Темный назвал Вятскую землю уже своей собственностью[2].

Роль Вятки в борьбе русских с татарами. Присоединение Вятки к Москве

Возникновение на среднем течении р. Вятки русского центра — г. Хлынова имело большое значение в борьбе русских с татарами. Золотая Орда, обосновавшаяся на нижней Волге, после поражения в Куликовской битве (1380 г.) и в связи с выделением из нее нескольких орд, в XV в. начала терять свое могущество. Все же она была еще достаточно сильна и давала себя чувствовать русским княжествам, особенно Московскому, ставшему во главе русских земель в XV в. Достаточно упомянуть о разгроме Москвы Тохтамышем в 1382 г. или захвате князя Василия II в плен в 1445 г. сыновьями казанского хана Улу-Мухаммеда.

Во второй половине XV в. никто из русских князей не решался нападать еще на Золотую Орду. Тем большего внимания заслуживает поэтому налет вятчан на столицу Золотой Орды — Сарай в 1471 г. Под предводительством атамана Кости Юрьева вятчане спустились на своих быстроходных судах на нижнюю Волгу и ворвались в Сарай в то время, когда в нем не оказалось большей части мужчин. Они захватили много товаров и драгоценностей, забрали в плен сарайских женщин,

---

им норовили и не взяв Вятки воротилися». Князь Горбатый был внук суздальского князя Семена Димитриевича, умершего на Вятке в начале XV в. Может быть поэтому он не хотел налагать руку на Вятку, на «дедину и отчину» князей суздальских.

[1] Летописи Архангелогородская (указ. изд., стр. 137), Новгородская IV (ПСРЛ, т. IV, стр. 148), Софийская I (ПСРЛ, т. V, стр. 272) и Софийская II (ПСРЛ, т. VI, стр. 181).

[2] Собрание государственных грамот и договоров, т. I, М., 1813, стр. 202.

в том числе татарских княгинь, и быстро отплыли обратно, отбившись от татар, загородивших было им путь на Волге. Так же благополучно миновали они и вторую татарскую заставу — около устья Камы. Разгром этот произвел большое впечатление на современников: известия о нем появились во многих русских летописях[1].

Особенно большое значение Хлынов приобрел в борьбе русских с Казанским татарским ханством, образовавшимся в первой половине XV в. Заняв территорию на средней Волге и на нижней Каме и Вятке, ханство это, в силу своего географического положения, сделалось постоянной угрозой для восточных русских земель и, в частности, для Вятской земли, граничившей с ним с севера. Кроме того, оно препятствовало развитию русской торговли на важнейшей русской торговой магистрали — Волге.

Великий князь Московский, добившийся от вятчан присяги на полное («на всей его воле») подчинение Вятки (1459 г.), надеялся на содействие ему вятчан в борьбе с Казанским ханством. Но вятчане не всегда держались определенной линии в отношении татар: воспитавшиеся в течение десятков лет во враждебных чувствах к усиливавшейся Москве, сначала под влиянием суздальских, а потом галицких князей, вятчане не всегда соглашались помогать Москве в борьбе с казанскими татарами.

В 1468 г. казанские татары разгромили окрестности Галича, принадлежавшего уже Москве. В ответ на это Московский великий князь послал военные отряды в по-

---

[1] Летописи Воскресенская (ПСРЛ, т. VIII, стр. 168). Никоновская (ПСРЛ, т. XI, стр. 141), Софийская II (ПСРЛ, т. VI, стр. 143), Типографская (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 191), Новгородская IV (ПСРЛ, т. IV, стр. 150), Архангелогородская (указ. изд., стр. 149) под 1471 г. Вятский временник, Рязанцевский временник сообщают, что все участники вятского похода на Сарай погибли от бури, потопившей их суда. Это неверно. Известие это появилось потому, что в свое время составитель Временника к известию о походе вятчан на Сарай ошибочно (вследствие перепутанных листов рукописи Временника) приставил совершенно другое известие о гибели новгородцев на озере Ильмене. (А. С. Верещагин. Необходимые сведения о напечатанном здесь «Временнике».— Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. II, отд. II, стр. 83—85).

граничные с татарами города: Нижний Новгород, Муром и Галич. В галицком отряде находились и вятчане. Московские войска разорили земли марийцев, принадлежавшие Казанскому ханству. Кроме того, часть вятчан и устюжан воевала с казанскими татарами на нижнем течении р. Камы (в тылу у татар). Казанский хан Ибрагим послал на Вятку отряд, который заставил вятчан дать обязательство не помогать Москве в ее борьбе с татарами[1].

Последствия этого сказались в следующем (1469) году. Московский великий князь Иван III объявил военный поход на Казань и направил сюда две военные рати — одну по Волге, под предводительством Константина Беззубцева, другую с Устюга, под предводительством ярославского князя Данила. Эта последняя рать, спустившись к Казани по р. Вятке, должна была включить в себя и вятчан, но вятчане отказались идти на Казань, ссылаясь на данное хану обязательство. Князь Данил пошел без вятчан и под Казанью был разбит.

Константин Беззубцев из-под Казани еще раз послал за вятчанами, приглашая их явиться через три с половиной недели, но вятчане снова отказались, заявив: «коли пойдут под Казань братья великого князя, тогда пойдем и мы»[2]. Заявление их имело тот смысл: они присоединятся к московскому войску лишь тогда, когда оно пойдет на Казань с целью окончательного завоевания ее.

Узнав об отказе вятчан от похода на Казань, московский митрополит Филипп, желая повлиять на них, направил в Вятку два послания: одно к духовенству, другое к мирянам. Второе послание до нас не дошло. В первом он предлагал духовенству увещевать вятчан быть послушными великому князю; со своей стороны он прощал вятчанам грех соглашения с татарами, как вынужденный нападением на Вятку «поганых язык»[3].

В 1476 г. казанский хан Ибрагим пришел с войсками на Вятку. В течение четырех недель «воевал Вятскую

---

[1] Софийская II летопись (ПСРЛ, т. VI, стр. 187—188).

[2] Софийская II летопись (ПСРЛ, т. VI, стр. 190); летопись Львова (ПСРЛ, т. XX, стр. 281).

[3] Это послание, найденное в 1902 г. в сборнике XVI в. в Кеми (Архангельской области) напечатано в Трудах Вятской ученой архивной комиссии в 1910 г. (вып. I, отд. II, стр. 1—6).

землю и много зла сотворил — одних забрал в плен, а иных посек, но городов взять не мог»[1]. В 1478 г. Ибрагим получил ложное известие о разгроме новгородцами великого князя Ивана III. Он отправил войско на Вятку, но очень скоро вынужден был вернуть его обратно, так как получил известие, что поход Ивана III был, наоборот, весьма удачен и закончился взятием Новгорода[2]. Великий князь двинул на Казань войско с двумя воеводами — Василием Образцом и Борисом Слепцом. В результате казанский хан вынужден был заключить мир на условиях, предложенных великим князем[3]. В 1485 г. Московский великий князь отправил к Казани рать на судах, а конница пошла туда сухим путем. Вятчане опять отказались присоединиться к московскому войску. На этот раз великий князь послал на них «многую силу» под предводительством Юрия Шестака Кутузова, чем и заставил их принять участие в походе[4].

Враждебное отношение вятчан к Москве в следующие годы выразилось в более резкой форме. В 1486 г. они дважды предпринимали военные походы на владения великого князя Московского на Северной Двине. В первый раз, еще по зимнему пути, они разграбили три ближайшие к Устюгу волости. Во второй раз, уже поздней весной, осадили город Осиновец на р. Юге. Но здесь предводитель их Костя Юрьев, принявший участие в походе против воли, ушел в Осиновец. Отсюда, при содействии осиновцев, он отправился в Москву. Брошенные воеводой вятчане вернулись домой[5]. Через два года вятчане вновь собрались идти походом на устюженские владения Москвы: в 1488 г. в течение всего лета двое московских воевод с отрядами двинян, важан и каргопольцев стояли на охране этих владений от вятчан[6].

---

[1] Рязанцевский временник «Календарь Вятской губ.» на 1884 год, отд. II, стр. 145—186.

[2] Софийская летопись II под 1478 г. (ПСРЛ, т. VI, стр. 220—221).

[3] Софийская летопись II (ПСРЛ, т. VI, стр. 221); Типографская летопись (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 196—197).

[4] Софийская летопись под 1485 г. (ПСРЛ, т. VI, стр. 237).

[5] Архангелогородская летопись под 1486 г. (Указ. изд., стр. 162—163).

[6] Архангелогородская летопись под 1488 г. (Указ. изд., стр. 165).

Продолжая выступления против Московского великого княжества, вятчане не учли тех сдвигов, которые произошли в нем к концу XV в. К этому времени Московский великий князь Иван III успел объединить почти все феодальные княжества в единое Русское государство. К Москве были присоединены все владения Великого Новгорода, Тверское княжество, а еще раньше — Ярославское. В полной зависимости от Ивана III находились Псков и Рязанское княжество. С 1480 г. перестало существовать и грозное татарское иго. Было очевидно, что Москва не будет более смотреть сквозь пальцы на сопротивление вятчан объединению русской земли. И действительно, Московский великий князь приступил к окончательному покорению вятчан.

Московский митрополит Геронтий направил в Вятку два послания: вятскому духовенству и вятским воеводам и «ватаманом всем и всему вятскому людству, вятским хрестьяном». В этих посланиях митрополит Геронтий в сущности повторил почти буквально то, что писал вятчанам митрополит Иона в 1452 г. Он упрекал вятчан в том, что они не повинуются Московскому великому князю — своему «государю» или «осподарю», пристают к его недругам, соединяются с поганством (с татарами) и с отлученными от церкви (под последними Иона в свое время разумел галицкого князя Димитрия Шемяку, которого не назвал при этом по имени; Геронтию пришлось опустить это имя, потому что Шемяка скончался еще в 1453 г.).

Митрополит предложил вятчанам бить челом великому князю, пообещав с его стороны прощение, в случае же непослушания пригрозил им, как и Иона, лишением милости божией. В послании Геронтия проскальзывает и более суровая нота: он предупреждает вятчан, что в случае их непослушания, он прикажет вятскому духовенству затворить в Вятской земле все церкви и уйти оттуда совсем. Если же оно не уйдет, то будет считаться проклятым, «и в сий век и в будущий»[1]. Послание митрополита не подействовало. Вятчане не прислали челобития великому князю, духовенство не закрыло церквей и не ушло из Вятской земли.

---

[1] Древние акты, относящиеся к истории Вятского края, стр. 14—16.

Тогда Иван III отправил на Вятку большую рать, организованную в обычные по тогдашнему времени четыре полка: большой, передовой, полк правой руки, полк левой руки. К этой рати были присоединены военные отряды — Углицкий и Волоколамский, принадлежавшие братьям великого князя Андрею и Борису, ополчение с берегов рек Северной Двины, Вычегды, Выми, Сысолы, Ваги, Сухоны и Юга, Вологды, Кубены, Белого озера, татарская рать (из Казани) численностью в семьсот человек и особая судовая рать[1]. Общее количество ратных людей, посланных на Вятку, Архангелогородская летопись исчисляет в 64 000 человек[2], а Велико-Устюжская летопись даже в 72 000 человек[3], но едва ли эта цифра не преувеличена. Нужно ли было посылать столь большую рать, когда в Вятской земле было всего три города — Хлынов, Орлов и Котельнич, причем последние два имели не более ста домов каждый.

Главными воеводами посланной на Вятку рати были назначены князь Данил Васильевич Щеня (предводитель большого полка) и Григорий Васильевич Морозов-Поплева (предводитель передового полка). Щеня был внуком воеводы Юрия Патрикеевича, захваченного в 1433 г. вятчанами в плен. Назначая Щеню главным воеводой, князь Иван III, вероятно, надеялся на то, что он-то уже не даст поблажки вятчанам.

К 2 августа 1489 г. войско Ивана III сосредоточилось у г. Котельнича. Этот небольшой городок, конечно, не мог думать о сопротивлении Москве. В августе войско двинулось далее к г. Хлынову. Находившийся на пути небольшой городок Орлов был взят также без сопротивления. 16 августа московское войско обложило г. Хлынов. Хлыновцы поднесли московским воеводам подарки, а на другой день более влиятельные из них явились с изъявлением покорности Московскому князю. Московские воеводы потребовали от них поголовной (от мала до велика) присяги на верность Московскому князю и выдачи трех атаманов вятских — Ивана Ани-

---

[1] А. С. Верещагин. Вятское взятие по разрядным спискам. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1906 года. вып. V—VI, отд. III, стр. 1—12.

[2] Архангелогородская летопись (Указ. изд., стр. 166).

[3] Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. I, отд. II, стр. 121.

киева (Мышкина), Пахома Лазарева и Павла Богодайщикова. Два дня вятчане обсуждали это предложение воевод и, в конце концов, отказались его выполнить. Тогда воеводы приказали войску готовиться к приступу на город: изготовлять плетень (по две сажени на каждые 50 воинов), смолу и бересту. Плетни уже были поставлены перед городовыми укреплениями Хлынова. Видя беду неминучую, более влиятельные вятчане снова явились к воеводам, «добили челом на всей воле великого князя» и выдали своих атаманов, которые затем немедленно были отправлены в Москву и здесь казнены по приказанию Ивана III[1].

1 октября 1489 г. все более знатные лица Вятской земли с женами и детьми были отправлены через г. Устюг в Москву и здесь распределены на жительство в новых местах. Бывшие земские люди были поселены в гг. Боровске и Кременце по рекам Протве и Маре, на первой сторожевой линии, защищавшей Москву от татар. Торговцы направлены в торговый город Дмитров, расположенный на торговом водном пути между Москвой и Волгой. Часть вятчан была водворена в Тверь и около г. Владимира на Клязьме. Остальное население Хлынова и всей Вятской земли было приведено к присяге на верность великому князю Московскому[2].

---

[1] Архангелогородская летопись (Указ. изд., стр. 165—167).

[2] Летописи — Архангелогородская (Указ. изд., стр. 167—168), Софийская I (ПСРЛ, т. VI, стр. 37) и Софийская II (ПСРЛ, т. VI, стр. 239), Новгородская IV (ПСРЛ, т. IV, стр. 157), Воскресенская (ПСРЛ, т. VIII, стр. 218), Велико-Устюжская под 1489 г.; А. С. Верещагин. Вятское взятье по разрядным записям 1489 г. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1906 года, вып. V—VI, отд. III, стр. 1—12.

Вятские сведенцы перенесли с собой на новые места жительства и некоторые географические наименования. На территории бывш. Калужской губ. появились: с. Бахтинское — в 40 верстах от Перемышля, Бурмакино — в 14 верстах от Мосальска, слобода Волково — в 39 верстах от г. Жиздры, Вятское — в 18 верстах от Тарусы и Вятчина в 120 верстах от Мосальска. В бывш. Тверской губ. появились три селения Вятка, в 120 верстах от Весьегонска, в 65 верстах от г. Осташкова и при озере Селигер. В бывш. Владимирской губ. — два села Вяткина: в 14 верстах от г. Владимира и в 62 верстах от г. Коврова. См. Списки населенных мест по сведениям 1859 г.; «Калужская губерния» (С.-Пб., 1863, стр. 41, 132, 139,

До сих пор я говорил о внешней политической истории Хлынова. Теперь остается сказать несколько слов о других сторонах жизни города в первоначальную эпоху его существования: какую территорию он занимал, какая была численность его населения, из каких социальных групп оно состояло, каково было в городе управление. К сожалению, для ответа на эти вопросы мы имеем весьма скудные сведения.

Территория города и городские укрепления

Заняв сначала берег р. Вятки (между двумя оврагами), жители постепенно расселялись к западу. Ко второй четверти XV в., когда князь Юрий начал возводить здесь первые городовые укрепления, слобода уже значительно разрослась на запад и доходила почти до нынешней улицы Свободы. Все это пространство Юрий разделил на две части: на кремль и посад. Кремлю был отведен юго-восточный угол, образованный берегом реки и южным оврагом. Выстроенная вокруг кремля стена с деревянными башнями тянулась на 420 сажен. Число башен остается неизвестным. Все остальное место на берегу р. Вятки — от Раздерихинского оврага до южного оврага — было отведено под посад и ограждено острогом.

Численность населения и его состав

Численность населения за весь этот период остается неизвестной. В дозорной книге г. Хлынова от 1615 г. сказано, что по переписи 1590 г. в Хлынове было 375 дворов или домов. До 1489 г. их, несомненно, было значительно меньше. Что касается состава населения г. Хлынова, то в двух документах середины XV в. упоминаются следующие группы: бояре, купцы, духовенство и «житьи люди»[1].

159, 175); «Владимирская губерния» (С.-Пб., 1863, стр. 8, 10, 105); «Тверская губерния» (С.-Пб., 1862, стр. 96, 297).

[1] Послание митрополита Ионы вятским воеводам и всем жителям (около 1452 г.). Его же послание к духовенству Хлынова (около 1452 г). Древние акты, относящиеся к истории Вятского края, стр. 8—11.

Не ясно, какие бояре здесь упоминаются: князя галицкого или князя московского. Группа духовенства была очень невелика, так как в г. Хлынове в середине XV в. было всего три церкви. Количество купцов остается неизвестным.

Управление

Поселившись по среднему течению р. Вятки, в местности не принадлежащей еще никому из русских князей, вятчане недолгое время были независимы и, так сказать, самоуправлялись. О том, как было организовано это самоуправление, летописи не дают нам никаких сведений.

После завоевания татарами (1391 г.) Вятская земля была передана ханом Тохтамышем бывшим суздальско-нижегородским князьям Семену и Василию. Но до окончательного поселения своего на Вятке князь Семен не имел возможности заниматься делами Вятки. То он хлопотал в Орде о получении Нижегородско-Суздальского княжества, то укрывался от великого князя Московского, то выручал свою жену из-под ареста. Вскоре же после окончательного поселения на Вятке он умер.

Как управлялся Хлынов при преемниках князей Семена и Василия, а также при Юрии галицком — мы также не имеем сведений. От самого бурного периода жизни Вятской земли, продолжавшегося от смерти Юрия до покорения вятчан в 1489 г. московскими войсками, имеется лишь один документ. В нем во главе вятчан упоминаются земские воеводы. Очевидно, это — лица, выборные от населения, атаманы или «ватаманы», предводители военных отрядов, под руководством которых вятчане вели войны[1].

Московское войско, посланное в 1459 г. на Вятку, заставило вятчан покориться великому князю Московскому, «на всей его воле», но и после этого атаманы не были уничтожены. Под предводительством их вятчане продолжали совершать свои походы (например, на Сарай в 1471 г.) и воевать в вотчинах Московского князя. Лишь в 1489 г. при втором взятии Вятки Иван III заставил их выдать трех атаманов, которые были казнены.

---

[1] Послание митрополита Ионы вятским воеводам и всем жителям (около 1542 г.). Древние акты, относящиеся к истории Вятского края, стр. 8—10.

Описывая окончательное присоединение Вятки в 1489 г. и развод земских людей, летописи ничего не говорят о ликвидации посадника, вечевого колокола (как это говорится, например, при описании взятия Великого Новгорода). Надо думать поэтому, что самоуправление в Вятке имело иной характер, чем в Новгороде.

1489 годом закончился непродолжительный, но довольно бурный первый период истории г. Хлынова. Закончилась его политическая жизнь, как небольшого феодального центра.

Глава II

Г. ХЛЫНОВ В СОСТАВЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА (конец XV—начало XVII вв.)

С 1489 г. Хлынов вместе с двумя другими городами Вятской земли (Орловом и Котельничем) вошел в состав Русского централизованного государства.

О том, как развивался Хлынов в первое время после присоединения его к Москве, сведений сохранилось немного. Приходится особенно пожалеть о том, что погибли материалы первых переписей, проведенных в конце XVI в. (перепись Богдана и Саввы Григорьевых — 1590 г. и Василия Овцына — 1595 г.). Но все же на основании того немногого, что сохранилось, мы попытаемся дать некоторое представление о городе.

Убыль населения Хлынова после вывода торговых и земских людей в подмосковные города скоро стала восполняться выходцами с р. Северной Двины и особенно из г. Устюга. По-видимому, в этот период и появились в г. Хлынове переселенцы из слободы Дымковской, которая находилась на р. Северной Двине против г. Устюга на поемных лугах, ежегодно заливаемых весенним разливом реки. По образцу этой слободы переселенцы построили Дымковскую слободу и около г. Хлынова, на правом берегу р. Вятки, также на поемных лугах. О значительном количестве переселенцев в Хлынов из г. Устюга и Устюжской земли говорит постройка церкви во имя почитавшегося устюжанами Прокопия.

В 1850 г. в Хлынове, на правой стороне южного оврага (Засоры), уроженцем Северного края монахом Трифоном был основан мужской монастырь — первый на территории Вятской земли. На самых же первых порах Трифон начал хлопотать об отводе монастырю земель из государственных фондов, принимать от частных лиц вклады землей и деньги и вообще развивать крупное хозяйство. Через двадцать лет после своего появления монастырь имел собор, 4 церкви, часовню. В нем жило 47 монахов и 38 монастырских служек. Монастырю принадлежала ближайшая к нему территория с деревеньками, пожнями и рыбными ловлями, большие земельные участки (также с деревнями) на верхнем течении р. Вятки (Вобловицкая вотчина)[1] и на нижнем течении (Вятско-Полянская вотчина).

В конце XVI в., во время восстания нерусских народностей бывшего Казанского царства против русского правительства, в Хлынове были построены осадные дворы для временного приюта русских крестьян, бежавших от наступления восставших. По окончании восстания дворы эти опустели и вскоре были ликвидированы. Дозорная книга за 1615 г. отметила на своих страницах лишь 24 пустых места, на которых стояли эти дворы.

Численность и состав населения

После вывода из Вятской земли бояр и вообще крупных землевладельцев московское правительство не стало создавать здесь служилого землевладения (т. е. присылать сюда бояр и дворян и жаловать их крупными земельными участками за службу государеву). В XVI в. правительство предоставляло некоторым вятчанам земельные участки, но лишь на оброк, следовательно, на время. Так, хлыновцу Шелому, оказавшему услугу Москве во время похода русских войск на Астрахань в 1554 г., были даны урочища по р. Чепце с «падучими реками».

---

[1] Дозорная книга Хлыновского Успенского монастыря городового приказчика Федора Рязанцева 7109 (1601) года. «Памятная книжка Вятской губернии и календарь» на 1902 год. Вятка, 1901, отдельные статьи, касающиеся Вятской губернии, стр. 1—35.

Таким образом, в рассматриваемый период (конец XV, XVI и начало XVII вв.) Хлынов был городом тяглого посадского населения, служилых людей и церковников. По переписи 1590 г. здесь насчитывалось 273 посадских двора[1], количество же дворов служилых людей и церковников не выявлено. Поэтому за соответствующими сведениями о городе обратимся к переписи 1615 г., учитывая, конечно, что данные этой переписи могут характеризовать не весь рассматриваемый период, а главным образом самый его конец.

Из переписи 1615 г. видно, что в г. Хлынове насчитывалось дворов тяглых посадских 262, бобыльских — 192, нищенских—84, дворов церковников — 44, служилых людей — 22, а всего — 604 (в это число не входят два двора для приезжих посланников и кабацкий двор). В разряд служилых людей мы включили значащихся в дозорной книге: воеводу, городового приказчика, дьяка, двух подьячих, таможенного дьячка, трех пушкарей, двух рассыльщиков и 9 сторожей. К церковникам принадлежали попы, дьячки, пономари, просфорницы и трапезники.

Таким образом, в общей массе населения г. Хлынова в 1615 г. служилые люди составляли 3,7 процента, церковники — 7,3, тяглое посадское население — 43,2 и, наконец, бобыли и нищие — 45,8 процента.

Ремесла

Дозорная книга 1615 г. даст некоторые сведения о количестве ремесленников в г. Хлынове. Судя по отметкам в книге, относительно хозяев отдельных дворов, видно, что в Хлынове было 6 сапожников, 2 овчинника, 1 скорняк, 2 рукавичника, 2 седельника, 4 портных, 2 шапочника, 2 колпащика, 1 войлочник, 2 свечника, 1 дегтярь, 1 токарь, 1 иконник и 1 серебреник.

В дозорной книге почему-то не показаны плотники, а они несомненно были в Хлынове. Об этом говорят другие документы. Так, грамотами от 9 января и 16 февраля 1603 г. правительство Бориса Годунова предлагало Хлы-

[1] Материалы этой переписи в оригинале до нас не дошли. Некоторые итоги ее приведены были в дозорной книге 1615 г. (Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887).

нову выслать плотников в Верхотурье для постройки здесь судов под хлебные запасы, предназначавшиеся для Сибири. Туда же в 1613 г. были посланы из Хлынова 13 человек «со всякой плотничьей снастью». В следующем году Хлынову был дан приказ срочным порядком изготовить 100 судов и отправить их на Волгу[1]. Итак, в самом начале XVII в. г. Хлынов являлся своего рода поставщиком плотников для соседних территорий.

Торговля г. Хлынова

Как уже было сказано в главе 1-й, в 1489 г. все торговые люди из Хлынова были выселены. Но торговля, конечно, не могла прекратиться. Во-первых, Хлынов был наиболее многолюдным центром среди окружающих его деревень, починков, займищ. Во-вторых, он находился на перекрестке путей с севера на юг и с запада на восток. В-третьих, в XVI в. по соседству с Вятской землей стали возникать обширные рынки, где хлыновцы могли сбывать свою продукцию и покупать товары, которых у себя не имели.

В 50-х годах XVI в. пали татарские ханства — Казанское и Астраханское, державшие в своих руках волжский торговый путь. Это открыло для г. Хлынова возможность торговли со всем Поволжьем. Почти в то же самое время (с 1553 г.) на севере России на берегах Белого моря и Ледовитого океана было положено начало русской морской торговли с Западной Европой. Сравнительно быстро в ее орбиту стал втягиваться весь север Европейской России. Водные пути, связывавшие на значительном расстоянии Хлынов с Северной Двиной (через приток р. Двины — Юг с его притоком Лузой и через притоки р. Вятки — Великую и Молому) открывали и для Хлынова возможность участия в этой торговле.

В 1554 г. грамотой Ивана Грозного хлыновцам, наравне с устюжанами, было предоставлено право исключительной торговли с Великой Пермью. Наконец, после покорения Москвой обширной Сибири (1582 г.) восточный рынок значительно расширился и в конце XVI или нача-

---

[1] Русская историческая библиотека, т. II. С.-Пб., 1875, стр. 334—335.

ле XVII вв. была проложена прямая дорога из Москвы в Сибирь. Дорога эта прошла через Хлынов.

Влияние новых рынков на торговлю г. Хлынова сказалось, конечно, не сразу. Об отправке товаров из Хлынова в Казань и Астрахань мы имеем первые сведения лишь от начала XVII в. В 1607 г. самозванец Илейка Муромец на допросе показывал, что он за несколько лет перед этим ездил в Астрахань на паузке с товарами хлыновских посадских — Котельникова и Рязанцева[1]. В торговле с Архангельским портом хлыновцев опередили устюжане. Находясь на удобном водном пути в Архангельск, Великий Устюг, естественно, получил возможность гораздо ранее начать торговые связи с иностранцами. Кроме того, хлыновцы не решались вступить в непосредственные торговые сношения с Архангельском и первоначально сбывали свои товары великоустюжским купцам.

Что касается торговли с Великой Пермью, то здесь хлыновцы имели в сравнении с устюжанами некоторые преимущества: они могли сплавлять приуральскую соль по р. Вятке[2], а с конца XVI или начала XVII вв. получили возможность пользоваться большой московской дорогой в Великую Пермь и Сибирь.

О местной торговле г. Хлынова сохранились сведения лишь от конца XVI в. Известно, что переписчиком Овцыным в 1590 г. был наложен на торговые лавки г. Хлынова оброк в сумме 8 руб. 43 коп. Дозорная книга 1615 г., откуда взяты эти сведения, не говорит, сколько лавок было тогда в Хлынове. Об этом можно лишь высказать предположение на основе сравнения данных переписи 1590 г. и дозора 1615 г. Дозорная книга 1615 г. зарегистрировала в Хлынове 14 торговых лавок, 1 торговый амбар и 6 полок и обложила их денежным оброком на

[1] Акты Археографической экспедиции, т. II. С.-Пб., 1800, стр. 173—174. В своем показании Илейка Муромец не сообщил, с какими товарами он поехал из Хлынова в Астрахань. Судя по тому, что товар этот был отправлен на паузке (судне с мелкой осадкой), а Илейка еще ранее торговал кожами и сапогами, надо думать, что из Хлынова он повез кожевенный товар.

[2] Пыскорский монастырь, занимавшийся добычей соли в Приуралье, еще в начале XVI в. устроил соляные склады при погосте Волосницком, откуда соль по р. Волоснице направлялась к верховьям р. Вятки, а отсюда на баржах сплавлялась к Хлынову и другим городам Вятской земли.

2 руб. 63 коп. меньше, чем в 1590 г. Отсюда следует, что в 1590 г. даже оброчных лавок в Хлынове было более, чем оказалось их через 25 лет. Кроме того, в 1590 г. в Хлынове насчитывалось до десятка лавок, устроенных под церквами и плативших пошлины непосредственно в церкви[1].

Из дозорной книги 1615 г. можно заключить также, что в конце XVI в. и в самом начале XVII в. владельцы торговых лавок г. Хлынова не располагали еще большим капиталом. Многие из них торговали вскладчину. В 1615 г. до 50-ти лавок имели по два хозяина и не было ни одного посадского, который бы владел несколькими лавками. Между тем, в ближайшем к Хлынову городе — Казани в то время такие лица уже были[2]. Это свидетельствует о более значительной концентрации торговли в Казани по сравнению с Хлыновом.

Из объектов торговли уже в XVI в. главное место принадлежало, видимо, хлебу. Когда в 1601 г. наступил голод в русском государстве, в том числе и в Вятской земле, торговцы г. Хлынова и некоторых окрестных городов начали спекулировать хлебом. Грамотой от 3 ноября 1601 г. Борис Годунов упрекал вятских, вологодских, двинских и пермских торговцев в том, что они для своей корысти утаили у себя хлеб и этим искусственно возвысили его рыночную цену. Царская грамота предписала всем торговцам продавать хлеб по указанной цене и за непослушание грозила им денежным штрафом и конфискацией у них хлеба для продажи его по установленной цене[3].

Управление

Подчинив себе Вятскую землю, Московский великий князь Иван III ввел в ней управление по типу прочих городов великого княжества Московского. В Хлынов, а также в Орлов и Котельнич были присланы наместники великого князя. Наместник управлял Хлыновом с помо-

---

[1] Дозорная книга г. Хлынова 1615 г. В кн. Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887, стр. 6.

[2] Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI веке. С.-Пб., 1889, стр. 336.

[3] Сборник князя Хилкова, С.-Пб., 1879, стр. 165—170.

щью подчиненных ему агентов — **тиунов** (судей), **правет-чиков** (выполнявших судебные приговоры), **доводчиков** (которым поручался розыск лиц, вызываемых на суд). Этих агентов наместник часто назначал из своих холопов. Сменялся наместник — уезжали из Хлынова и его агенты. Наряду с наместником в Хлынове в первой половине XVI в. существовало земское самоуправление с земскими старостами и целовальниками, выбиравшимися из населения. Но документы того времени ничего не говорят о том, какую роль при наместниках играло земское самоуправление.

В отдельных случаях право производить уголовные дела (о разбое, душегубстве, воровстве, поджоге) отбиралось от наместника и предоставлялось самим обществам—городским и сельским. При этом им выдавалась особая, так называемая губная грамота. В 1542 г. такая грамота была выдана и г. Хлынову со всей Вятской землей. В ней говорилось, что если в Хлынове, Слободе (т. е. Слободском), Кариие, Орлове и Котельниче или в сельских местностях Вятской земли появятся разбойники, то население имеет право ловить их, производить им допросы, отбирать у них украденное, конфисковать их имущество и даже казнить их.

Для ведения разбойных дел население должно было избрать особых земских голов (3—4 на город, стан или волость). Этим головам должны были помогать земские старосты, целовальники и лучшие люди. Местному губному управлению предоставлялось право сноситься с губными учреждениями других областей или уездов Московского государства[1].

После проведения в 50-х годах XVI в. земской реформы и замены наместнического управления земским самоуправлением в Хлынове, как и в других городах Вятской земли, наместники прекратили свое существование[2]. По

---

[1] Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. III, отд. III, стр. 82—86. Губная грамота городам Вятской земли является одной из немногих грамот, дошедших до нашего времени от XVI в.

[2] См., например, Важскую уставную грамоту 1552 г. (М. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права (вып. 2). Ярославль, 1873, стр. 184—211). Однако до начала XVII века звание вятского наместника сохранилось как почетное звание. В XVII в. оно было присвоено князю Хованскому, начальнику стрельцов при царевне Софье.

примеру других русских городов и в Хлынове появился **городовой приказчик,** избираемый из местного населения (по преимуществу из богатых людей). В сохранившихся хлыновских документах он упоминается с 80-х годов XVI в. в роли служебного лица, отводящего хлыновцам землю или какие-либо угодья. В 1601 г. по поручению Бориса Годунова хлыновский городовой приказчик произвел полный дозор Трифонова монастыря[1].

В связи с вспыхнувшей в начале XVII в. крестьянской войной царь Василий Шуйский прислал в Хлынов князя Ухтомского с военными полномочиями и с ним подъячего Василия Иванова. Позднее сюда был прислан воевода Мантуров, а после него Пушечников. Последний и оставался здесь, по-видимому, до полного изгнания поляков из Москвы.

В церковном отношении Хлынов, после окончательного подчинения Вятской земли Москве, был подчинен московскому митрополиту, который присылал сюда «десятильника» для сбора денег с церквей. В 1555 г., с учреждением в Казани епархиального управления, вся Вятская земля была подчинена Казанскому архиепископу. Но это подчинение оказалось лишь фиктивным и фактически Хлынов остался в непосредственном ведении московского митрополита, а с конца XVI в. — патриарха. В 1598 г. протопоп хлыновского Никольского собора называет себя патриаршим приказчиком[2].

Подати и повинности

Податное обложение населения в Хлынове, как и в прочих русских городах того времени, было довольно разнообразно. С 1590 г. на население г. Хлынова было наложено: данных денег (от слова «дань») 61 руб.

Титул вятского наместника имел также граф Шереметев, фельдмаршал при Петре I. (А. С. Верещагин. Титулярные вятские наместники. «Календарь Вятской губернии» на 1893 год, Вятка, 1892, стр. 339—340).

[1] Дозорная книга Хлыновского Успенского монастыря. «Памятная книжка Вятской губернии и календарь» на 1902 год. Вятка, 1902. отдельные статьи, касающиеся Вятской губернии, стр. 1—35.

[2] Древние акты, относящиеся к истории Вятского края, стр. 44.

66½ коп., кормовых денег 12 руб. 31½ коп., дьячих пошлин 4 руб. 31½ коп., пищальных денег 3 руб. 82½ коп. — итого 82 руб. 12 коп.[1] Дань платилась в размере 25 коп. с каждого тяглого двора, а остальные налоги — на управление (дьячие и подьячие пошлины) и на военные надобности (пищальные деньги) должны были распределяться между посадскими, применительно к материальному достатку их, или, как говорит дозорная книга 1615 г., «по животам и промыслам». Служилые люди (дьяки, подьячие, пушкари, рассыльные), а также церковники (попы, дьяконы, причетники, церковные сторожа, трапезники и просфорницы) от обложения освобождались.

Помимо денежных налогов, хлыновцы были обязаны платить местные сборы и отбывать натуральные повинности: городовое и острожное дело (т. е. постройку и ремонт городских укреплений), подорожную и постойную повинность (отвод квартир и доставку кормов проезжающим через Хлынов московским посланцам на время пребывания их в Хлынове, а затем предоставление им подвод для дальнейшего пути).

Повинности г. Хлынова уже в XVI в. стали заметно возрастать. После присоединения Сибири московское правительство обязало всю Вятскую землю, наравне с жителями Поморья, платить государству так называемый сибирский хлеб—на прокормление приказных и служилых людей в Сибири. Этот хлеб из Вятской земли отправляли до Лозьвы и Верхотурья. Здесь вятские плотники строили суда для отправки хлеба в Сибирь. В 1596 г. вятские целовальники свезли в Лозьву 3260 четвертей ржи и муки. Повинность эта была тяжела не только сама по себе, но и потому, что вызывала наезд в Хлынов московских посланцев для организации сбора и отправки хлеба в Сибирь. Этим посланцам вятчане должны были доставлять подводы, а, кроме того, московские сборщики обирали местное население взятками[2].

---

[1] Более ранних сведений не имеется. Данные относительно размеров обложения населения Хлынова в 1590 г. сохранились в дозорной книге 1615 года.

[2] Грамота оберегательная Успенскому монастырю на имя хлыновского городового приказчика Ф. Рязанцева 1597 г. марта 12, Труды Вятской ученой архивной комиссии 1906 года, вып. I—II, отд. II, стр. 18—19.

С конца XVI в. очень чувствительно для г. Хлынова увеличилась ямская и подводная повинность. Выше уже упоминалось, что в конце XVI в. московское правительство проложило большую дорогу из Москвы в Сибирь именно через Хлынов (по линии: Котельнич, Орлов, Хлынов, Слободской, Сырьяны, Екатерининское, Кай). По этой дороге началось непрерывное движение: ехали служилые и ратные люди из Москвы в Сибирь, передвигались всякого рода запасы и оружие; в новостроящиеся сибирские города направлялось население для постоянного жительства. И для людей и для грузов вятчане должны были доставлять подводы, причем проезжающие позволяли себе разные злоупотребления.

В грамоте царя Василия Шуйского от мая 1607 года говорится, что ему жаловались вятские ямщики из Соликамска: «Ездят-де в Сибирь воеводы, и дети боярские, и стрельцы, и казаки, и приехав-де к Соли Камской, покупают себе мяса, и сукна, и масла, и сало, и холсты и кладут на их подводы, а иные с собой емлют великие вьюки да на тех же вьючных кладях сами сидят, и их-де подводы от тяжелых кладей и ото вьюков до Верхотурья не доходят, да у них же-де стрельцы и казаки емлют насилством подводы помимо подорожных да себе правят на них денег и кормов и насилство всякое чинят, да из сибирских-де городов посылают за сибирскими жильцы, за беглецы в погоню на их же подводах, а прогонов им не дают, а емлют-де те подводы у них погонщики насилством»[1].

Хлынов в годы крестьянской войны и иностранной интервенции (начало XVII в.)

Крупнейшие события истории Русского государства в начале XVII в.— крестьянская война под руководством Болотникова и польско-шведская интервенция — не прошли бесследно для Вятской земли. Несмотря на удаленность Вятской земли от центральных районов Русского государства, в ней имели место выступления низов городского населения, связанные с восстанием Болотникова.

---

[1] Акты Археографической экспедиции, т. II, стр. 163.

Население Вятской земли было втянуто в борьбу с интервентами и принимало участие в освободительном походе на Москву в составе ополчения Минина и Пожарского.

Слухи о крупных успехах армии Болотникова, дошедшей до Москвы и осадившей здесь боярского царя Василия Шуйского, и распространение восстания на граничившее с Вяткой землей Поволжье содействовали обострению классовой борьбы на Вятке. Низы посадского населения вятских городов выступали активно против посадской верхушки. Наиболее ярко это проявилось в тех событиях, которые разыгрались осенью 1606 г. в Котельниче.

Жители Котельнича раскололись на два враждебных лагеря. Низы города, возглавленные городовым приказчиком Е. Дементьевым, С. Максимовым, А. Ивановым, попом Харитоном и уржумским стрельцом М. Салцовым, стояли за «царя Димитрия». Противоположную позицию — верности царю Шуйскому — занимали верхи посада, возглавленные котельничским старостой Митькой Крушаковым. Об остроте положения в Котельниче можно судить по тому, что здесь сторонники «царя Димитрия» распространяли слух о взятии восставшими Москвы. «Вора учали величать, которой называется царевичем Дмитрием, что он Москву взял, а с ним же пришло многое множество людей, и на кабаке за него чаши пили».

Чтобы подавить это движение, староста Крушаков обратился за помощью к отряду пермских ратных людей под командованием Петра Благово, который проходил в декабре 1606 г. через Котельнич, направляясь по приказу царя Шуйского к Москве. Однако Петр Благово оказался бессильным подавить «измену» в Котельниче. Больше того, отряду пермских ратников было отказано даже в подводах. В ответ на требование о подводах посадские люди Котельнича «учали говорити изменное слово, и подорожную лаять, и... царское имя поносить, ...а его Петра хотели убить до смерти и ко кресту привесть». Положение в Котельниче обострилось еще и тем, что часть пермского отряда присоединилась к посадским низам и потребовала от своего начальника присяги «царю Димитрию».

Дело дошло до того, что Петр Благово собирался тайно бежать от своего отряда, но был задержан ратными людьми. Лишь с большим трудом удалось Петру Благово вывести пермский отряд из Котельнича. Вскоре, од-

нако, отряд распался, ратные люди разошлись по домам, а Петр Благово один пробрался в Москву. Волнения в Котельниче, после ухода пермского отряда, постепенно улеглись.

Хотя события в Котельниче не получили отклика в других вятских городах, однако в них нашло выражение стихийное возмущение народных масс Вятской земли существующим строем.

С конца 1608 и начала 1609 гг. в Вятской земле развернулось с новой силой движение против правительства Шуйского. Новый польский ставленник Лжедимитрий II и его польские руководители стремились использовать это движение в своих интересах, расширить свое влияние на возможно большую территорию Русского государства. В 1608 г. сторонники второго самозванца (стрельцы, дети боярские, а также поволжские народы чуваши и мари) появились вблизи Вятской земли. Разбитые под Чебоксарами, Свияжском воеводой Василия Шуйского Шереметевым, они переправились на левый берег Волги и в январе 1609 г. овладели г. Санчурском. Приведя санчурцев к присяге Лжедимитрию II, победители захватили вскоре г. Яранск.

Посланный сюда с «воровским листом» уроженец г. Слободского Чуватка Яковлев сумел склонить часть жителей на сторону Лжедимитрия II и подготовить в городе мятеж. Отряд яранцев во главе с приказным Петром Глуховым был перебит восставшими. Правителями захваченного города были поставлены местный сын боярский Асанчук Горихвостов и соборный дьячок Павел Мокеев.

Сразу же после захвата Яранска Чуватка Яковлев был отправлен с «воровскими листами» в Котельнич, чтобы склонить жителей и этого города на сторону Лжедимитрия II. Однако здесь он потерпел неудачу. Чуватка был схвачен и под караулом отправлен в Хлынов, где при допросе его подвергли суровой пытке, а потом «за воровство всею Вятскою землею приговорили повесити». Хлыновский воевода князь Ухтомский направил в Котельнич отряд во главе со стрелецким сотником Захаром Пановым, Путилой Рязанцевым и Петром Моргуновым для защиты города от «литовских людей» и «воров». Вместе с этим князь Ухтомский начал стягивать в Хлынов военные силы, вступив с этой целью в переписку с ближай-

шими городами Поморья: Великим Устюгом, Сольвычегодском и Пермью.

Одновременно Ухтомский послал в Яранск письменное увещение отречься от самозванца и вновь целовать крест Василию Шуйскому. В ответ на это правитель Яранска Асанчук Горихвостов просил Хлынов прислать до 2000 ратных людей для того, чтобы силой заставить яранцев принести присягу Василию Шуйскому. Письмо это на пути попало в руки сторонников самозванца, которые за измену самозванцу повесили Горихвостова (27 февраля 1609 г.). Чтобы лишить яранцев надежды получить помощь от Хлынова, участники движения против правительства Шуйского пустили слух, что будто хлыновцы не прочь присоединиться сами к самозванцу. В марте 1609 г. яранцы снарядили в Хлынов особую делегацию с поручением склонить хлыновцев к присяге самозванцу.

В состав делегации вошли 7 человек: боярский сын Никита Рамейков, соборный поп Евдоким, дьячок Павел Мокеев, пушкарь Мишка Вятчанин, стрельцы Петр Лукьянов и Фрол Желваков и, наконец, сын хлыновского попа Третьяк.

В Яранске на этот раз оказался польский агент второго самозванца — пан Пятигонец, который снабдил делегатов «воровскими грамотами». Делегация дошла до Котельнича, но здесь была арестована и отправлена в Хлынов.

Князь Ухтомский распорядился отправить под караул попа Евдокима и пушкаря Мишку Вятчанина в г. Великий Устюг, а дьячка Павла Мокеева и стрельца Петра Лукьянова — в Великую Пермь. В сопроводительных списках он предложил допросить посланных и затем повесить. Великий Устюг исполнил приказание князя Ухтомского.

Осенью 1609 г. в Вятской земле движение против правительства Шуйского возобновилось. Действия карательной экспедиции пана Лисовского в Поволжье ободрило сторонников Лжедимитрия II, засевших в Яранске. В ноябре 1609 г. они повели наступление на ближайший вятский город Котельнич. 18 ноября они взяли его приступом и разгромили: стрелецкого сотника Захара Панова посадили на кол, и во все города Вятской земли разослали грамоты с призывом служить самозванцу. По-ви-

димому, в это же время луговые марийцы проникли в Орловский уезд и разорили храм в с. Верховине[1].

После разгрома Котельнича князь Ухтомский немедленно отправил в «поморские» города — Великий Устюг, Сольвычегодск, Холмогоры, а также в Великую Пермь нарочных гонцов с просьбой прислать на помощь Хлынову ратных людей. Сам он с наличными ратными людьми вступил в г. Орлов, чтобы, дождавшись там ратных людей с Поморья, пойти на очищение Котельнича. Услышав о выступлении Ухтомского, сторонники самозванца бежали из Котельнича обратно в Яранск, захватив все оружие, бывшее в городе. После этого Ухтомский со своим отрядом вступил в Котельнич. Он привел жителей к присяге Василию Шуйскому, возобновил укрепление вокруг города.

Поход на Яранск состоялся позднее — в конце января или начале февраля 1610 г., после того, как в Хлынов прибыл царский воевода Мансуров и пришли ратные люди из Устюга Великого и Холмогор. В результате похода Яранск был очищен от сторонников Лжедимитрия. Взятие Яранска значительно укрепило позиции правительства Шуйского в Вятской земле. Лишь в августе 1610 г. в Хлынове было получено известие из Казани о возможном походе сторонников самозванца из районов Санчурска и Царево-Кокшайска. Но этот поход так и не состоялся.

Летом 1610 г. в Русском государстве произошли важные политические перемены: Василий Шуйский был низложен с престола (в июле 1610 г.). Московские бояре избрали царем польского королевича Владислава (2 августа 1610 г.), а затем Сигизмунд потребовал присяги ему лично. В сентябре 1610 г. Москва была занята поляками. Началось полное их засилье.

Известие об этом в корне изменило настроение хлыновцев. Вместе со всей Вятской землей они присягнули второму самозванцу (1611 г.). Произошло это следующим образом: 15 января 1611 г. Казань известила Хлынов, что вся Казанская земля 9 января 1611 г. принесла присягу царю Димитрию Ивановичу, т. е. второму

---

[1] Грамота митрополита Ионы от 22 сентября 1618 года. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1914 года, вып. II—III, отд. II, стр. 3.

самозванцу. Казанские власти предложили вятчанам последовать этому примеру, чтобы, как они говорили, «нам, православным крестьянам, не отдатись от православные крестьянские веры в злую и проклятую литовскую веру». Таким образом, присяга Лжедимитрию II казанцев, а за ними и вятичей была продиктована патриотическими соображениями — борьбы против открытого господства польских панов, которые, казалось, прочно обосновались в Москве. Народные массы Казани и Вятки факт присяги Лжедимитрию II (к тому времени уже убитому) рассматривали как прямое объявление войны польскому правительству[1].

В борьбе против интервентов вятчане не ограничились лишь защитой своих городов. Вятские ратные люди принимали участие в военных действиях, развертывавшихся в центре государства. Так, в марте 1609 г. Вятка по договору с Устюгом Великим отправила свое ополчение около 1000 ратных людей к Вологде на соединение с военными силами других северных городов, выступивших против Тушина. В составе войска М. В. Скопина-Шуйского вятские ратники двигались на Москву и в октябре 1609 г. были уже в Александровской Слободе и бились против тушинцев. В 1611 г. Вятка принимала участие в организации первого ополчения, имевшего целью очищение русской земли от поляков. В Хлынов была послана из Казани специальная делегация из 5 человек, которая вела переговоры с вятчанами по этому вопросу. Сколько ратных людей было отправлено из Вятской земли для присоединения к первому ополчению, сведений не имеется.

Когда первое ополчение по приходе к Москве распалось, то в Нижнем Новгороде создалось второе ополчение под руководством Козьмы Минина и избранного нижегородцами опытного полководца князя Пожарского. По всем ближайшим городам были разосланы грамоты с призывом к участию в народном ополчении для освобождения Москвы от польских захватчиков. Наряду с другими городами Вятка примкнула к нижегородскому ополчению. Под руководством Минина и Пожарского вятские

---

[1] Совершенно неверно утверждение авторов первого тома «Истории СССР», что Казань и Вятка присягнули польскому королю Сигизмунду III и в особых грамотах убеждали и другие города поступить таким же образом. (См. Историю СССР, т. I, М., 1939, стр. 438).

ратники вместе с воинскими силами всей Руси выполнили свой долг перед родиной — очистили Москву от интервентов[1].

После изгнания поляков из Москвы земское правительство предложило русским городам прислать выборных представителей на земский собор в Москву. На это предложение отозвался и Хлынов, избравший своих представителей. В документах сохранились имена четырех хлыновских выборных: архимандрит Трифонова монастыря Иона, протопоп хлыновского собора Павел Морозов, поп Игнатий и посадский человек Путилко Рязанцев, сын бывшего городового приказчика г. Хлынова, участник защиты Котельнича.

В 1614 г. жители Вятской земли приняли участие в ликвидации последней попытки иностранной интервенции в России. Бывший казацкий атаман Заруцкий, бежавший в Астрахань вместе с женой первого и второго самозванцев Мариной Мнишек и ее сыном от второго самозванца, стал замышлять поход на Москву при помощи персов. Московское правительство снарядило против Заруцкого войско во главе с кн. И. Н. Одоевским. Из Казани Одоевский прислал в Хлынов двух своих агентов. Одному из них — Сергею Москвитиньеву было поручено собрать в Вятской земле 300 ратных людей — «молодых», «резвых», «с вогненным и с лучным боем» и с рогатинами, хорошо стреляющих. Другому агенту предлагалось наблюсти за изготовлением на Вятке 100 стругов ко времени весеннего сплава[2].

Как известно, поход Одоевского окончился удачно: в 1614 г. отряды Заруцкого были разбиты, а сам он и Марина Мнишек с сыном захвачены в плен. Впоследствии Заруцкий и сын Марины были казнены, а Марина Мнишек умерла в заключении.

---

[1] Все события, происшедшие в Хлынове и в Вятской земле во время польской интервенции, изложены на основе 44 документов Соликамского архива, изданных в «актах исторических»: т. II, С.-Пб., 1841, стр. 163—209, 234—235, 315 316, 322—327, 352—353, и в актах Археографической экспедиции, т. II, С.-Пб., 1836 г., стр. 137, 197—199, 211—212, 217, 258—259, 261—264, 268, 277—279, 291, 292—294 (см. также «Собрание государственных грамот и договоров», кн. II, М., 1819, стр. 367).

[2] Русская историческая библиотека, т. II, С.-Пб., 1875, стр. 334—335.

Глава III

ХЛЫНОВ В XVII ВЕКЕ

Территория города. Городовые укрепления. Численность населения

От XVII в. мы уже имеем более определенные сведения о территории города Хлынова и численности его населения, а равно и о городовых укреплениях. Источником этих сведений являются: дозорная книга 1615 г., писцовая книга 1628 г. и переписная книга по г. Хлынову от 1646 г.[1] Как видно из дозорной книги 1615 г., Хлынов разделялся на две части, из которых одна называлась городом в собственном смысле или кремлем, а другая — посадом. Город находился на самом берегу р. Вятки и был «древян», т. е. окружен деревянной стеной (рис. 4).

Писцовая книга 1628 г. отмечает, что город был рублен в 2 деревянные стены общим протяжением в 420 сажен. В разных местах стен были сделаны 8 деревянных башен (4 с проезжими воротами и 4 глухих, т. е. непроезжих). На территории города в 1615 г. находились 8 деревянных церквей, земский съезжий двор для посланников (т. е. для приказных, командируемых из Москвы), 14 домов духовенства, 27 тяглых посадских дворов и 27 пустых дворовых мест.

[1] В 1887 г. эти книги были изданы в сборнике «Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий», М., 1887, стр. 311.

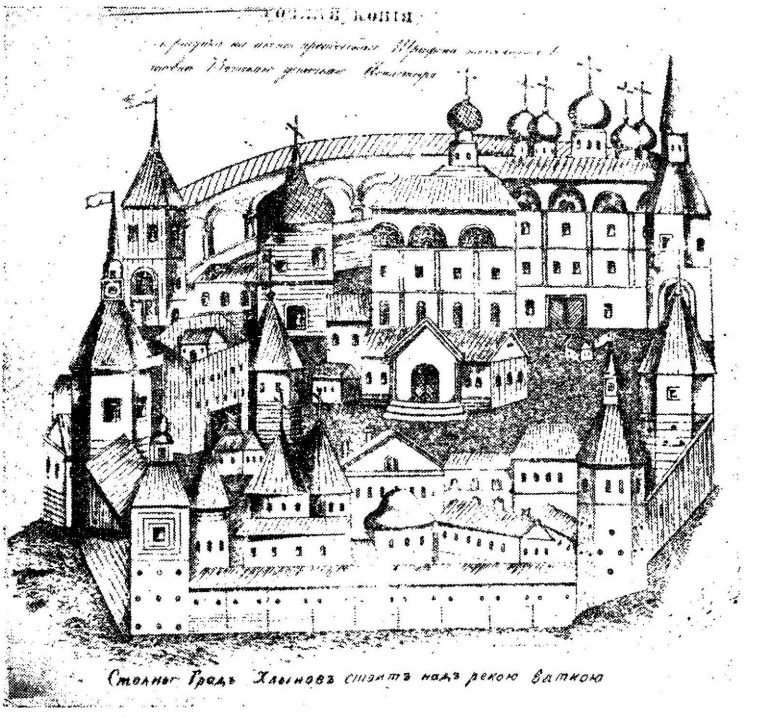


Рис. 1. **Город Хлынов.**
Копия рисунка, изображенного на иконе Трифона (XVII в.)

Кировский областной музей краеведения.

Посад г. Хлынова был окружен **острогом** или деревянным частоколом из бревен, поставленных вертикально и заостренных вверху. Он был расположен к западу от кремля, между двумя оврагами — Раздерихинским и Засорой. Западная сторона острога, отделявшая посад от соседних крестьянских земель, шла не по прямой линии, а дугой. Если иметь в виду нынешнее расположение улиц, то следовало бы сказать, что самый западный пункт острога не доходил до нынешней улицы Свободы, а концы ее упирались в Раздерихинский спуск (примерно, на нынешней улице Ленина) и в овраг Засору (восточнее улицы Ленина). На обнесенной острогом территории по-

сада насчитывалось 5 улиц: Бритовская, Тряпицина, Спенчинская, Чернышевская и Пятницкая и 4 переулка — Копанский, Вознесенский, Горошников и Безыменский[1].

Во всех этих улицах и переулках в 1615 г. насчитывалось 387 посадских домов, 6 деревянных церквей, которые располагались парами (одна церковь теплая, другая холодная). Две церкви находились на берегу р. Вятки у края нынешнего сада им. Ст. Халтурина недалеко от Раздерихинского оврага, две на нынешней улице Большевиков, еще две на месте современной улицы Ленина. Около каждой пары церквей было по небольшому кладбищу. В нижней части города была расположена торговая площадь с харчевнями, торговыми лавками и торговыми амбарами. До 216 домов находилось вне острога — в овраге Засора, под горой у р. Вятки и за рекой Вяткой, в Дымковской слободе. За оврагом Засорой продолжал расширяться мужской монастырь. На посаде возле северной стены кремля в 1624 г. был построен женский монастырь.

О количестве населения Хлынова мы имеем сведения лишь из переписи 1646 г.: она насчитывала в Хлынове 2335 лиц мужского пола. Если предположить, что в городе было столько же лиц женского пола, то для 1646 г. общее количество жителей г. Хлынова составит, примерно, 4670 человек, в среднем по 6,4 человека на двор. По количеству дворов и численности населения Хлынов уступал в то время ближайшим к нему городам: Устюгу, где в 1630 г. насчитывалось до 800 дворов и 200 торговых лавок, Костроме с 1633 дворами и 489 лавками и амбарами и Нижнему Новгороду с 1900 дворами (в 1621 г.). Только Галич был приблизительно одинаков с г. Хлыновом (в половине XVII в. в нем насчитывалось 729 тяглых дворов).

Писцовые и переписные книги г. Хлынова отчасти уясняют нам, откуда прибывало сюда население. Из них видно, что в Хлынов переселялись выходцы из Поморья и отчасти с берегов Камы — из прежней Великой Перми. В Писцовой книге 1628 г. отмечено 25 дворов, а в 1646 г. 49 дворов, основанных выходцами из Поморья. Из Перм-

---

[1] О направлении этих улиц можно судить по плану Хлынова 1759 года (см. стр. 120—121).

ской земли в Хлынов прибыли жители, построившие к 1615 г. 4 двора и к 1628 г. — 6 дворов.

По мере увеличения числа домов в Хлынове создалась необходимость увеличения городской территории. После назначения в Вятку архиерея (1656 г.) в Хлынове были построены дворы как для самого епископа, так для его певчих и для архиерейского приказа. Увеличение территории произошло в шестидесятых годах XVII в. К Хлыновскому посаду с западной стороны была прирезана дополнительная площадь, примерно, до нынешней улицы Володарского. В связи с этим потребовалось удлинить и линию укреплений посада.

Хлыновская администрация решила произвести в Хлынове полную перестройку городских укреплений, сделать их настолько прочными, чтобы они могли устоять против огнестрельного оружия, которое к тому времени на Руси получило уже широкое распространение. В XVII в. некоторые русские города были окружены уже каменными стенами (Москва, Нижний Новгород, Казань). В Хлынове каменная кладка в 1660 годах еще не применялась, и администрация решила построить земляные укрепления. В местной летописи г. Хлынова было занесено следующее известие: «Лета 7172 (1663 г.) месяца сентября в 17 день начали строить около Хлынова земляной город, а строили стольник и воевода князь Григорий Афанасьевич Козловский, а делали оба города 3 года»[1].

Что же было построено в Хлынове в эти три года?

Сохранившееся до настоящего времени описание городовых укреплений Хлынова от 1676 года дает нам довольно полный ответ на этот вопрос (рис. 2). Из него видно, что хлыновский кремль был окружен земляной дерновой стеной высотой до 5 аршин. На ней были укреплены зубцы вышиной в 1 аршин, а выше зубцов были поставлены «туры», т. е. цилиндрические корзины из кольев, сплетенных хворостом, наполненные землей или мелким камнем. Внутри города дерновая стена была укреплена бревнами в «тарасы», т. е. из бревен были сделаны ящики, также наполненные землей или мелким

[1] Летописец старых лет, что учинилася в Московском государстве и во всей русской земле в нынешняя в последняя времена. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 г., вып. IV, отд. II, стр. 19.

камнем. С наружной стороны по берегу р. Вятки земляная стена «для крепости» была обрублена бревнами в 5 рядов. В пяти пунктах стены были устроены деревянные башни: две на западной стороне (Спасская и Воскресенская), одна на северной (Богоявленская), одна на восточной стороне (Никольская) и одна на южной, т. е. на берегу оврага (Покровская). В нижнем этаже западных и северных башен были устроены проездные ворота с опускными решетками. В воротах были поставлены пищали (медные или железные), каждая на станке с колесами. В башнях были сделаны в три ряда отверстия (бои) для ружейной стрельбы.

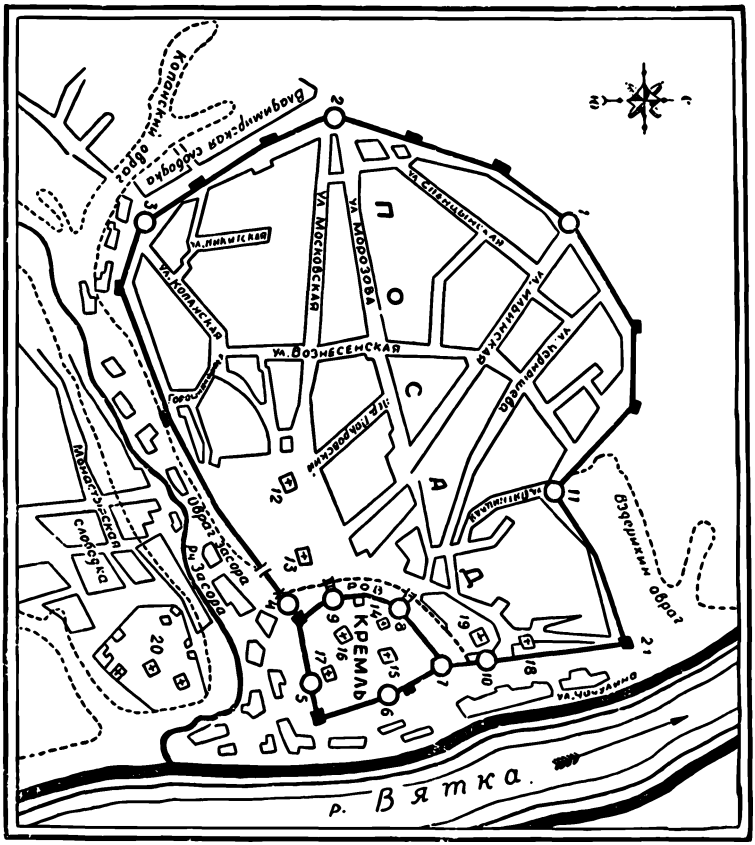
В главной (Спасской) башне, в среднем этаже, помещалась «казенка» для хранения мушкетов и всякой «оружейной казны», а в верхнем этаже — восьмистенная вышка с окнами для наблюдения за неприятелем. В среднем этаже каждой из остальных башен были поставлены на станке с колесами по одной пищали (железной или медной). Общее протяжение городовой стены кремля (не считая места, занятого башнями) равнялось 374 саженям[1].

В 25 саженях от Спасской башни в городовой стене был устроен пороховой погреб, из которого была проложена в город кирпичная труба с железными решетками. В 1676 г. в этом погребе пришлось хранить 70 пудов пороха (с бочками) и 44 пуда свинца; кроме того, здесь же был порох, вывезенный из городов Вятской земли — Орлова (5 пудов) и Шестакова ($2^1/_4$ пуда), по-видимому, еще в 1670 г., когда ожидалось наступление отрядов Разина на г. Хлынов[2].

---

[1] «Росписной список столника и воеводы князя Петра Семеновича Прозоровского, что он принял от воеводы Василия Поликарповича Нарышкина на Вятке два земляные города Хлынова в 7184 году, (ЦГАДА, Городовые книги по г. Вятке). Росписной список напечатан в Трудах Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. V—VI, отд. II, стр. 8—29. Такие росписные списки составлялись при вступлении каждого хлыновского воеводы в должность. До настоящего времени сохранились в архивах г. Кирова и г. Москвы росписные списки за 1676, 1678, 1684, 1699, 1696, 1734, 1736, 1737, 1738, 1740, 1741, 1742, 1743, 1744, 1745, 1746, 1750, 1755, 1756, 1758, 1764, 1765 гг. Из них напечатаны только 3 списка: за 1676, 1684 и 1741 гг.

[2] Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. V—VI, отд. II, стр. 17—19.


Р. Вятка
КРЕМЛЬ
ПОСАД
ул. Никитская
ул. Московская
ул. Мороза
ул. Спасская
ул. Воскресенская
ул. Пятницкая
ул. Чернышева
ул. Чернышева
ул. Чернышева
ул. Чернышева
Нижний мост
Нижний мост
Нижний мост

В 1698 г. в казенном пороховом погребе хранилось: 23 бочки пушечного и мушкетного пороха, весом 121 пуд 21 фунт, причем 4 пуда 12 фунтов пороха были уже негодны для стрельбы. Здесь же хранилось 2 пуда 5 фунтов свинцовых пуль, 3116 ядер железных для пушек и 141 ядро для затинных[1] пищалей, 52 пуда 39 фунтов свинца, 3 пуда горелого свинца. Кроме того, здесь были присланные из Котельнича 10 затинных пищалей и к ним 81 ядро, 11 пищалей ручных. Пищали эти для стрельбы не годились, «потому что из давных лет из того ружья стрельбы не бывало и все изоржавело»[2].

Ров, отделявший кремль от посада, был расширен и углублен. Теперь он имел в ширину 15 сажен и в глубину «по осыпи вверх» 15 сажен. Перед проезжими башнями кремля через ров были построены деревянные мосты.

Вокруг посада был возведен земляной вал (рис. 3). Направление его было таково: от береговой (Богоявленской) башни кремля он шел по берегу р. Вятки, далее — по правой стороне Раздерихинского оврага. У начала спуска в овраг была сооружена Пятницкая башня с проезжими воротами. От башни земляной вал направлялся по левой стороне Раздерихинского оврага к нынешней улице Труда, параллельно ей шел почти до современной улицы Свободы, а затем поворачивал на юго-запад. На участке между современными улицами Труда, Степана Халтурина, Свободы и Володарского была построена проезжая Ильинская башня, выводившая из посада на нынешнее Филейское шоссе (в XVII в. с. Филейка еще не существовало). От Ильинской башни земляной вал еще более отклонялся на юго-запад. Там, где сходились две древние улицы Морозовская и Московская (или Бритовская), приблизительно в полуквартале между нынешними улицами Свободы и Карла Маркса, на нынешней улице Коммуны, была построена главная Посадская

[1] Затин (затын) — особое место внутри крепостной ограды древнерусских крепостных городов, непосредственно за частокольною деревянною оградой (тыном). На нем для действия поверх тына или в оставляемые в последнем промежутки ставились огнестрельные орудия того времени — затинные пищали (Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь, полутом 23, стр. 327).

[2] ЦГАДА, фонд «Приказные дела старых лет», 1697, № 683.

Рис. 3. Остатки земляного вала г. Хлынова (XVII в.)

Кировский областной музей краеведения.

башня (Московская), выводившая из города на большую московскую дорогу.

От Московской башни земляной вал принимал южное и далее юго-восточное направление и проходил по тем местам, где теперь находятся почтамт и Детский парк. Около 5-ти углов, образуемых ныне пересечением улиц Володарского и Герцена и переулка Герцена, была построена Никитская башня с проезжими воротами, выводившими из города на Казанскую дорогу.

От Никитской башни земляной вал шел по берегу оврага Засоры к кремлю, у западной стены которого и заканчивался Успенской башней. На участке вдоль Засоры земляной вал несколько раз прерывался «городнями», т. е. четвероугольными бревенчатыми ящиками, наполненными землей. В двух пунктах по этой линии в земляном валу были устроены проходные ворота, выводившие из посада в овраг Засору. Земляной вал, а равно и городни были покрыты сверху деревянным настилом, на котором были устроены «обламы» или выступающие несколько вперед (на 1/4 аршина) брустверы. Находясь на этих обламах, защитники города обстреливали подступавшего неприятеля; для ограждения же их от неприятельских выстрелов на брустверах были сделаны бревенчатые перегородки, вышиной в 3 или 4 фута (до высоты человеческой груди); над обламами была устроена крыша. В городнях и башнях для обстреливания неприятеля были прорублены отверстия (бои): в городнях в 2, в башнях в 3, а в главной Московской башне в 4 ряда.

Около проезжих посадских башен земляной вал со стороны посада был укреплен невысоким острогом — по 5 сажен в ту и другую сторону башни. Из посада на вал можно было подняться около башен по широким деревянным лестницам, устроенным «для поспешения скорого выхода во время осады». Возле земляного вала, с западной и северной стороны посада, был выкопан ров шириной 4 сажени и глубиной 2 сажени, сторона рва, обращенная к земляному валу, была выложена дерном. Между рвом и земляным валом был поставлен «острог» вышиной в 2 аршина.

Новые крепостные сооружения были, разумеется, прочнее деревянного острога, но они очень часто требовали ремонта. Деревянные части довольно скоро ветшали, а, кроме того, нередко сгорали во время городских

пожаров, а земляной вал обычно очень скоро начинал осыпаться. Уже через 4 года после постройки городовые укрепления были основательно отремонтированы[1] в ожидании наступления на Хлынов разинских отрядов.

Через 12 лет (в 1682—1684 гг.) в кремле были перестроены все башни, причем были прибавлены две новые башни (на углах южной стороны, обращенной к оврагу Засора) и вновь срублено 176 сажен городовой стены[2]. Еще через 12 лет (1696 г.) укрепления кремля опять были перестроены: было построено 390 сажен пятивершковой городовой стены, шириной 3 сажени с аршином, а высотой 1 аршин от земли до моста и 2 сажени 1 аршин от моста до кровли. В городовой стене построено 6 башен (3 проезжие, 1 проходная и 2 глухие) и, кроме того, сделаны проходные ворота[3]. Через 4 года (1700 г.) все эти укрепления кремля были истреблены пожаром.

Новый расширенный и укрепленный посад не вместил всего посадского населения. Люди, жившие ранее в овраге Засора у р. Вятки, а также за рекой (Дымковская слобода), по-прежнему оказались вне укреплений. В XVII в. к западу от посада появились дома, положившие начало двум слободам (Владимирской и Всесвятской). За оврагом около мужского монастыря также разрастались слободки. Ко времени переписи 1678 г. в этих монастырских слободках оказалось уже 62 двора. Всех домов в г. Хлынове перепись 1678 г. насчитала 840. Мужского населения в этих домах зарегистрировано 2522 человека. Таким образом, общее количество населения г. Хлынова к 1678 г. можно определить в 5000 человек.

Экономика города. Ремесла

В XVII в. ремесло в Хлынове продолжало развиваться. Об увеличении числа ремесел можно судить по сопоставлению дозорной и писцовой книг по г. Хлынову. Кро-

---

[1] Росписной список столника и воеводы князя Петра Семеновича Прозоровского... 7184 года. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. V—VI, отд. II, стр. 17.

[2] Росписной список боярина и воеводы князя Михаила Ивановича Лыкова... 7192 года. Там же, стр. 31.

[3] ЦГАДА, Фонд городских книг, книга 7204/1696. № 18. Росписной список хлыновского воеводы князя А. Урусова.

ме ремесел, отмеченных в дозорной книге 1615 г., писцовая книга 1629 г. показывает новые ремесла: выделку кузовов, ведер, оконниц, горшков, мыла.

Из более крупных предприятий в г. Хлынове в XVII в. возникает производство (литье) колоколов мастером Душкиным. Производство это держалось в Хлынове довольно долго: как видно из надписей на колоколах, колокол для с. Бобинского был отлит в 1666 г., а для с. Сезеневского — в 1683 г. Характерно, что материал для колокололитейного дела был исключительно привозный: медь доставлялась в Хлынов, по-видимому, из Приуралья — с медного завода, построенного Пыскорским монастырем, олово, надо полагать, приобреталось от иностранных торговцев, приезжавших по Беломорскому пути.

Ко второй же половине XVII в. относится попытка хлыновского торгового человека Тряпицына разрабатывать железные руды в верховьях р. Вятки, на землях Верховятского Екатерининского монастыря. По словам А. Ф. Хлобыстова, собиравшего сведения о прошлом горных заводов Омутнинского округа, Тряпицын еще с 1689 г. на берегу речки Чудовой (притока р. Вятки) устроил завод с малой доменной печью. Чугун перерабатывался здесь на поковочное железо в горнах. Железная же руда в этих местах была известна уже с XVI в. Монахи Верховятского монастыря просили еще царя Федора Ивановича предоставить им земли с этой рудой, сообщая, что у них имеется человек «злообычный к повшествам», умеющий ковать железо.

В XVII же веке некоторые хлыновцы предпринимали добычу соли. Хлыновский посадский Кузьма Кулаков еще в начале XVII в. выкопал соляной колодец подле соленой речки, впадавшей в р. Вятку. Сын Кузьмы — Евстафий, вместе с двумя хлыновцами — Богданом Балезиным и Демой Плясениным в 1624 г. получил это место с обязательством по истечении 5 льготных лет платить в казну оброк по 1 руб. 54½ коп. в год[1]. Дало ли какие-либо результаты это предприятие — остается неизвестно. За последующее время мы более не встречаем никаких указаний на добычу здесь соли.

Еще в 1654 г. московское правительство разрешило всякого чина людям выкуривать вино (водку) для своей

---

[1] Писцовая книга по г. Хлынову за 1629 г.

потребности, при условии внесения в казну известной суммы налога. В Хлынове, при отсутствии местного дворянства, этим правом стали пользоваться посадские торговые люди. Так было положено здесь начало винокурению, которое в скором времени стало приобретать большое торговое значение.

Торговля в г. Хлынове

В XVII в. в Хлынове заметно стала развиваться торговля. Писцовая книга 1629 г. насчитала в г. Хлынове 6 торговых амбаров, 123 лавки, ряд харчевных шалашей, а также рыбные, калачные и хлебные полки. Размер оброка с лавок показывает, что они были далеко не одинаковы по своим торговым оборотам. Из 105 лавок 25 (или 24 процента) платили в казну от 1 руб. 50 коп. до 10 руб. в год и принадлежали, очевидно, к числу наиболее крупных, 32 лавки (30 процентов) платили по 1 руб., 48 лавок (46 процентов) вносили в казну от 30 до 10 коп. В 8 лавках из числа последних торговали по два владельца. С другой стороны, 8 хлыновских посадских имели по 2 лавки каждый, Тренька Рязанцев владел 2 лавками и торговой клетью, Ивашка Сидоров имел даже 4 лавки. Это говорит уже о начавшейся концентрации торгового капитала в руках отдельных лиц.

Концентрации этой содействовала и торговля хлыновцев с соседними территориями. В первой половине XVII в. начинаются торговые сношения Хлынова непосредственно с Архангельском. Доказательством этого служат, между прочим, таможенные книги г. Великого Устюга за XVII в. Так как в местной литературе торговля Хлынова с Архангельским портом еще мало освещена, то мы приведем из этих книг некоторые данные, кажется, еще не использованные в печати.

Велико-Устюжские таможенные книги представляют собой собственноручную запись особым таможенным досмотрщиком всех торговцев, которые проезжали с товарами в Устюг и Архангельск и возвращались из этих городов, также с товарами, на родину вверх по Северной Двине. Досмотрщик собирал с приезжающих торговцев пошлины в пользу Устюга и каждую полученную сумму заносил в свою таможенную книгу. В его записях по-

этому отразились случаи привоза в Устюг хлыновских товаров, а также случаи привоза из Устюга или Архангельска до г. Хлынова. Приведем эти случаи:

1) 7 февраля 1634 г. в Устюг приехал из Хлынова каринский татарин Первой Кибышев. На трех лошадях он привез $3^1/_2$ меры льняного и конопляного семени и 9 пудов воску — всего на 65 руб. Кибышев уплатил пошлину (по 5 денег с рубля), гостиное (2 алтына), амбарное за 2 недели (по 7 денег за день), весчего 4 деньги и, наконец, приезжие и отъезжие за лошадей, всего 3 руб. 4 алтына 3 деньги (т. е. 3 руб. $13^1/_2$ коп.).

2) 24 февраля того же года каринский татарин Федор Алышев «сам третей» привез на трех лошадях 21 пуд и 2 четверти воску, $13^1/_4$ пуда меду, 6 мехов беличьих, 3 фунта шелку ряжского, всего на 160 руб.; уплатил разных сборов 6 руб. 29 алтынов.

3) 3 декабря 1634 г. хлыновец Степан Давыдов привез в Устюг 55 пудов меду.

Значительно чаще в таможенной книге делаются отметки о провозе хлыновцами товаров в Холмогоры и из Холмогор:

1) 7 июня 1635 г. Тимофей Кондратов плыл к Холмогорам в лодке с 2 ярыжными.

2) 29 июня того же года вятчанин Иван Бальхозин плыл в лодке; пошлины платил за ярыжных и за лодку 57 коп[1].

3) 22 сентября 1646 г. 8 вятчан пошли с городовым товаром к Вятке в трех крытых лодках, на которых было 15 рабочих, 4 ярыжных, носник и кормщик.

4) В тот же день вятчане Ермолай Моисеев и Денис Ларионов пошли к Вятке от Архангельска с товарной кладью на дощанике (длиной 15 сажен с полуосминкой), рабочих с ними было 20 человек (17 ярыжных, повар, носник и кормщик). Из Устюга к дощанику они взяли вместо павозка две лодки и 12 ярыжных.

5) 16 мая 1647 г. хлыновец Калина Балезин плыл к Холмогорам с хлебным запасом в барке (10 сажен длины и 3 сажени ширины); на барке было 11 ярыжных, повар, носник и кормчий[2].

---

[1] ЦГАДА, Таможенная книга г. Великого Устюга, 7142 (1634) г., № 24, л. 231.

[2] Там же, 7154 (1646) г., № 73.

6) 7 февраля 1647 г. хлыновцы Григорий Федотов и Иван Филимонов с проводниками поехали на Волгу на двух лошадях, а 13 марта возвращались оттуда на трех лошадях, также с товаром, который потом повезли на чужом судне к Архангельску.

7) 5 октября 1649 г. хлыновец Дмитрий Ворожцев с товарищами, всего в количестве 4 человек, от Архангельска приплыли с городовым товаром на чужом судне, а от Устюга отправились на двух лодках с 2 ярыжными.

8) 1 мая 1651 г. хлыновец Калина Балезин с товарищами, всего в количестве 5 человек, везли к Холмогорам товарную кладь на барже (длиной в $8^3/_4$ сажени), на которой находились 4 ярыжных.

9) 10 мая 1651 г. проплыли мимо Устюга к Холмогорам хлыновцы Денис Агеев с товарищами, всего 7 человек.

10) 23 мая проплыл Федор Захаров (сам третей) в лодке с товарами[1].

11) 24 апреля 1654 г. хлыновец Бажен Балезин плыл из-под Вятского с рожью на барке (длиной $11^1/_4$ сажени, поперек 4 сажени и высотой в палубах $1^1/_4$ сажени); на барке было 11 ярыжных, носник, кормщик и повар.

12) 25 апреля 1654 г. хлыновцы Василий Зыков, Степан Филимонов да человек Андрея Козьмина Гостева Петр Игнатьев плыли к Архангельску с товарами на барже (длиной 12 сажен 2 чт., шириной 4 сажени и высотой в палубах $1^3/_4$ сажени). На барже находились 19 гребцов, повар, носник и кормщик.

13) 20 мая 1654 г. к Архангельскому городу проплыли с товарами хлыновцы Григорий Филимонов да человек Андрея Гостева Яков Никифоров в лодке, в которой находились 2 гребца да кормщик.

14) 10 июля 1654 г. хлыновец гостиной сотни Бажен Балезин и посадский Иван Шишелов плыли с товаром к Архангельску в лодке, которую вели 2 гребца и кормщик.

Записи в таможенных книгах г. Устюга о хлыновцах как видим, еще немногочисленны; они, можно сказать, еще тонут в записях досмотрщика о двинянах, вологжанах и др., но все же позволяют сделать некоторые выводы о торговле хлыновцев, а именно:

---

[1] ЦГАДА, Таможенная книга г. Великого Устюга, 7154 (1649) г., № 89.

1) Торговля Хлынова с Архангельском началась уже в первой половине XVII в.

2) На первых порах она велась еще не в крупном масштабе; в одной сплавной барже помещался товар нескольких торговцев (до восьми), только один торговец — Богдан Балезин был собственником товара всей баржи.

3) Одним из видных объектов хлыновской торговли являлся хлеб (рожь, ячмень, мука).

Откуда хлыновцы брали хлеб? У некоторых из них уже тогда имелись в разных уездах земельные участки, в которых они успели посадить половников, т. е. лиц, работавших на хозяев исполу. Затем хлыновцы скупали хлеб, привозимый в Хлынов крестьянами. При этом они старались совершить куплю с возможно выгодными для себя условиями: крестьянам разрешалось продавать хлеб только с возов или со стругов, а не из торговых лавок. Расчет у купцов был таков: не успев продать хлеб с возов или со стругов в базарный день, крестьянин волей-неволей должен будет сбыть его хлыновским торговцам за пониженную цену.

Нужно отметить, что торговлю хлебом через Хлынов тогда вело и само правительство. Купленный на таможенные и кабацкие деньги хлеб складывали в особые житницы (в 1676 г. в Хлынове было 12 житниц)[1]. Затем его отправляли к Холмогорам: частью на жалование двинским, кольским и пустоозерским служилым людям[2], а частью на продажу.

В той же Устюжской таможенной книге под 27 апреля 1654 г. досмотрщик отметил, что проплыли к Холмогорам вятские целовальники Сидор Федоров и Тимофей Ларионов с товарищами, всего 10 человек, в барже с хлебом — «государевы хлебные закупки». Баржа имела длины 14 сажен, ширины 5 сажен и в палубах $1^3/_4$ сажени. На барже находилось работных людей с товаром 30 человек, да кроме того носники и кормщики (количество их не указано)[3].

---

[1] Росписной список столника и воеводы князя Петра Семеновича Прозоровского... Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. V—VI, отд. II, стр. 28.

[2] Указ царя Федора Алексеевича от 7 ноября 1677 г. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1909 года, вып. II—III, отд. III, стр. 17—18.

[3] ЦГАДА, Таможенная книга г. Великого Устюга от 7162 (1654) г.

В 1677 г. царем Федором Алексеевичем приказано отправить в Холмогоры 9188 четвертей ржи, 9169 четвертей овса и 1003 четверти ячменя и свезти этот хлеб весной «против прошлых лет», т. е. по примеру прошлых лет[1]. В 1679 г. им же приказано закупленный на Вятке хлеб продать на Двине «перед покупною ценою с немалою прибылью»[2]. Помимо хлеба хлыновские торговцы вывозили сало, кожи, пушнину, мед, хмель.

Торговые операции (и вывозные и местные) уже в XVII в. сосредоточивали в руках отдельных хлыновских торговцев значительные капиталы. Наиболее крупным торговцам правительство давало финансовые поручения, за выполнение которых предоставляло им почетное звание людей гостиной или суконной сотни. В 1630 г. к гостиной сотне был причислен хлыновец Третьяк Рязанцев, сын бывшего городского приказчика[3]. В 1654 г. в Устюжской таможенной книге отмечается, как принадлежащий к гостиной сотне, хлыновец Бажен Балезин[4]. Переписная книга 1678 г. к гостиной сотне относит хлыновцев Петра и Василия Рязанцевых, а к суконной сотне Илью Гостева и Феоктиста Балезина[5].

В самом конце XVII в. купчиной гостиной сотни называется торговый человек Спиридон Лянгусов, который в 1694 г. выполнил очень ответственное поручение московского правительства — провел московский торговый караван в Китай[6]. По-видимому, это была одна из первых экспедиций, которые русское правительство стало отправлять в Китай по заключении с ним торгового договора.

---

[1] Указ царя Федора Алексеевича от 7 ноября 1677 года, Труды Вятской ученой архивной комиссии 1909 года, вып. II—III, отд. III, стр. 17—18.

[2] Грамота царя и великого князя Федора Алексеевича на Вятку... (28 февраля 1679 г.). Там же, стр. 39—40.

[3] А. А. С[пицын]. История рода Рязанцевых, Вятка, 1884, стр. 7, 10—11.

[4] ЦГАДА, Таможенная книга г. Великого Устюга от 7162 (1654) г.

[5] Вятка, Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887, стр. 38—57.

[6] А. С. Верещагин. Купчина гостиной сотни Спиридон Лянгусов. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 г., вып. V—VI, отд. III, стр. 232—237.

Податное обложение

Податное обложение тяглого посадского населения в Хлынове, как и в прочих русских городах, в XVII в. значительно усилилось в связи с иностранной интервенцией. Как видно из дозорной книги 1615 г. и писцовой книги 1629 г., посадские в г. Хлынове должны были платить (см. таблицу на стр. 106).

Разверстка обложения в XVII в. оставалась та же, что и в XVI в.: посадские вносили дань по 25 коп. со двора, а бобыли (которые впервые появляются в дозорной книге 1615 г.) платили всего лишь по 15 коп.; остальные налоги распределялись между дворами в зависимости от их состоятельности («по животам и промыслам»). В силу этого при разверстке налогов, естественно, возникала борьба между бедными и богатыми.

XVII в. принес г. Хлынову новые налоги — постоянные и единовременные: стрелецкий сбор (на содержание стрельцов), полоняничные деньги (на выкуп пленных). В 1621 г. хлыновцам было предложено платить хлеб сибирскому архиепископу. В 1668 г. на них был наложен платеж по 60 руб. с сохи или по 32 коп. с посадского двора на постройку гостиного двора и городских укреплений в г. Архангельске. Припомним, что незадолго до этого времени в Хлынове в течение трех лет производилось полное переустройство городовых укреплений, вызвавшее, несомненно, довольно значительные расходы у посадского населения.

Хлыновцы платили также таможенные и кабацкие сборы. Хлыновский таможенный голова в 1623 г. доносил в Москву, что он берет «со всяких товаров по 2 деньги с рубля, с сермяжных сукон по 1 деньге с конца, а с добрых по 2 коп. и по 3 деньги, с куницы ржи по 2 деньги, с куницы овса по 1 деньге». При продаже лошади бралось с покупателя по 3 деньги, а с продавца по 3 коп.

Управление в г. Хлынове

По окончании крестьянской войны и иностранной интервенции московское правительство во все города государства назначило воевод, облеченных властью — военной, административной, финансовой и судебной. В Вят-

	1615 г.		1629 г.	
	руб.	коп.	руб.	коп.
I. Данных денег	65	00	97	50
Кормовых денег	13	00	19	50
Казначеевых пошлин	2	20	3	90
Дьячих пошлин	1	30	—	95
Подьячих пошлин	—	65	—	97,5
Пищальных денег	4	03	6	04,5
Пошлин с пищальных денег	—	02	—	03
Итого	86	20	128	90
II. Оброка с бобыльских дворов (вместо дани, пошлин, кормовых и пищальных денег) по 15 коп. на год	28	00	16	00
Пошлин с оброку	2	16	—	20
III. С городских посадских людей оброк за сено	40	45	44	70½
Пошлин с сенного оброка	3	03¾	3	38
Пошлин с амбаров, лавок, шалашей, с клетей торговых и с площадей, что ставят на продажу холодную рыбу	5	80	140	00
Пошлин с оброку (торгов)	—	43½	10	50
С кузниц оброку	1	20	7	50
Пошлин с сенного оброку		09		58
Итого	81	17¼	222	86½
IV. С оброчных посадских дворов, огородов, летних печей и с животинного выпуска оброку и пошлин		—[1]	7	44½
С мельниц оброку		—	6	21½
С рыбных ловель		—	21	16½
С жернового каменья		—	3	50
С перевозу		—	38	86½
С льготного соляного промыслу (по истечении льготы)		—	1	54½
С бань оброку и пошлин		—	4	37½
Итого		—	83	11 —
Всего	167	37¼	434	87½

[1] В лозорной книге 1615 г. сведения о сумме оброка с огородов, печей, мельниц, рыбных ловель отсутствуют. Возможно, что оброк по этим статьям проводился по другим книгам.

ской земле появились два воеводы: один — в Хлынове, для заведования 3 городами (Хлыновом, Орловом и Котельничем) с их уездами; другой — в г. Слободском, для заведования городами Слободским и Шестаковом с их уездами. При воеводе состояла канцелярия — так называемая съезжая изба (разрядная или приказная). Заведовал ею дьяк или подьячий с приписью, назначаемый Москвой одновременно с воеводой. В съезжей избе работали особые писцы или подьячие. В Хлынове число их постепенно увеличивалось: в 1615 г. было 2, в 1628 г.— 3, в 1647 г. —11, в 1678 — 19. Кроме того, было до 20 человек приставов, сторожей и рассыльных.

Кроме подьячих съезжей избы в Хлынове имелись площадные подьячие. Их роль — составление разных челобитных, крепостных писем и пр. для населения, почти сплошь неграмотного. По переписной книге 1646 г. в Хлынове насчитывалось 6 площадных подьячих.

В церковном отношении Хлынов в первой половине XVII в. оставался по-прежнему подчиненным непосредственно московскому патриарху. С 1625 г. зависимость города от патриарха еще увеличилась: грамотой от 20 июня этого года Хлынов вместе со всей Вятской землей был подчинен патриарху «во всяких делах, за исключением дел уголовных, разбойных, татебных (т. е. о воровстве) и кровавых» и изъят от ведения местного воеводы и других гражданских властей. Причитавшиеся с населения пошлины поступали в патриаршие доходы. Для ближайшего заведования церковными делами патриарх присылал в Хлынов особое лицо, называвшееся десятильником; при нем была особая канцелярия с подьячим духовных дел.

Во второй половине XVII в. церковное управление на Вятке приобрело более сложную организацию: в 1656 г. патриарх Никон назначил в Хлынов особого епископа с поручением ему управлять церквами всей Вятской земли, а также соседней с ней Великой Перми. Так образовалась особая епархия, получившая название Вятской и Великопермской. В Хлынове при епископе был образован архиерейский приказ с дьяком, канцеляристами и копиистами (переписчиками). Для содержания епископа с его приказом и двором правительство отвело в разных местах Вятской земли особые вотчины с крестьянским населением. К 1727 г. таких вотчин у вятского епископа ока-

залось 15, в них насчитывалось 9523 души мужского пола; следовательно, душ обоего пола было свыше 19 000[1]. После назначения на Вятку епископа должность патриаршего десятильника в г. Хлынове была упразднена.

Говоря о церковном управлении, следует отметить в г. Хлынове еще один центр — Трифонов монастырь. Монастырь этот с самого начала своего существования (1580 г.) начал обзаводиться землями и крестьянами не только в Вятской земле, но и в Казанской. В 1654 г., по переписи писца Караулова, за монастырем числилось 811 крестьянских дворов, а в 1687 г.— 1270 дворов. Архимандриту монастыря с братией правительством было предоставлено право производить суд над крестьянами по всем делам, кроме душегубства, разбоя и татьбы с поличным. По этим последним делам суд должен был производиться воеводой в присутствии архимандрита или его доверенного.

Воеводы и приказные при проезде по монастырским землям не имели права пользоваться от населения кормами, а должны были покупать их по вольной цене. С монастырских служителей и крестьян нигде не взимались монастырские пошлины. Архимандрит монастыря при проезде в Москву нигде не платил мыта. Для ближайшего заведования вотчинами монастырь посылал своих монахов-«старцев», которые иногда подолгу оставались в вотчинах. Таким образом Хлыновский монастырь оказался в Вятской земле крупнейшим, почти независимым от местных властей, феодалом[2].

Помимо приказного управления в Хлынове в XVII в. существовало земское самоуправление. Во главе его стоял земский староста, избираемый из посадских. При нем была земская изба с канцелярией, которой заведовал земский дьячок. Земский староста ведал раскладкой и сбором податей, распределением между посадскими земских повинностей. Хлыновскому земскому старосте принадлежало первенство среди земских старост других

---

[1] Вятский архиерейский дом и архиерейские вотчины 1727 года. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1916 года, вып. I—II, отд. II, стр. 1—143.

[2] А. А. Спицын, Вотчины Успенского Трифонова монастыря. «Календарь Вятской губернии» на 1886 год. Вятка, 1885, стр. 190—191.

городов Вятской земли: в случае нужды он созывал в Хлынов остальных земских старост для обсуждения вопросов, касающихся всей Вятской земли, и от имени их возбуждал через воеводу ходатайство перед Москвой.

При воеводах значение земского самоуправления стало ослабевать: воеводы постепенно низвели хлыновского земского старосту до степени послушного им орудия[1]. В документах конца XVIII в. хлыновский земский староста выступает в роли лица, усердно заботящегося о продовольствии воеводы[2].

Состав населения

После всего сказанного о ремеслах, торговле и управлении г. Хлынова нетрудно уяснить социальный состав населения города Хлынова. Особенностью социального состава населения Вятской земли являлось почти полное отсутствие в ней класса помещиков из дворян и бояр (о причинах этого см. главу II). Хлынов был городом тяглового посадского населения, служащих и церковников.

Верхушку хлыновского населения составляли среди служащих воевода, его товарищ, дьяк или подьячий с приписью (заведующий воеводской канцелярией или съезжей избой). Все эти лица назначались московским правительством. Среди церковников наибольшим значением пользовались архимандрит Трифонова монастыря и протоиерей кафедрального собора, а со второй половины XVII в. к ним присоединился вновь назначенный в Вятку епархиальный епископ. Из среды торговых людей выделяются владельцы нескольких лавок и очень небольшое количество крупных торговцев хлебом с Архангельском; некоторые из них были причислены московским правительством к гостиной или суконной сотне. Среднюю груп-

---

[1] М. М. Богословский, Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. II, М., 1912, стр. 261—265; А. А. Спицын, Местное и областное управление на Вятке до XVIII в. «Календарь Вятской губ.» на 1889 год. Вятка. 1888, стр. 167—206.

[2] Расходная книга земского старосты Ивана Репина в 1678—1680 гг. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. V—VI, отд. II, стр. 1—105.

пу из служащих составляли подьячие, из церковников — попы хлыновских церквей, из купцов — владельцы лавок, владельцы оброчных статей (мельниц, рыбных ловель, пашен, покосов).

Далее идет основная масса посадского населения: ремесленники, торговцы с лотков или полок, низшие церковники (дьячки, трапезники, просфорницы), мелкие служащие (писцы, пристава, сторожа, рассыльные и т. д.). Еще ниже стояли бобыли — наемные рабочие (живущие за счет случайных заработков) и, наконец, нищие и пр.

Выступление посадских г. Хлынова совместно с уездными крестьянами против взяточничества местных воевод

Хлыновские воеводы возобновили практику вымогательств с городского населения, которая существовала здесь при наместниках. Московское правительство в своих инструкциях разрешало воеводам принимать от населения добровольные приносы «в почесть». Это скоро повело к тому, что добровольное превратилось в обязательное и при этом достигло весьма больших размеров. Через какие-нибудь 20 лет после введения воеводского управления хлыновские воеводы стали брать с населения «вседневные харчи», конский корм, «пивные и винные вари», а при вступлении в должность «въезжее пособие» в размере от 300 до 500 руб. Так как воеводы менялись в Хлынове приблизительно через два года, то хлыновцам приходилось уплачивать воеводам «въезжее пособие» очень часто.

На почве воеводских поборов в Хлынове в 1635 г. произошло восстание посадских совместно с уездными крестьянскими людьми. Нужно заметить, что незадолго до 1635 г. Хлынов два раза (1632 и 1634 гг.) пострадал от пожара, значительная часть населения осталась буквально на улице. Как раз в это время произошла смена воеводы, и новый воевода — Григорий Меньшой Волынский потребовал у погоревшего населения уплаты въезжего пособия в размере 500 руб. Среди беднейшей части посадского населения возникла мысль отказать воеводе, но более богатые посадские люди стояли за удовлетворение воеводского требования.

Торговый человек г. Хлынова Данило Кальсин, владелец торговой лавки, успел уже пообещать воеводе, что въезжее пособие будет уплачено ему полностью. Он и в прежнее время от имени хлыновцев давал воеводам и посланникам большие обещания по уплате им въезжего пособия или повседневных харчей, причем ухитрялся из мирских сборов урывать кое-что и в свою пользу. На этот раз население воспротивилось выполнить его обещание, и сам он подвергся жестокой расправе со стороны посадских и крестьян. Дело произошло таким образом.

Воевода потребовал к себе земских старост подведомственных ему городов Хлынова, Орлова и Котельнича для того, чтобы окончательно установить размер земских дач ему. Вместе со старостами к съезжей избе явилось свыше 200 человек хлыновцев и уездных крестьян. На воеводское требование въезжего пособия один из земских старост спросил, на каком основании воевода этого требует. Тот сослался на «государев наказ». Старосты потребовали прочесть миру этот наказ. Наказ был принесен, приказной подьячий начал было зачитывать его миру. Но старосты потребовали, чтобы наказ читал земский дьячок Петр Русских.

Прослушав наказ, хлыновцы убедились, что в нем «ничего того не написано» (т. е. не говорится ни о въезжем пособии, ни о посошном хлебе, ни о прочих данях). Вследствие этого «старосты и мирские люди в том ему отказали» и разошлись по своим домам. Тогда воевода приказал приставам «править на земских людях и въезжее в размере 500 руб. и сошный хлеб и праздничное и харчевые деньги». Чтобы придать своему распоряжению вид законности, он приказал одновременно взыскивать и государевы доходы: данные и оброчные деньги.

В первый же день к вечеру на правеж были поставлены несколько земских целовальников, заведовавших сборами мирских денег. Тогда земские люди, руководимые старостами, с шумом окружили воеводскую избу и потребовали освобождения арестованных воеводой людей, а затем стали силой снимать их с правежа. Воеводе пришлось освободить всех взятых от правежа.

У посадских крестьян явилась тогда мысль попытаться вернуть въезжее пособие, уплаченное ими прежнему воеводе Василию Чевкину, который еще не успел уехать из Хлынова. Вскоре орловские, хлыновские и котельнич-

ские люди под предводительством земских старост хлыновского и орловского явились на двор к Чевкину и потребовали возвратить им въезжее пособие, взятое им «не по государеву приказу». При виде многолюдной толпы Чевкин не стал упорствовать и тотчас же выдал 200 руб.— половину общей суммы, сказав, что другая половина передана им подьячему Одинцову. Толпа отправилась к Одинцову. Тот успел скрыться, но жена его, по примеру Чевкина, выдала земским старостам остальные 200 руб.

Успех ободрил мирских людей. Они решили вернуть еще 300 руб., которые при воеводе Чевкине были взысканы с них в виде начета. На совещании посадских людей говорилось о том, что надо побить до смерти Василия Чевкина, Одинцова и их приказного Матвея Рябинина, животы их (имущество) пограбить. Хлыновцами чуть ли не было составлено какое-то письменное обязательство в этом смысле. По крайней мере впоследствии, при розыске об этом деле, был поставлен вопрос «и запись такову (т. е. об убиении и разграблении) хлыновцы меж себя писали ль?» Характерно, что на совещания посадских людей не допускались богатые посадские. Но то, что говорилось на совещаниях, конечно, не оставалось в тайне от городской знати. Некоторые из знати сочли нужным на время скрыться из Хлынова. Так бежали: протопоп Хлыновского собора, 2 подьячих съезжей избы (Лаженицын и Агеев) и крупный хлыновский торговец Козьма Нестеров с товарищем.

В воскресенье 20 декабря перед обедней к хлыновской съезжей избе подошел орловский земский староста Перетолчин в сопровождении большой толпы крестьян, главным образом Орловского уезда, и потребовал у воеводы Григория Волынского дать им приставов, чтобы допросить приказного Матвея Рябинина, за что он взял с мира 300 руб. Воевода не посмел отказать в просьбе и отпустил с ними приставов. Придя на двор Рябинина, земские люди с криком и бранью потребовали от Рябинина возвратить им немедленно начетные деньги, а оказавшегося в доме Рябинина торговца Кальсина начали бранить за измену миру. Рябинин и Кальсин от толпы скрылись в Никольский собор, где в это время шла обедня.

Узнав, куда скрылись Рябинин и Кальсин, земские люди расположились около собора в ожидании конца

обедни. Когда служба окончилась и народ и духовенство вышли из церкви, Рябинина и Кальсина между ними не оказалось. По их просьбе церковный сторож запер их в средней части храма, за деревянной стеной, отделявшей эту часть от первой части (называвшейся трапезной) и через особое окно в этой стене туда же бросил им ключ от замка. Тогда с колокольни раздался набат. К кремлю сбежались посадские люди. Толпа устремилась в трапезную собора и, не найдя здесь Рябинина и Кальсина, дубовыми кряжами взломала дверь, ведущую из трапезной в храм. Рябинин был найден в алтаре под престолом, а Кальсин — под пеленой у иконы Николая Чудотворца.

Из собора Рябинина повели в земскую избу, а Кальсина начали бить еще в соборе. Потом его вывели из церкви и продолжали бить у входа и, наконец, еле живым выволокли из кремля и с моста бросили в ров. Здесь он и скончался, труп его лежал 2 дня, так как никто из родных не решался подобрать его.

Рябинин был посажен под арест в земскую избу. Старосты и земские люди неоднократно приходили сюда и требовали у него начетные деньги, а земский дьячок Петр Русских угрожал, что свыше 500 каринских татар и удмуртов по приказу земских людей придут бить бывшего воеводу Чевкина, Дорогово-Одинцова да и его, Рябинина. Три дня крепился Рябинин, но затем велел своей жене отдать земскому старосте Перетолчину 300 рублей. После этого он был выпущен на свободу.

История с отобранием у воеводы Чевкина, подьячего Одинцова и приказного Рябинина въезжего пособия и начетных денег тянулась, как видим, несколько дней. Вопросные пункты, составленные в Москве для командированных сыщиков по этому делу, упоминают, что хлыновские посадские хотели побить этих трех лиц, бесчестили жен Чевкина и Одинцова и «учали делать многие воровства, татьбы, разбои и душегубства, поджог и грабеж». К сожалению, более подробных сведений о выступлении хлыновцев в декабрьские дни 1635 г. до нас не дошло. Новый хлыновский воевода или не решался или, быть может, оказался бессилен положить конец волнениям.

Когда Чевкин с Одинцовым и Матвеем Рябининым отправились из Хлынова в Москву, то в Котельниче местный земский староста Спиридон Волков, при участии посадских и подгородных крестьян, задержал их и потребо-

вал выдать «платежные памяти», т. е. расписки в уплате уездным населением разных денежных сборов. Этих документов у Чевкина не оказалось, пришлось посылать за ними в Хлынов. Пока воеводский человек Мартемьян ездил за ними, Чевкин и его товарищи сидели в Котельниче «под присмотром приставов»[1].

Через год Москва произвела расследование по этому делу. Чем оно кончилось — сведений не сохранилось. Известно только, что главный инициатор выступления в Хлынове орловский земский староста Перетолчин много лет позднее оказался в Восточной Сибири. Очевидно, он был сослан туда на вечное поселение.

Восстание в Хлынове было одним из первых городских восстаний XVII в., вызванных взяточничеством и произволом воевод, и свидетельствует о классовой борьбе внутри города между верхушкой и низами посада. Хлыновцам это восстание, по-видимому, не принесло ощутительной пользы. Правда, из практики воеводского управления как будто исчезло взимание «въезжего пособия», но оно было заменено другими видами поборов; не прекратилось и «кормление хлыновских воевод».

Очень характерен в этом отношении документ, сохранившийся до нашего времени от последней четверти XVII в. Документ этот — «Расходная книга земского старосты города Хлынова Ивана Репина за годы 1678—1680»[2]. В ней Репин записывал расходы из мирских сумм. Перелистывая эту запись, мы видим, что Репин весьма значительную часть городских средств тратил именно на кормление воеводы: он ежемесячно выдавал воеводе по 8 руб. «за харчи», закупал для воеводского двора все предметы хозяйственного обихода— дрова, сено, солому, горшки, ухваты, клюки, столы, сани, бревна и пр., а по праздникам подносил воеводе денежные или вещевые подарки.

Таких праздников или «подносных дней», по книге

---

[1] ЦГАДА, Столбец сибирского приказа, 1636 г., № 14; Н. Н. Оглоблин, Народная смута в Вятке из-за «кормления» воевод, «Исторический вестник», 1892 г., июль, стр. 165—184.

[2] Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. V—VI, отд. II, стр. 1—105.

Расходная книга И. Репина является ценным источником сведений и по некоторым другим вопросам местной истории, например, по вопросу о распространении ремесла на территории Вятской земли в конце XVII века.

земского старосты, в году оказалось 29. Перечислим их для того, чтобы видеть, до какой степени изощрялся воевода в придумывании поводов для обирания населения. Прежде всего это были церковные праздники: благовещение, рождество, преображение, вербное воскресенье, пасха, преполовение, вознесение, троицын день, успение, петров день, два николиных дня, екатеринин день и пять заговений (перед масляницей и перед 4 постами). Затем следовали 10 царских дней: именины царя Федора, его мачехи (царицы Натальи), двух его братьев, четырех сестер и двух теток и, наконец, Новый год, праздновавшийся тогда 1 сентября.

В пасху и петров день воеводе подносились деньги (по 130 руб.), а в остальные дни какие-либо продукты: то рыба, то мед, то мясо (во всевозможных видах), то даже живые животные (например, бык). В большие праздники земский староста подносил подарки также и жене, и детям воеводы, и даже «прочим жильцам воеводского двора». Но эти праздничные подарки не спасали земского старосту от уплаты воеводе особых подарков — по случаю возбуждаемых перед ним ходатайств. Тот же земский староста нес воеводе подарок, чтобы попросить его перенести торговлю с воскресенья на другой день недели (запись под 17 ноября 1678 г.), или чтобы воевода не всех кузнецов отправлял из Хлынова по требованию Москвы (запись под 22 ноября).

Нечего говорить уже о том, что каждый из жителей г. Хлынова, если он шел к воеводе с какой-либо просьбой, обязательно нес с собой и подарок: «ходил к боярину к воеводе Михаилу Ивановичу Лыкову во двор с челобитной о доправной памяти на Шеломовых — несли калач в 10 денег». Так писал в 1684 г. в своих записках один из членов причта хлыновской Покровской церкви, который вел спорное дело этой церкви о пожне против хлыновца Шеломова[1].

Через 12 лет тот же покровский причт, все еще продолжавший свое спорное дело с Шеломовым, пишет: «несено к ближнему окольничему князю Алексею Урусову свежей рыбы на 10 алтын»[2].

---

[1] Древние акты, относящиеся к истории Вятского края, стр. 219.

[2] Там же, стр. 229.

По примеру воеводы обирали хлыновцев и воеводские приказные служащие. В Хлыновской воеводской избе был расценен чуть ли не каждый шаг приказного человека по поводу какого-либо дела просителя. В расходной тетради причта Покровской церкви читаем: «Подьячему приказной избы Тимофею Сунцову несено по две статьи два колача, даны 3 алтына, чтобы он старое дело прискал, а другое от того, что дал то старое дело подьячему ж Илье Шеину... дьяку Василию Макарьеву по три статьи несены 3 колача, даны 5 алтын, били челом, чтобы дело высмотрел и на деле пометил» (т. е. чтобы он прописал свою фамилию на владенной выписи или на «доправной памяти» Шеломовых)[1]. Через 12 лет тот же покровский причт по тому же делу с Шеломовым подносит подьячему съезжей избы Федору Сунцову калач стоимостью 10 денег, барана живого, позднее гуся живого (7 коп.) и калач (5 коп.)[2].

Конечно, не одни хлыновцы страдали от взяточничества воеводы и приказных съезжей избы. Еще более приходилось терпеть от них уездному населению и особенно нерусским народностям: удмуртам, бесермянам, татарам и марийцам. В отношении нерусских народностей воевода и приказные проявляли особенную бесцеремонность, о чем можно судить хотя бы по следующему факту.

23 апреля 1694 г. выборные от каринских татар, бесермян и удмуртов подали в Москву общую челобитную о том, что бывший воевода хлыновский Римский-Корсаков через своих рассыльных забирал удмуртов, бесермян и татар в Хлынов и сажал их здесь или в тюрьму, или в приказную избу — человек по 20—30, 50 и более и начинал пересмотр дел, решенных уже лет за 20 перед тем. С лиц, женившихся во второй раз, он требовал взятки, мужчинам, жены которых родили мертвых ребят или сами умирали от родов, предъявлял обвинение в убийстве; такое же обвинение в убийстве предъявлял по поводу каждого несчастного случая (на охоте, рубке дров, рыбной ловле) и брал с обвиняемых взятки в 10, 20, 40 руб. и более. Воевода лишил удмуртов предоставленного им права самим доставлять деньги в Москву и от-

---

[1] Древние акты, относящиеся к истории Вятского края, стр. 219.

[2] Там же, стр. 229—230.

правлял удмуртские деньги с русскими людьми, что причиняло удмуртам денежный ущерб[1].

Когда московский приказ поручил хлыновскому воеводе произвести расследование о приказном Ильюшке Шеине, обижавшем удмуртов, то воевода забрал до 300 удмуртов и посадил одних в тюрьму, других в приказную избу, где и держал их долгое время.

Город Хлынов в период Разинского движения

Восстание Степана Разина было мощной крестьянской войной, охватившей значительную часть территории Европейской России. Инициатором и вождем восстания был донской казак Степан Тимофеевич Разин. Объединив вокруг себя несколько тысяч беднейших донских казаков, так называемых голутвенных, он весной 1670 г. двинулся с ними на Волгу и начал борьбу против бояр, воевод, приказных людей, помещиков и богатых купцов. На Волге к нему стали присоединяться казаки, стрельцы, холопы и крестьяне. В дальнейшем основной силой восстания становится масса крестьянского населения, находившаяся под властью помещиков. Разин рассылал по деревням «прелестные письма»[2], в которых призывал к восстанию всех угнетенных людей.

Восстание Разина распространилось довольно быстро по территории правобережья Волги. К осени 1670 г. уже после того, как основные силы восставших были разбиты под Симбирском, сторонники Разина появились на левом притоке Волги — Ветлуге. На средней Волге в восстании приняли участие нерусские народности: чуваши, татары, мари.

---

[1] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, дело 7202 (1694) г., № 99. Челобитная эта опубликована мной в Записках Удмуртского научно-исследовательского института, вып. 8, стр. 266—268.

[2] «Прелестные письма» усмирителями Разинского движения отбирались у населения и отсылались в Москву. В декабре 1670 г. в Москву было отправлено 2 мешка таких писем. (С. И. Порфирьев, Разинщина в Казанском крае. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXIX, вып. 5—6, Казань, 1916, стр. 289—366).

В сентябре 1670 г. из Ветлужья один из атаманов Разинского движения, Долгополов, собирался идти на Вятку и Соль-Камскую для того, чтобы воевод, приказных подьячих «и лучших посадских людей побить и животы их пограбить и чернь с собою взять». Он уже разослал по окрестным деревням до 150 человек поднимать крестьян, чтобы в великое мясопутствие (т. е. в январе—феврале 1671 г.) идти на Вятку, а отсюда на Соль-Камскую[1], где в то время уже работали солеваренные заводы.

Получив такие вести, администрация г. Хлынова приняла меры к укреплению города. Земляной вал, незадолго перед тем возведенный, был починен в разных местах на протяжении 463 сажен. На стенах кремля сооружены деревянные обламы с бойницами. В кремле был выкопан колодец, на случай осады города. Кроме того, из остальных городов Вятской земли (Котельнича, Орлова, Слободского, Шестакова) были привезены в Хлынов 23 пищали ручницы, 4183 ядра, $7^1/_4$ пуда пороха и $2^1/_2$ пуда свинца[2]. Администрация Хлынова, очевидно, решила сдать Разину уездные города без сопротивления, лишь бы сохранить за собой г. Хлынов.

В декабре 1670 г. атаман Долгополов был схвачен правительственными войсками. Задуманный Долгополовым поход на Вятку и Соль-Камскую не состоялся. Все же какие-то отряды стали пробираться мимо Хлынова и на Соль-Камскую и один из них был захвачен хлыновским воеводой[3].

---

[1] Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXIX, вып. 5—6, стр. 355.

[2] Росписной список столника и воеводы князя Петра Семеновича Прозоровского... 7184 (1676) году. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. V—VI, отд. II, стр. 17—19.

[3] Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXIX, вып. 5—6, стр. 354—355.

Глава IV

ХЛЫНОВ В XVIII В. ДО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЕГО В ГУБЕРНСКИЙ ГОРОД (1701—1780 гг.)

Почти вся первая четверть XVIII в., как известно, была ознаменована для России войной с Швецией за побережье Балтийского моря. Война эта потребовала чрезвычайного напряжения от Русского государства. Нужны были громадные денежные средства и военные силы для борьбы с войсками первоклассной западно-европейской державы, каковой тогда считалась Швеция. Все города и уезды России были привлечены Петром I к участию в этой войне.

На населении города Хлынова эта война отразилась очень заметно. Военные налоги и натуральные повинности городского населения чрезвычайно увеличились. С 1701 г. хлыновцы должны были вносить по полуполтине (по 25 коп.) со двора на жалованье ратным людям драгунских полков; в том же году Петр I приказал брать с торговых людей особый налог «десятую деньгу» на «свейскую» (шведскую) службу. На каждый двор вятских городов и уездов приходилось по 18 коп. В 1705 г. Хлынов должен был участвовать в изготовлении 50 000 лезвий для отправки в Смоленск. Железо и сталь были куплены на счет таможенных и питейных сборов, а уплата мастерам произведена за счет сборов с населения.

В 1707 г. с каждого посадского двора экстренно собрано по 6 коп. на выдачу жалованья рекрутам и по 8 коп.— на изготовление седел. К 1709 г. каждый двор

ПЛАНЪ

города Хлынова

кремлю и земляному городу со окружною градскою выгонно

межеванія подъ главною дирекціею государственнаго межевщика
цеихместера сенатора Ея Императорскаго Величества генералъ-ад
телного камеръ-гера лейб-компани подпорутчика обсерваціоннаго
орденов святаго Андрея Бѣлаго орла и святаго Александра Невскаг
ковалера графа Петра Ивановича Шувалова

сочинилъ в должности геодезиста геодезіи ученикъ Петръ Иванов

1759 года.

землею

нералъ Ѳелд-
танта действи-
рпуса шеѳа и
и святыя Анны

в Хлынове должен был дать по 33 коп. на содержание саксонских войск и каждые 100 дворов должны были поставить 1 лошадь для Преображенского и Семеновского полков.

Для сбора этих денег, а равно и накопившейся недоимки старых лет из Москвы в Хлынов были присланы подьячий Турчанинов и солдат Борис Иванов; последнему Москвой было предоставлено право бить хлыновских бургомистров «на правеже без пощады» за недоимку и, кроме того, взыскать для себя кормовые деньги (по 3 коп. в день) и прогоны от Москвы до Хлынова. Недоимка взыскивалась и за пустые (т. е. покинутые жильцами) и маломощные дворы. Когда хлыновцы стали просить об освобождении их от платежа за эти дворы, московская ратуша отклонила их просьбу, ссылаясь на то, что «ныне на Москве для военного случая на дачу ратным людям в денежной казне великая нужда»[1].

Немало расходов выпало на Хлынов в связи с обороной Архангельского порта и Холмогор. В 1702 г. Хлынов должен был послать в Архангельск ржаную муку (на каждый двор приходилось по 6 коп.) и принять участие в платеже 3030 руб., наложенных на всю Вятскую землю для поставки хлеба великоустюжскими купцами в Архангельск и Холмогоры. В марте того же года Москвой приказано земским бургомистрам г. Хлынова выслать с Вятки к Архангельской крепости 1999 работных людей с кирками, заступами, лопатами и со всякими запасами, а также 982 лошади[2].

В мае хлыновские бургомистры получили из Москвы приказ — дополнительно собрать по 1 руб. со двора на покупку припасов. Это требование не было выполнено к установленному сроку, и царь Петр I прислал в Хлынов солдат Матвеевского полка с предписанием выслать хлыновских бургомистров в Архангельск с деньгами и работными людьми. За невыполнение этого распоряжения Петр грозил бургомистрам смертной казнью и конфискацией имущества. Из затребованных рабочих 284 человека

---

[1] В. П. Юрьев. Вятская старина. Материалы для истории Вятского края первой четверти XVIII века, вып. I, Вятка, 1888, стр. 25, 26, 29, 34, 35, 77, 79, 85—87, 111, 112. Здесь опубликованы полностью или в извлечении документы из архивов г. Хлынова.

[2] ЦГАДА. Городские книги по г. Вятке, № 14, лист 58.

совсем не явились в Архангельск, а 121 бежали уже из Архангельска. 25 сентября 1702 г. царь приказал выбрать по жребию 4-х человек из неявившихся и повесить их, а из остальных каждого десятого бить кнутом под виселицей и затем всех сослать с женами и детьми в крепость Азов. Выселено было 380 рабочих, 213 их жен, 177 сыновей и 140 дочерей — всего 910 человек[1].

В октябре 1702 г. Вятской земле было назначено устроить в Архангельске 149 сажен крепостной стены. Через несколько дней это количество было увеличено до 200$^3/_4$ сажени, а в апреле 1709 г. было прибавлено еще 9 сажен, причем вятчане должны были доставить и строительный материал (50 035 тесаных камней, 1033 сажени бутового камня, 5205 бочек извести, 587 пудов связного железа и 337 230 штук кирпичей)[2].

18 февраля 1706 г. вятским бургомистрам велено было взять в Хлынове по 1 руб. со двора и с каждых 5 дворов по 1 каменщику и 1 кузнецу и привести их с собой в Архангельск для строения крепости.

Дополнительным указом от 14 марта было предписано отправить этих людей еще по зимнему пути. Для сопровождения их был прислан двинский подьячий Василий Таратин[3].

В 1703 г. в устье Невы Петром I был заложен Петербург. В постройке его должен был принять участие и г. Хлынов. С хлыновцев было собрано по 1 руб. со двора на провиант и по 53$^1/_2$ коп. на наем рабочих в г. Петербурге; в 1703 г. вятским бургомистрам было предложено послать в Петербург работных людей (с каждых 15 дворов по 1 человеку)[4]. В декабре 1708 г. Хлынову было предписано выслать в Петербург в 1709 г. 709 работных людей и денег 2129 руб. 20 коп.; каждый десяток рабочих должен был принести с собой топор, долото, бурав, пазник и скобель[5]. В 1710 г. было предписано прислать с Вятки в Петербург на вечное житие 91 человека, в том числе 4 резчиков, 1 гончара, 1 фонарщика, 1 котельщика, 1 медника, 1 слесаря, 30 плотников, 2 черепичников,

---

1 ЦГАДА, Книги о беглых и работных людях, сосланных в Азов, № 14.
2 В. П. Юрьев, Вятская старина, вып. 1, стр. 62.
3 КНА, Столп хлыновской съезжей избы, л. 579.
4 В. П. Юрьев, Вятская старина, вып. I, стр. 20.
5 Там же, стр. 114—115.

50 каменщиков, снабдив их деньгами по 22 руб. (в том числе на хлеб по 10 руб.)[1].

В 1716 г. в Хлынов поступило требование Петра I прислать в Петербург лучших зажиточных людей (для заселения новой столицы). Хлынов отправил две купеческие семьи (Рязанцева и Хохрякова). К отправке был предназначен еще купец Гавриил Машковцев (бывший некогда в Хлынове таможенным головой, а впоследствии бургомистром), но ему удалось освободиться от этого переселения[2], вероятно, за большую взятку сибирскому генерал-губернатору князю Гагарину, в ведении которого находился Хлынов со всей Вятской землей. В 1715—1721 гг. в Хлынове собирались деньги на прорытие канала от Ладоги до Шлиссельбурга[3].

По указу от 11 января 1720 г. в Хлынове начало было собираться ополчение из старых солдат, драгун, стрельцов против Швеции, но вследствие начавшихся переговоров о перемирии ополчение это было распущено, лишь недоросли были взяты на службу в гарнизон для обучения военному делу[4].

Война со Швецией наложила на Хлынов еще одну повинность: содержание пленных шведов. Первая партия пленных была прислана в Хлынов в 1709 г.[5] Она была размещена здесь в 47 обывательских дворах и в избах земского двора. В 1715 г. пленных оказалось уже столько, что в Хлынове пришлось усилить состав гарнизона. Содержание их было разложено на всю Вятскую землю (каждые 100 дворов должны были содержать один двор пленных).

Пленные шведские офицеры держали себя дерзко в отношении обывателей, иногда били их. Воевода не знал, как поступать с ними и запросил об этом Москву. Москва сначала рекомендовала благожелательное отношение, соглашаясь, например, с тем, чтобы караульные ходили за пленными без оружия. Но, когда в Хлынове участились жалобы на то, что от озорства пленных не стало

---

[1] В. П. Юрьев, Вятская старина, вып. 1, стр. 151.
[2] «Столетие Вятской губернии», т. I, стр. 75, 85.
[3] Вятка. Материалы для истории города, стр. 129—138.
[4] А. Вештомов. История вятчан... Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете, т. XXIV, вып. 1—2, стр. 133.
[5] «Столетие Вятской губернии», т. I, стр. 80.

прохода женам и дочерям хлыновцев, Москва предложила хлыновскому воеводе за озорство сажать пленных в тюрьму[1].

А. Вештомов в своей «Истории вятчан» говорит, что пленные шведы обучали вятчан немецкой грамоте, арифметике и разным художествам[2], но, имея в виду далеко не дружественные отношения между вятчанами и пленными шведами, надо полагать, что такое обучение едва ли производилось.

Территория города, численность населения, городовые укрепления г. Хлынова в XVIII в.

Чрезвычайные налоги и повинности, вызванные продолжительной Северной войной, сравнительно скоро сказались на Хлынове: город начал пустеть. Еще в 1710 г. хлыновский воевода заметил, что в городе образовались пустые дворы. Владельцы, даже из зажиточных, уклонялись от податей и повинностей, выезжали из города и записывались на монастырские и архиерейские земли. В 1717 г. ландрат Иван Кологривов, переписав население города, установил, что по сравнению с 1678 г. число домов в Хлынове убыло на 101, а людей в них (т. е. лиц мужского пола) — на 393 человека. Узнав о бегстве из Хлынова части жителей, правительство посылало из Москвы дворян разыскивать беглых и водворять их на старые места.

По окончании Северной войны город стал разрастаться (рис. 4, стр. 120—121). На южной окраине его, за оврагом Засорой, около самого монастыря росли монастырские слободки; по правому берегу оврага, между нынешними улицами Ленина и Свободы, возникла Разночинная слободка, а местность за нею была обращена под выгон городского скота. В 1770 г. на окраинах Хлынова два участка были отведены под городское кладбище[3]: один за оврагом Засорой, на месте прежней деревни Семеновской

---

[1] В. П. Юрьев. Вятская старина. вып. 1, стр. 125—128.

[2] А. Вештомов. История вятчан... Известия Общества археологии, истории и этнографии.., т. XXIV, вып. 1—2, стр. 121.

[3] «Столетие Вятской губернии», т. I. стр. 120—121.

(на конце нынешней улицы Воровского), другой к северо-западу от посада, по направлению к селу Филейке. Оба эти кладбища сохранились в городе до самого последнего времени и были закрыты уже после революции. Существовавшие до тех пор при городских церквах отдельные кладбища были закрыты.

Хлынов неоднократно подвергался опустошительным пожарам: 22 сентября 1700 г. выгорел весь кремль, 3 улицы посада (Московская, Спенцынская и Копанская) и мужской монастырь с окружающими домами[1]. В 1745 г. город выгорел почти вконец. Сильный пожар произошел также в 1752 г.

К 1780 г., к моменту обращения Хлынова в губернский административный центр, здесь было 865 деревянных и 6 каменных домов[2]. Что касается городовых укреплений, то в течение всего XVIII в. они имели довольно жалкий вид.

После большого пожара 1700 г., истребившего все деревянные части крепостных сооружений, Хлынов, обремененный налогами по случаю Северной войны, не имел возможности возобновить укрепления. В 1708 г. присланный из Москвы полковник Григорьев, осмотрев город, писал в Москву, что крепостное строение города сгорело в 1700 г., валы и рвы обвалились, так что выдерживать в нем осаду от неприятеля нельзя[3].

По окончании Северной войны администрация уже не стала восстанавливать городовые укрепления в их прежнем виде. В кремле были возобновлены лишь три башни (Воскресенская, Богоявленская и Никольская), вместо прежних шести, а из посадских башен к 1733 г. оставались только две: Московская и Ильинская (Спенцынская). В 1740—1741 гг. разбился набатный колокол (весом 41 пуд 18 фунтов), висевший на Спасской городской башне[4].

---

[1] Временник еже нарицается летописец... Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, вып. II, отд. II, стр. 67.

[2] «Ведомость селениям и о числе душ новоучрежденного Вятского наместничества Хлыновского округа» (рукопись Кировской публичной библиотеки).

[3] В. Н. Юрьев, Вятская старина, вып. 1, стр. 20

[4] КПА. Дела Вятской провинциальной канцелярии, 1740 г., № 203. Росписной список хлыновского воеводы Воронцова.

Ремесла в Хлынове в XVIII в.

Сведения о ремеслах в г. Хлынове в XVIII в. довольно скудны. Ревизские сказки по г. Хлынову за 1726 г. отмечают следующие мастерства: серебряное — 6 человек, медное — 2, кузнечное — 6, колокольное — 1, горшечное — 1, кирпичное — 1, жерновое — 1, свечное — 1, мыловаренное — 3, воскосвечное — 1, чоботное — 4, портное — 1, шапочное — 1, крашенинное — 8, скорняжное — 1, кожевенное — 1, сыромятное — 1, щепное — 1, иконописное — 1[1].

Но никаких других сведений о положении ремесла не сообщается. Судя по сумме окладных платежей с каждого ремесленника, записанных в те же ревизские сказки, можно лишь сказать, что достаток ремесленников был не одинаков.

По-видимому, всего лучше зарабатывали серебряники: средняя сумма обложения их равнялась 5 руб. 22 коп. К ним приближались мыловары, платившие в среднем по 5 руб. 14 коп. и крашенинники со средней суммой обложения 4 руб. 80 коп. Но сколько ремесленников работало с наемными рабочими и сколько было одиночек — остается неизвестным.

В 1768 г. хлыновский городской голова сообщал в Петербург такие сведения о некоторых металлических ремеслах в г. Хлынове: из серебра делают кресты с цепочками и гайтанами, простые перстни, запонки и серьги; из олова — стаканцы, чарки, кружки; из красной меди — всякую луженую и черную поваренную посуду; железом обивают коляски, сани, сундуки и ящики, делают внутренние замки и прочие надобности. Из других документов известно, что серебряники и крашенинники в XVIII в. производили продажу своих изделий по селам в установленные здесь сельские праздники, для чего устраивали в каждом селе временные палатки[2].

В царствование Петра I по всем городам России, как известно, было введено деление ремесленников по цехам. Вятский историк Вештомов упоминает о существовании в Хлынове с первой половины XVIII в. цехов: серебряно-

---

[1] Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий, стр. 129—138.

[2] КИА, Столп Вятской провинциальной канцелярии, 1761 г., № 549.

го, оловянного, иконописного[1]. Но на первых порах хлыновские ремесленники старались уклониться от записи в цехи.

Из предприятий более крупного типа в Хлынове за XVIII век можно указать винокуренные, салотопенные и 1 кожевенное.

В 1719 г. в Хлынове было 2 винокуренных завода, принадлежавших торговым людям Рылову и Злыгостеву. Были винокуренные заводы и в окрестностях Хлынова (Талицкий, Никулицкий), но они принадлежали не вятским людям[2]. Салотопни устраивались при купеческих домах. Оборудование их было довольно примитивно: на дворе купеческого дома устраивалась работная изба (мерой 20—25 кв. сажен), в ней ставился котел (вместимостью 100—150 ведер). В котле этом перетоплялось говяжье сало-сырец, которое затем разливалось в лагуны, вместимостью 20—30 пудов в каждой. Работа в салотопне производилась только по зимам[3]. Некоторые из салотопен в документах XVIII в. отмечаются как салотопенные заводы.

Из крупных кожевенных предприятий в г. Хлынове XVIII в. известен только кожевенный завод, построенный в 1747 г. купцом Толмачевым в 3 верстах от Хлынова на берегу р. Хлыновицы. О первоначальном оборудовании этого завода сведений не сохранилось. На заводе выделывали юфть разных сортов и отправляли ее в Петербург и Ярославль[4]. Сохранились известия о том, что Петр I предполагал организовать в Хлынове выработку сукна. По его распоряжению в Хлынов были пригнаны несколько сот овец испанской и немецкой пород, был выписан для них немец-пастух «со знатным жалованием»[5]. Но, по-видимому, это предприятие не было осуществлено; по

---

[1] А. Вештомов. История вятчан... Известия Общества археологии, истории и этнографии. т. XXIV, вып. 1—2, стр. 135.

[2] КПА, Столп Вятской провинциальной канцелярии, 1761 г., № 549.

[3] Н. И. Матвеев. Фабрично-заводская промышленность в Вятском крае в конце XVIII и начале XIX в. «Вятская жизнь», 1923, № 4, стр. 58—59.

[4] ЦГАДА, Фонд упраздненных судебных учреждений Вятской губернии, дело Вятской гражданской и уголовной палаты. 1749 г., № 111.

[5] «Столетие Вятской губернии», т. I, стр. 170.

крайней мере никаких дальнейших указаний о нем в архивных документах не встречается.

Следует отметить, что хлыновцы в XVIII в. продолжали вкладывать свои капиталы в предприятия заводского типа, нередко создававшиеся вне города. В 1729 г. хлыновец Григорий Михайлович Вяземский, принадлежавший к гостиной сотне, устроил чугунно-плавильный и молотовый завод на р. Кирсе, притоке верхней Вятки. Через 27 лет он продал его велико-устюжскому купцу Курочкину[1].

Другой хлыновец — секретарь Вятской провинциальной канцелярии Аверкий Перминов, довольно усердно занимавшийся взяточничеством по службе, в шестидесятых годах построил в 15 верстах от г. Хлынова (в с. Бахте) писчебумажную фабрику. К сожалению, не сохранилось сведений о первоначальном оборудовании и работе этой фабрики за первые годы существования. Эта фабрика существовала довольно продолжительное время. К 1780 г. она перешла во владение к другому хлыновскому чиновнику — Бедареву[2].

В предыдущей главе мы упоминали о постройке в конце XVIII в. хлыновским купцом Тряпицыным металлического завода на р. Чудовой (в области верхней Вятки); завод этот в начале XVIII в., по-видимому, прекратил свою работу. Сын этого купца в ревизских сказках 1721 г. по г. Хлынову зарегистрирован как комиссар берг-коллегии медных заводов, владелец винокурен и арендатор нескольких мельниц в Вятской провинции[3]. О железном заводе на берегу р. Чудовой здесь уже не упоминается.

Торговля

Торговля г. Хлынова в XVIII в. продолжала развиваться. Архангельская вывозная торговля хлыновцев, возникновение которой (в XVII в.) отмечено нами в пре-

---

[1] Краткие сведения об основании заводов Омутнинского округа, составленные А. П. Алфимовым, бывшим делопроизводителем Главной конторы заводов (рукопись).

[2] Ведомость селениям Вятского округа Хлыновского наместничества, составленная к 1780 г. (рукопись Кировской публичной библиотеки).

[3] Вятка. Материалы для истории города... стр. 121, 122.

дыдущей главе, теперь приобрела более крупные размеры.

После завоевания русскими побережья Балтийского моря и основания Петербурга—нового русского морского порта — архангельской торговле начала грозить опасность ослабления.

Петр I стремился к тому, чтобы всю экспортную торговлю через Архангельск перетянуть в Петербург. В 1722 г. особым указом он запретил вывозить хлеб к Архангельску из всех местностей, лежавших вне пределов Северо-Двинского бассейна. Запрещение это касалось и Хлынова и ставило хлыновских купцов в весьма затруднительное положение: везти хлеб в Петербург из Хлынова было далеко и неудобно.

На первых порах острота этого запрещения правительством была смягчена: весь заготовленный хлыновскими купцами хлеб был скуплен и отправлен в Астрахань вследствие начавшейся войны России с Персией.

В 1727 г. (т. е. уже после смерти Петра I) запрещение экспорта через Архангельск было отменено, а в 1735 г. правительство предоставило хлыновским купцам даже некоторую льготу в торговле с Архангельском — понизило пошлину за провозимые к Архангельску товары на 2 процента: вместо 7 процентов стало брать 5.

О размерах вывозной торговли можно составить некоторое представление по таможенным книгам г. Хлынова[1]. Из таможенной книги за 1746 г. видно, что в этом году 13 хлыновских купцов и два чиновника отправили на Ношульскую пристань 3346 кулей ржаной муки, 2622 четверти ржи, 492 лагуна сала и 67 пудов меду. При этом наиболее крупным поставщиком оказался купец Коробов, отправивший 342 куля муки, 284 четверти ржи и 21 лагун сала. В том же году хлыновские купцы отправили в разные места 852 бочки вина (водки), в том числе 351 бочку до Ношульской пристани или до Архангельска, 170 бочек до Тобольска, 87 бочек до Соликамска, 17 бочек до Верхотурья и по 16 бочек до Кунгура и Екатеринбурга. Наиболее крупными отправителями были купцы Злыгостов и Дьяконов (192 бочки), братья Григорий и

---

[1] ЦГАДА, фонд Вятского уездного суда, Таможенные дела по Хлынову, дело 1746, № 4.

Павел Прозоровы (160 бочек), купец Толмачев (128 бочек)[1].

Благодаря значительной вывозной торговле Хлынов стал пунктом подвоза товаров из соседних мест. В 1746 г., например, как видно из таможенной книги, сюда везли соленую рыбу из Казани, Нижнего Новгорода, с берегов Камы. Свежих сельдей и соленую семгу доставляли из Великого Устюга, хмель — из уездов Вятской провинции, а также из Яранского, Уржумского и Царевококшайского уездов Казанской губернии. Мед привозили из вотчины Хлыновского Трифонова монастыря, воск — из татарского селения Карино, олово, сандал и брушевую краску—из Ярославля, финики — из Галича, шелк — из Казани, огородные семена (огуречные, морковные и свекольные) — из Симбирска, ладан — из Ярославля и из Парфентьевского посада[2].

В анкете по запросу С.-Петербургского кадетского корпуса хлыновский магистрат писал в 1768 г.: в Хлынов крестьяне привозят хлеб, семена, кожи, сало говяжье, мед, воск, масло коровье, сукна сермяжные, холст и разных родов свежую и соленую рыбу, деревянную и глиняную посуду, «пышные» (пушные) товары и съестные припасы. «Временем же привозят из других городов купцы и от купцов поверенные и привозят разного звания иностранные и внутренние товары»[3]. В этой же анкете хлыновский магистрат отмечает торговую связь хлыновских купцов с Нижним Поволжьем: из Хлынова и Слободского, пишет он, по р. Вятке отправляют небольшие повозки в низовые города с хлебными и прочими припасами и товарами и деревянной посудой.

Но не одной торговлей хлыновские купцы наживали капитал: они нередко получали доходы за счет эксплуатации крестьян. Так, в 1767 г. крестьяне Хлыновского уезда жаловались правительству, что хлыновские торговцы берут на оброк рыбные ловли и раздают их не-

---

[1] ЦГАДА, фонд Вятского уездного суда, вязка 1, Книга Хлыновской таможни о даче пропускных ярлыков об отлучке в разные города от хлыновских купцов и военных подрядчиков и подрядного с заводов винокуренного вина, 1746 г., № 3.

[2] ЦГАДА, фонд Вятского уездного суда, вязка 1, 1746 г., № 4.

[3] КИА, Столп Вятской провинциальной канцелярии, 1759 г., № 549.

большими участками крестьянам с немалой для себя прибылью. На это же жаловались крестьяне Орловского уезда.

Итак, в XVIII в. значение купечества в Хлынове по сравнению с XVII веком значительно усиливается; некоторые хлыновские купцы теперь располагают настолько достаточными средствами, что скупают довольно большие партии местного сырья и отчасти ремесленной продукции и направляют их на север (к Архангельску), на восток (в Приуралье и Сибирь) и на юг (в поволжские города).

Разумеется, не у всех купцов материальный достаток был одинаков; об этом можно судить по окладным платежам, вносимым купцами в доход казны. Из опубликованного в 1885 г. отрывка ревизских сказок о посадских людях г. Хлынова видно, что в 1720 г. часть хлыновских купцов уплатила казне 469 руб. 22½ коп., или в среднем 22 руб. 36 коп. каждый. В списке этих купеческих посадских людей мы видим лиц с платежом в 65 руб. (В. Г. Машковцев), 49 руб. 05 коп. (В. А. Рудин), 46 руб. 32½ коп. (П. И. Непеин) и 40 руб. 90½ коп. (В. И. Дряхлов)[1]. Очевидно, это были наиболее богатые люди.

К сожалению, полных ревизских сказок по первой ревизии по г. Хлынову не опубликовано, а потому и нельзя составить представление о всех хлыновских купцах первой половины XVIII в.

Управление в г. Хлынове

В XVIII в. произошли значительные изменения в городском управлении Хлынова. В 1699 г. в Москве была создана ратуша — специальный орган, ведавший купечеством, а на местах (в уездах и городах) подведомственные ей земские избы. Такая «Земская изба» появилась и в Хлынове. Заседавшие в ней два бургомистра, избранные из числа купцов, ведали торгово-промышленным населением города. Воеводское управление в Хлынове было ликвидировано.

Крупные народные восстания, возникшие в России в начале XVIII в. (в Астрахани, на Дону, в Башкирии),

---

[1] Вятка. Материалы для истории города за XVII и XVIII в., стр. 129— 138.

побудили петровское правительство серьезно подумать об усилении своей власти на местах. Во время башкирского восстания 1705—1711 гг. отдельные отряды повстанцев перебрались на правый берег Камы и появились на территории Вятского уезда. Возникло опасение, что они могут подойти к Хлынову. Между тем в городе после пожара 1700 г. не было даже городовых укреплений. Правительством был направлен в Хлынов полковник Григорьев, который, по-видимому, должен был организовать борьбу с народным восстанием. В эти годы была проведена первая областная реформа Петра: созданы новые административные единицы — губернии. При разделении России на губернии (1708 г.) Хлынов вместе со всей Вятской землей был отнесен к Сибирской губернии, административным центром которой являлся г. Тобольск. В 1719 г., когда Россия была разделена на 50 провинций во главе с воеводами, Хлынов стал административным центром Вятской провинции той же Сибирской губернии, а в 1727 г. вместе со всей Вятской провинцией был перечислен в состав Казанской губернии.

Хлыновский воевода по делам военным и судебным был подчинен губернатору, а по делам финансовым, народнохозяйственным и полицейским сносился непосредственно с Петербургом. При воеводе состояла провинциальная канцелярия (бывшая съезжая изба), которой заведовал секретарь. Воеводе были подчинены пять комиссаров (юстицких дел, земских дел, крепостных дел, ямских дел и берг-коллегии медных заводов). У комиссаров юстиции и крепостных дел было по четыре подьячих, у комиссаров земских дел и других — по одному. Существовали еще должности фискала и городничего. Всех чиновников в Хлынове в 1721 г. насчитывалось 85 человек (из них секретарей 43)[1].

В дальнейшем управленческий аппарат в Хлынове еще более разрастается. В 1741 г. в хлыновской провинциальной канцелярии состояло уже 148 человек: в комиссии приказных дел — 1 секретарь и 9 канцеляристов; в подушной канцелярии — 2 канцеляриста; в следственной комиссии — 1 канцелярист, 5 подканцеляристов, 16 копиистов и 12 писчиков; у крепостных дел — два писца;

[1] Вятка. Материалы для истории города, стр. 117—125 (Сказки гор. Хлынова о разночинцах).

кроме того, при канцелярии состояли: 1 сержант, 60 рассыльщиков; у подушного сбора в одной команде 1 майор, 1 капрал и 26 рядовых и в другой команде 1 прапорщик, 1 капрал и 7 рядовых и, наконец, два служащих: один за полицмейстера, другой за городничего от ратуши[1].

Восстановив в городах воеводское управление, Петр I стремился, однако, улучшить положение купечества, выделив его в особое сословие, независимое от местной администрации. В интересах купечества была проведена магистратская реформа. Все городское население было разделено на регулярных и нерегулярных граждан. Регулярные граждане в свою очередь делились на две гильдии: к первой были отнесены крупные торговцы, более богатые ремесленники (золотых и серебряных дел мастера, «иконники» и т. д.), доктора, аптекари, капитаны кораблей, ко второй — мелкие торговцы и ремесленники. К нерегулярным гражданам относились низшие классы населения: рабочие, живущие наймом и черной работой. Регулярным гражданам было предоставлено право избирать из своей среды магистрат для заведования городскими делами. Магистрат этот был независим от воеводы и по своим делам подчинялся Петербургу.

Установленный Петром новый порядок просуществовал не более трех лет. При преемниках Петра, согласно указу от 24 февраля 1727 г. и воеводскому наказу 1728 г., городовые магистраты были подчинены воеводе по важнейшим уголовным делам. К воеводе же должны были также поступать и апелляционные жалобы и жалобы на медленное ведение судебных дел. Ему же стали подсудны и чины городского управления. В 1728 г. Городовой магистрат в Хлынове был заменен ратушей под управлением бургомистра, выбиравшегося ежегодно от городского населения.[2] Через 15 лет (1743 г.) ратуша вновь была преобразована в магистрат[3], который и просуществовал до учреждения в Хлынове Городской думы.

Манифестом Екатерины II от 14 декабря 1766 г. Хлынову, как и прочим городам Российской империи, было предложено избрать депутата в Комиссию по составле-

---

[1] КИА, Росписной список по г. Хлынову 1740 и 1741 гг., фонд Вятской провинциальной канцелярии.

[2] ПСЗ, т. VIII, № 5302.

[3] Там же, т. XI, № 8734.

нию проекта нового уложения и снабдить его особым наказом от избирателей. Избрание это должно было происходить под председательством городского головы, которого также нужно было избрать (до того времени в Хлынове, как и в прочих городах, городских голов еще не было). Все это хлыновцы выполнили. В городские головы избрали купца 1-й гильдии Машковцева, а в депутаты — купца 2-й гильдии Петра Злыгостева. Для составления наказа депутату избрали еще 5 купцов.

В наказе отразились лишь купеческие нужды. В нем купцы жаловались: на обременение хлыновского купечества выборными службами (в должностях верных голов, ларечных и целовальников по продаже вина, собиранию конских пошлин, приему соли и т. д.), на обременение натуральными повинностями (по несению караула у домов воеводы и его товарища, у тюрьмы, по отводу в купеческих домах квартир для высших чиновников г. Хлынова), на привлечение только одного купечества к содержанию общественных колодцев, мостов, набатного караула, и, наконец, на большой ущерб, причиняемый купцам каринскими татарами, бесермянами и удмуртами, а также русскими крестьянами (экономическими и черносошными), которые скупали в Хлыновском уезде разные товары и затем тайно продавали их иногородним купцам.

В заключение купцы просили правительство: разрешить им покупать у дворян крепостных людей, на которых бы они (купцы) могли возлагать обязанности приказчиков (сидельцев в лавках), а также продавцов хлеба и прочих товаров, возвратить им 4840 руб. 33 коп., которые Хлыновским магистратом были неправильно взысканы с городских жителей: деньги эти необходимы на постройку здания магистрата; выстроить на казенный кошт набатную башню, вместо сгоревшей в 1752 г., оставить за купцами половнические сенные покосы, мучные и «пильные» мельницы, находившиеся в их владении с давних времен. С таким наказом хлыновский депутат Петр Романов Злыгостев 5 сентября 1767 г. прибыл в Екатерининскую комиссию, но через два месяца он передал свои полномочия яранскому депутату (даже не Вятской провинции) и в комиссию уже больше не являлся[1].

[1] В. П. Юрьев, Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II, Вятка, 1885, стр. 12—29, 35—36.

Отношение хлыновской администрации к нерусским народностям

В XVIII в. русское правительство, как известно, принимало усиленные меры по русификации нерусских народностей и обращению их в христианство. Нажим этот отразился и на Вятской земле. Из Хлынова вятский епископ разослал по епархии распоряжения об обращении иноверцев (удмуртов, бесермян и татар) в христианство. Выполняя эти распоряжения, сельское духовенство стало принуждать иноверцев к принятию крещения, а представители гражданской власти (рассыльщики, подьячие) при этом пускали в дело и физические меры воздействия (кулаки и плети). Одновременно с этим хлыновская администрация под разными предлогами продолжала обирать нерусские народности.

Так, в 1753 г. хлыновская администрация, получив заявление о том, что удмурт Григорий Амосов 18 лет тому назад убил русского человека, забрала в Хлынов 39 удмуртов и держала их под арестом семь недель, в течение которых 6 арестованных умерли в тюрьме. После этого 4 удмурта были освобождены, по-видимому, для того, чтобы они в своих деревнях собрали деньги на выкуп остальных колодников.

Они собрали до 300 руб. и по приезде в Хлынов в несколько приемов разнесли их «вятским судьям»: воеводе было дано 80 руб., секретарю провинциальной канцелярии — 41 руб., повытчику (столоначальнику) — 100 руб., толмачу (переводчику) — 20 руб., копнисту (переписчику) — 3 руб., повытчику Тряпицыну — 10 руб., подканцеляристу Прокопию Яковлеву — 11 руб. и вахмистру Харитону Олюшину — 4 руб. Всего роздано 277 руб. (на эту сумму в то время можно было купить до 2000 пудов хлеба). Но высшие судьи этим не удовлетворились. Они потребовали от удмуртов выдачи «кабалы»: 300 руб. для воеводы, 160 руб. для секретаря и 10 руб. на подканцеляриста Яковлева. После этого 32 удмурта были выпущены из хлыновской тюрьмы, остальные задержаны в ней. Освобождение их последовало лишь после того, как удмурты по выданным кабалам уплатили воеводе 200 руб., секретарю 140 руб. и подканцеляристу Яковлеву 13 руб. Так на освобождение лиц, арестованных без всякого основания, удмуртами было выплачено 630 руб.

Но этим дело не кончилось. Осведомленный об этом взяточничестве правительствующий Сенат поручил находившемуся в Вятской провинции советнику Полянскому расследовать это дело. Факт взяточничества подтвердился и Полянский предоставил обобранным удмуртам право искать на судьях свою обиду в качестве частных истцов. Но удмурты отказались от подачи челобитных, хорошо зная, что продолжение этого дела вызовет еще большие расходы на уплату взяток судьям. Полянский тогда представил в Сенат свое заключение в таком смысле: дело об убийстве нужно прекратить, убийцу (удмурта Григория Амосова), теперь уже больного, слабого и слепого, сослать в Сибирь на вечную работу, а всех удмуртов, знавших об убийстве, но не донесших о нем властям, наказать плетьми нещадно, «дабы они впредь в таковых продерзостях не обращались». Сенат утвердил это заключение[1].

Хлынов во время Пугачевского восстания

В сентябре 1773 г. на востоке Европейской России под предводительством донского казака Емельяна Пугачева началось восстание яицких[2] казаков. Это восстание скоро перешло в мощную крестьянскую войну против дворянского правительства Екатерины II. К казакам присоединились крепостные рабочие горных заводов Приуралья, затем башкиры, уже неоднократно и прежде поднимавшиеся против русского правительства из-за передачи русским дворянам-помещикам части башкирских земель; в дальнейшем к восставшим присоединились русские крепостные крестьяне, а также нерусские народности Поволжья, угнетенные взяточничеством во всевозможных формах[3].

Взяв на себя имя убитого в 1762 г. императора Петра III, Пугачев рассылал «манифесты» к населению. В них он призывал к истреблению дворян, приказных властей, обещал волю и землю крестьянам. Движение охва-

---

[1] ЦГИАЛ, дело Синодального архива, 1753 г., № 343/353.

[2] р. Яик — ныне Урал.

[3] Доклад подполковника А. И. Свечина Сенату в 1763 г. о причинах обеднения населения Казанского края. Сборн. «Пугачевщина», т. II, М.—Л., 1929, стр. 3—40, 373, 374, 441.

тило огромную территорию. Через какие-нибудь два месяца оно докатилось до Камы и захватило также восточную часть Вятской епархии.

Правительство Екатерины II, как известно, первоначально тщательно скрывало от центральных русских городов и губерний всякие сведения и слухи о крестьянском восстании. По отношению же к городам, расположенным в ближайшем соседстве с территорией восстания, сделать этого было нельзя. Задачей правительства в этих городах было — удержать местное население от восстания и по возможности привлечь его к участию в борьбе с восстанием. К числу таких городов принадлежал и Хлынов, административный центр провинции и главный город Вятской епархии.

Еще в начале ноября 1773 г. в Хлынов был прислан «увещательный» манифест Екатерины II, обращенный ко всем тем, которые «зловымышляемыми возмущениями уловлены». Один экземпляр этого манифеста был вывешен в Хлынове на видном месте, а копии его были разосланы по Вятской провинции во все городские учреждения, а также в сельские церкви и в местности с нехристианским населением. 19 ноября епископом Варфоломеем было получено письмо Екатерины II с поручением составить наставление о том, что «нарушение присяги государю своему есть страшное преступление перед богом и перед светом» и что «таких преступников святая наша церковь предавала и предает вечному проклятию». Через три дня епископ составил требуемое наставление. Вятская консистория разослала его всем «заказчикам» (благочинным) епархии с предписанием им лично прочесть его крестьянам в каждой церкви своего благочиния, а копию наставления оставить в церкви «для прочитывания его впредь до указа».

2 декабря казанский губернатор прислал в Вятскую провинциальную канцелярию объявление о том, что кто приведет Пугачева живым к казанскому или оренбургскому губернатору, тот получит 1000 руб. и, кроме того, не будет лишен «и особливо высочайшего благоволения»; если к этим губернаторам «итти будет неспособно», то о поимке Пугачева объявить в местной канцелярии. В тот же день казанский губернатор прислал в Хлынов предписание задерживать на дороге всех проезжающих без подорожных от правительственных учреждений и препро-

вождать их в местную канцелярию. Таким образом губернатор предполагал поймать всех пугачевцев, проезжающих по дорогам с поручениями от Пугачева.

9 декабря казанский губернатор предложил объявить во всех городах и «знатнейших» селениях Вятской провинции, что от «пугачевской толпы» не угрожает никакой опасности и что распространяющиеся слухи о приближении пугачевцев к Казани не основательны, так как Казанскую губернию защищает корпус регулярных и нерегулярных войск (в 4000 человек), стоящий на границе Оренбургской губернии. Кроме того, из Петербурга ожидаются целые полки. Поэтому никто не должен прельщаться «злодейскими» разглашениями Пугачева «под опасением за сие смертной казни».

17 декабря в Хлынове был получен приказ казанского губернатора прислать в Казань, в Особую комиссию, всех захваченных разглашателей о Пугачеве и на будущее время присылать туда всех «разглашателей и продерзателей, какие впредь будут оказываться». 30 декабря казанский губернатор извещал Вятскую провинциальную канцелярию о предоставлении Екатериной II генерал-аншефу Бибикову полной власти над Оренбургским краем и со своей стороны предписывал «чинить без всякого отлагательства, упущения или оговорки скорое и непременное исполнение требований или приказаний Бибикова, как бы исходящих от самой императрицы»[1].

Пока рассылались эти «высочайшие повеления» и приказания казанского губернатора, восстание в правобережье Камы все разрасталось. В Хлынов начали прибывать беженцы, укрывавшиеся от пугачевских отрядов. В январе 1774 г. казанский губернатор уже рапортовал Сенату о том, что он бессилен бороться с восстанием, пока не будут присланы правительственные войска.

Пугачевское восстание застало г. Хлынов врасплох. Город оказался без городовых укреплений, так как деревянные части их давно сгорели или сгнили, земляной вал во многих местах осыпался, сохранившиеся три деревянные башни (Московская, Ильинская и Пятницкая) мало могли помочь обороне. Если бы Пугачев, перейдя через

---

[1] Все эти распоряжения мной были опубликованы полностью в Записках Удмуртского научно-исследовательского института (вып. IV, 1936, стр. 118—135).

Каму, двинулся на Вятскую землю, то Хлынов не мог бы и думать о сопротивлении. По воспоминаниям одного из старожилов, хлыновские власти прибегли к хитрости: на земляном валу г. Хлынова они устроили из снега высокую стену, облили ее водой и расписали на ней смолой решетки, наивно предполагая, что Пугачев сочтет нарисованные черные решетки за железные, и, пожалуй, не решится на приступ.

Но когда однажды ночью в городе раздался набат (вероятно по случаю пожара), то богатые жители бросились выносить свое имущество, думая, что Пугачев уже подступил к городу[1].

Опасения хлыновских властей оказались неосновательными: переправив свои войска (около слободы Осы) на правый берег Камы, Пугачев пошел не на Хлынов, а на Казань, через наиболее значительные населенные пункты правобережья Камы: Воткинский завод, с. Завьялово, Ижевский завод, с. Юски, дер. Агрыз (татарская), с. Алнаш, с. Челны, с. Сарали, с. Трехсвятское (Елабуга), с. Лекарево, с. Танайка. Через р. Вятку он переправился около села Мамадыш[2] и в дальнейшем отходил все дальше и дальше от Вятской земли.

Состояние образования в г. Хлынове в XVIII в.

К началу XVIII в. во всем Русском государстве только в трех городах (Киеве, Москве и Новгороде) были организованы постоянные школы для обучения детей. Петр I, проводя свои прогрессивные преобразования, как известно, принял меры к развитию в России просвещения. В 1714 г. особым указом он приказал «во всех губерниях дворянских и приказного чина дьячих и подьяческих детей от 10 до 15 лет, опричь однодворцов учить цифири и некоторую часть геометрии» в особых школах при архие-

---

[1] Несколько сведений из Вятской хроники прошлых времен. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1913 года, вып. I—II, отд. III, Вятка, 1913, стр. 3.

[2] Путь этот мной устанавливается по архивным документам и рассказам современников. Таким образом совершенно не прав Г. П. Данилевский, автор исторического романа «Черный год», когда он говорит, что Пугачев проходил через с. Узу (Узи), Кильмези (т.е. Кильмезь), г. Малмыж и с. Гоньбу.

рейских домах и крупных монастырях и без свидетельства об окончании школьного обучения не допускать людей к женитьбе[1].

В Хлынове это распоряжение долго не приводилось в исполнение. Местный епископ Дионисий, сам не получивший школьного образования, не придавал ему значения даже при определении кандидатов на поповские места. Несколько позднее вятский воевода полковник Чаадаев (1721—1724 гг.) решил своими силами устроить в Хлынове школу цифири и геометрии и просил епископа прислать детей в возрасте от 10 до 15 лет для зачисления их в школьники. Но вятский архиерейский приказ прислал «самое малое число детей», как писала потом провинциальная канцелярия.

Написав еще два раза в архиерейский приказ о присылке детей и не получив ответа, воевода решил набирать школьников своими средствами: он послал в Вятский уезд «солдат и приставов для сыску ребят». К каким результатам привела эта мера, неизвестно. В ревизских сказках 1721 г. по г. Хлынову упоминается, что какое-то обучение в Хлынове все же было организовано. Там отмечается, что хлыновский житель Захар Иванов Хаустов (18 лет) отдан по указу в школу для учения присланному из С.-Петербургской академии учителю Ивану Чиркову[2]. Кто еще учился в этой школе — об этом сведений не осталось.

В духовном регламенте, изданном в 1721 г., правительство предписывало всем епископам устраивать школы при архиерейских домах и монастырях. В 1722 г. это предписание было подтверждено[3], причем на содержание этих школ правительством определялась $^1/_{20}$ часть хлеба, собираемого монастырями. Новый вятский епископ Алексей, не сочувствовавший реформам Петра, собрался выполнить это распоряжение лишь осенью 1727 г. Он устроил при архиерейском доме элементарную школу, собрав в нее 27 детей попов и церковников[4]. В своем рапорте Синоду он писал, что дети «учатся славянской аз-

---

[1] ПСЗ, т. V, № 2778.
[2] Вятка. Материалы для истории города.., стр. 119.
[3] ПСЗ, т. VI, №№ 3718, 4105, 4126.
[4] Вятские архиерейский дом и архиерейские вотчины 1727 года. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1916 года, вып. I—II, отд. III, Вятка, 1916, стр. 7—8.

буке, часослову, псалтыри и писать», а больше никаким другим наукам не обучаются, «понеже учить некому, ибо в Вятской стране таких учителей не обретается». К 1731 г. число школьников в Хлынове увеличилось до 50 и они содержались в Хлыновском Трифоновом монастыре.

В 1733 г. в Хлынов был назначен епископ Лаврентий Горка, человек по тому времени весьма просвещенный Он учился в Киевской академии и потом там же был профессором и ректором. На новую епархию он ехал с намерением устроить в Хлынове славяно-греко-латинскую школу по образцу таких же школ в Киеве и Москве. Для этого выписал из Киева двух бывших студентов академии — Финицкого и Лещинского и распорядился, чтобы духовенство Вятской епархии прислало своих детей в Хлынов для обучения.

Когда это распоряжение не подействовало, Горка разослал по селам епархии рассыльщиков и приставов архиерейского приказа разыскивать детей церковников для отсылки их в Хлынов, а если они добровольно не поедут, то отправлять их за надежным караулом, предварительно связав или сковав их в колодки. Рассыльщики приводили детей партиями — человек по 10—15. К концу 1734 г. в Хлынов было собрано свыше 400 детей церковников от 7 до 25 лет. Они были размещены частью в четырех старых деревянных избах при архиерейском дворе, частью на квартирах у хлыновцев.

В 1735 г. Финицкий и Лещинский начали учение. Первый стал преподавать наиболее грамотным ученикам латинскую азбуку, второй обучал неграмотных русской элементарной грамоте. В помощь ему были выделены три школьника старшего возраста, которые в то же время продолжали учиться.

В начале второго года существования школы епископ выписал в Хлынов еще одного учителя — монаха Богомедлевского. Монах этот в молодости учился в Киеве и закончил образование у польских учителей (во Львове, Люблине, Кракове и Варшаве), а в последние пять лет находился в заточении в Чердынском монастыре за столкновение с сотником украинского гетмана Скоропадского.

Духовенство Вятской епархии встретило эту никогда еще невиданную школу весьма несочувственно и даже враждебно. Первый профессор ее (Финицкий) так характеризовал это отношение: «Все соборяне и все причетники

церковные как градские, так и уездные враждуют и сему школьному латинскому учению весьма неблагодарны суть и говорят, что де сие учение не на пользу нам есть, паче же и противное церкви, понеже де мы латини гнушаемся, а они (учителя латинской школы — **П. Л.**) своим умом с латинами в сообщение нас хотят привести»[1].

Под влиянием духовенства враждебное отношение к школе создалось и среди хлыновских посадских. Они не отдавали своих детей в школу, хотя еще при открытии школы «лучшим» (т. е. более богатым) посадским людям было объявлено через провинциальную канцелярию, что если они не будут приводить детей в школу, то на основании указа правительства от 1731 г. от них будут отбирать детей в школу «неволею».

Неприязнь к школе среди хлыновцев все более и более усиливалась и скоро вылилась в попытку разгромить и школу и архиерейский дом. В сентябре 1736 г. епископу удалось завлечь в школу сына богатого купца М. Злыгостева. Через два дня отец мальчика подал жалобу в Вятскую провинциальную канцелярию. О чем он писал в жалобе — неизвестно (в архиве она не сохранилась), но только провинциальная канцелярия арестовала келейников и подьяков архиерея, служителей и даже учеников школы (вероятно, некоторых), а подьячие и рассыльщики воеводской канцелярии и до сотни посадских с палками, дубинами и кирпичами напали на архиерейский дом, ломились в ворота, бросали кирпичи в дом и в школу. Архиерейский дом оказался в осаде: «нельзя из дому архиерейского никому вон вытить», — писал Лаврентий Горка. Он подал через Вятскую провинциальную канцелярию челобитную на имя императрицы[2]. Очевидно эта челобитная на время положила конец открытым выступлениям против просвещения со стороны отсталой части хлыновцев.

Через полгода (в апреле 1737 г.) епископ скончался. Недоброжелатели его подняли голову. При таких обстоятельствах главный профессор школы Финицкий немедленно бежал из Хлынова, но в Котельниче был схвачен

---

[1] А. С. Верещагин, Ученый южнорусс на Вятке в XVIII веке. «Календарь и памятная книжка Вятской губернии» на 1895 г., Вятка, 1894, стр. 302—321.

[2] Челобитная эта напечатана в «Столетии Вятской губернии» (т. I, стр. 87).

и посажен под караул. Узнав об аресте, 199 школьников скрылись из Хлынова по своим селам. Городское духовенство собиралось просить Синод о закрытии школы, но оттуда вскоре пришло распоряжение—содержать школу «во всем неотменно», как было при Лаврентии; вследствие этого школа удержалась. Выпущенный из-под ареста Финицкий и монах Богомедлевский стали продолжать обучение. По образцу Московской и Киевской академий в школе постепенно было образовано шесть отделений или классов: фара, инфима, грамматика, синтаксима, поэзия и риторика.

К 1744 г. школьные избы на архиерейском дворе настолько обветшали, что в них невозможно стало заниматься. Тогда школа была переведена в мужской Трифонов монастырь. Через восемь лет во время большого пожара школа сгорела вместе с монастырем. Ученье прекратилось, и школьники были распущены по домам. Лишь через шесть лет ученье возобновилось. В школе опять образовалось шесть классов. В самом старшем классе (риторике) с 1764 г. началось преподавание философии с богословием, а с 1780 г.— греческого языка[1].

В старших классах учителя обращали большое внимание на умение школьников писать прозой и стихами как на латинском, так и на русском языках. Учеников заставляли сочинять басни, описывать стихами местность, времена года, характеры, обычаи и нравы людей, составлять в стихах приветствия начальствующим лицам; венцом школьной поэзии было составление од[2]. В помощь учителям и ученикам в их риторических и «поэтических» упражнениях были приобретены произведения лучших русских стихотворцев, а также латинских классических поэтов (Вергилия, Горация, Овидия, Эннея, Марциала и др.).

Учителя пиитики и риторики и сами упражнялись в составлении «поэтических» произведений. Образцы их творчества через учеников школы распространялись в ру-

[1] А. С. Верещагин. Краткий очерк истории Вятской духовной семинарии. «Столетие Вятской губернии», т. II, стр. 581—612.

[2] А. С. Верещагин. Вятские стихотворцы XVIII века. «Календарь и памятная книжка Вятской губернии» на 1897 г., Вятка, 1896, отд. IV, стр. 71—160; «Календарь...» на 1898 г. Вятка, 1898, отдельные статьи, касающиеся Вятской губернии, стр. 199—256.

кописном виде по городам и селам Приуралья, а некоторые попадали и в столичную печать[1]. В 1772 г. в Москве была издана поэма молодого учителя хлыновской школы Серебрянникова к десятилетней годовщине царствования Екатерины II. В 1778 г. в Петербурге были напечатаны «сатирические, забавные и нравоучительные эпиграммы» другого учителя хлыновской школы — Антона Попова.

Скажем несколько слов о судьбе некоторых учеников этой школы. В 1742 г. здесь окончил ученье К. И. Щепин, уроженец с. Молотниковского, взятый в школу во время первого набора. В том же году он был отправлен в Киевскую академию. По окончании в ней курса, Щепин собрался было путешествовать пешком по разным странам, но добрался лишь до Константинополя. Здесь ему пришлось остановиться из-за недостатка денежных средств. За время вынужденной остановки он изучил английский и новогреческий языки, затем уехал в Петербург, где был зачислен на должность переводчика при Академии наук.

В 1753 г. Академия командировала его для изучения естественных наук в Лейденский университет. Через три года здесь же он начал изучать медицину и в 1758 г. защитил диссертацию на латинском языке на степень доктора ботаники. После этого русское правительство поручило ему осмотреть врачебные заведения в западно-европейских столицах — Париже, Лондоне, Амстердаме, Копенгагене и Стокгольме. Возвратившись в Россию, Щепин в особой комиссии из докторов медицины был подвергнут испытанию в знании медицинских наук. Из обстоятельных ответов Щепина экзаменационная комиссия убедилась, что к изучению медицинских наук он приложил исключительное старание и получил солидную подготовку. «Посему мы,— говорилось в протоколе комиссии,— единогласно признали ученейшего доктора Щепина весьма достойным причисления к медицинскому факультету».

В 1760 г. Щепин был назначен дивизионным врачом в русский обсервационный корпус, действовавший в семилетней войне. По возвращении с войны он был назначен на должность профессора в медицинскую школу Московского генерального госпиталя. Читал здесь лекции по це-

---

[1] А. С. Верещагин. Вятские стихотворцы XVIII в. «Календарь и памятная книжка Вятской губернии» на 1897 г.

лому ряду медицинских наук: анатомии, физиологии, хирургии, фармакологии и ботанике. В 1764 г. Щепин был переведен профессором в Петербургский генеральный госпиталь. Умер Щепин около 1770 г.[1]

В 1763 г. в хлыновской школе окончил учение Ф. С. Ефремов. В том же году он был взят на военную службу в Нижегородский полк, произведен в капралы (1763 г.), затем в каптенармусы и наконец в сержанты (1769 г.). В июне 1774 г. он был отправлен с 20 солдатами и казаками к Илецкой защите (около г. Оренбурга). Здесь он был захвачен в плен пугачевцами, а затем попал к киргизам, которые продали его в Бухару. Бухарский хан Аталыки взял Ефремова на свою службу и принудил его участвовать в походах. Через несколько лет Ефремову удалось бежать от хана. Через Тибет, Кашмир, Индию и Англию он в 1782 г. приехал в Петербург и был определен на службу в Коллегию иностранных дел на должность переводчика. В 1786 г. он издал книгу «Российского унтер-офицера Ефремова десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию» (С.-Пб., 1786 г.). Впоследствии книга эта неоднократно переиздавалась[2].

В 1773 г. из хлыновской школы крестьянский юноша Вобловицкой волости Слободского уезда Ермил Иванович Костров отправился в Москву искать высшего образования. Для рекомендации себя он захватил свое стихотворение, адресованное к прежнему учителю хлыновской школы, занимавшему в Москве довольно солидное положение. Стихотворение это тогда же было напечатано в Москве, и автор его был зачислен в Московскую академию. Через несколько лет он перешел в Московский

---

[1] «Столетие Вятской губернии», т. II, 1881, стр. 588; Я. Чистович. История первых медицинских школ в России, С.-Пб., 1883, стр. 67—68; А. Никитин. Краткий обзор состояния медицины в России в царствование Екатерины II. С.-Пб., 1883. Приложение, стр. CCCXL IV-CCCL II; Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь, полутом 79, стр. 60. Более подробные сведения о Щепине мною опубликованы в статье, помещенной в «Кировской правде» 1940 г., № 159.

[2] Словарь русских светских писателей соотечественников и чужестранцев, писавших в России, М., 1845, т. 1, стр. 228—229; Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь, полутом 22, стр. 694—695.

университет, окончил здесь курс и был назначен на должность университетского стихотворца. Стихотворения Кострова печатались в русских журналах конца XVIII в. Великий русский поэт А. С. Пушкин признавал за Костровым большую заслугу в обработке русского стихотворного языка. Главное значение Кострова в истории русской литературы заключается в его переводах с греческого, латинского и французского языков. Современники особенно ценили его стихотворный перевод греческой поэмы «Илиада» Гомера, изданный в 1787 г. Костров умер 9 декабря 1796 г.[1]

Следует упомянуть еще об ученике хлыновской школы В. Я. Колокольникове. По окончании школы он пять лет был в ней учителем, а затем изучал естественные науки и медицину в Московском университете (1781—1787 гг.) Когда он окончил университет, Московское массонское общество отправило его в Лейденский университет для усовершенствования в медицине. Через два года он выдержал экзамен на степень доктора медицины. При возвращении в Россию (уже после Французской буржуазной революции) он был задержан в Риге по приказу Екатерины II, подвергнут обыску и за связь с русскими массонами был заключен в Петропавловскую крепость. Здесь он вскоре заболел и скончался[2].

Хлыновская славяно-латинская школа обслуживала, главным образом, детей духовенства. Из крестьянских детей в нее попадали лишь те, отцы которых служили при церквах в качестве трапезников (сторожей) или пономарей. Посадские же г. Хлынова предпочитали обучать своих детей у частных учителей-грамотеев. Такие грамотеи появляются теперь и среди посадских жителей.

Перед открытием первой светской элементарной школы (1786 г.) в Хлынове частным обучением детей занимались 7 человек: 4 мужчин (отставной канцелярист, мещанин, крестьянин и дьякон) и три женщины (солдат-

---

[1] Словарь русских светских писателей соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. т. I, стр. 309—310. Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь, полутом 31, стр. 404—405.

[2] Н. В. Лопухин, Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника сенатора Н. В. Лопухина, М., 1860, стр. 50; А. С. Верещагин, В. Я. Колокольников, «Календарь и памятная книжка Вятской губернии» на 1896 г., Вятка, 1895, стр. 449—486.

ская жена, вдова архиерейского служителя и вдова пономаря). Учащихся у них было 61, т. е. в среднем по 9 человек на учителя. Учение, конечно, было немудрое: вооружившись указками, ученики читали и даже иногда пели «азы», т. е. произносили название букв — аз, буки, веди, глаголь и пр. по порядку и в разбивку, заучивали двух, трех и четырехсоставные слоги. Например (буки-аз—ба, буки-арцы-аз—бра и т. д.). С большим трудом дети овладевали процессом чтения; нередки случаи, когда ученик хорошо читал и пел «азы», но не мог понять, как из отдельных букв складываются целые слова и фразы. Письму мог обучать детей далеко не каждый грамотей. Арифметика в домашних школах обычно не преподавалась.

Начало медицинской службы в г. Хлынове и положение ветеринарии

Русское правительство лишь со времени Петра I начало думать об организации лечения населения и о подготовке медицинских кадров. По указу Петра I от 25 мая 1706 г. в Москве был построен госпиталь, который сделался и первой лечебницей и первой медицинской школой, подготовлявшей для России «лекарей». После 1733 г. были учреждены 2 медицинские школы: в Москве (при сухопутном госпитале) и в С.-Петербурге (при адмиралтейском госпитале). В 1737 г. правительствующий Сенат указом от 10 мая предложил губернским и «знатным» провинциальным городам завести лекарей с жалованием от ратуши в сумме 144 руб. в год, со свободной квартирой[1].

Такой указ Сенатом был прислан и в г. Хлынов (в указе Хлынов назван Вяткой). Но лекарь в Хлынове появился не скоро. По ходатайству Вятской провинциальной канцелярии Сенат назначил в Хлынов подлекарем Семена Извекова, но население города было недовольно его лечением, и он был вынужден вернуться в Москву. В 1751 г. главный лейб-медик и директор медицинской канцелярии назначил в Хлынов полкового лекаря немца

[1] Я. Чистович. История первых медицинских школ в России, 1883, стр. 6, 42—62, 217, 555.

Фридриха Рамшау, который приехал с медикаментами, купленными им за свой счет.

Но в Хлынове произошли пререкания по вопросу о том, из каких средств оплачивать лекарю жалованье. Московский главный магистрат разъяснил, что жалованье лекарю должно оплачивать местное купечество. Поэтому Вятский магистрат общую сумму годового жалованья врачу (лекарю) разверстал между купцами всех городов Вятской провинции, применительно к численности купечества в этих городах. Так, купечество г. Хлынова должно было платить 69 руб. 10 коп., г. Слободского — 43 руб. 38 коп., с. Кая — 12 руб. 30 коп., г. Орлова — 10 руб. 62 коп., г. Котельнича — 8 руб. 40 коп.

Хлыновские и слободские купцы отказались вносить свою долю платежа: первые ссылались на обременение их «несносными» выборными службами и на разорение пожаром в 1752 г., вторые заявили, что «оный лекарь им, купцам, ни для каких лекарств не надобен, да и требования о нем у них никогда не бывало». Вятский магистрат скоро усмирил слободских купцов[1], хлыновское же купечество по-прежнему отказывалось платить деньги лекарю и слало в Москву ходатайства об освобождении его от этого расхода.

Пока шли эти пререкания, лекарь Рамшау оставался без жалованья и в конце концов отказался служить в Хлынове и уехал в Москву.

Вскоре Казанский губернский магистрат потребовал от Хлынова внести на содержание казанского лекаря за два истекшие года (1752—1753) 40 руб. 75 коп., а в по-

---

[1] Вятский магистрат командировал в г. Слободской нарочного (Романа Овчинникова) с командой, приказав ему держать присутствующих при Слободском магистрате под караулом без выпуска. Но Слободской бургомистр Ложкин и ратман Шмелев запретили собирать с населения требуемые деньги, а Овчинникову заявили, что Вятский провинциальный магистрат шлет к ним «пустоши», а если он пришлет хотя еще 20 рассыльщиков, то у них и больше найдется. «Толкнув меня, нижепоименованного,— рапортовал Р. Овчинников Вятскому магистрату о результатах своей поездки,— бургомистр Ложкин тростию в грудь и с ратманом из-под караула ушел усильно». Тогда Вятский провинциальный магистрат приказал тому же Овчинникову взять бургомистра Ложкина в Хлынов «конечно неотложно», а ратмана Шмелева держать под караулом до тех пор, пока не заплатит требуемых денег. Только тогда Шмелев уплатил всю требуемую сумму.

следующие годы высылать по 26 руб. 71 коп. ежегодно. Как видно, и казанские купцы не выражали охоты содержать лекаря на свой счет. Но Вятский магистрат отказался от уплаты требуемых Казанью денег, ссылаясь на то, что купечество Вятской провинции уже оплачивает своего лекаря.

В декабре 1753 г. по пути из Сибири в г. Хлынов приехал лекарь Иван Стеллин. Вятская провинциальная канцелярия и провинциальный магистрат нашли, что он способен к лечению вятского населения и возбудили перед медицинской комиссией ходатайство об определении его в Хлынов, причем уже соглашались уплачивать ему жалованье и предоставить ему свободную квартиру. Но Стеллин не пожелал служить «в удалении от столицы» и подвергаться нападениям и обидам, какие претерпевал здесь Рамшау[1]. Об этом Стеллин заявил лично в медицинской канцелярии. Так Хлынов и остался без лекаря.

В 1760 г. сюда приехал новый лекарь, но скоро был переведен в Казань. В 1768 г. хлыновский магистрат в особой книге на запрос С.-Петербургского кадетского корпуса писал, что «за неимением определенных от медицинской канцелярии лекарей и подлекарей население, получая от других аптек и госпиталей приличные лекарства, лечится от болезней собой»[2].

Интересно отметить, что при хлыновском монастыре в 1764 г. существовала больница, занимавшая две каменные кельи. Вероятно, кроме монахов, она обслуживала и учеников славяно-латинской школы, которые помещались тогда в этом же монастыре, и отставных воинских чинов, инвалидов, находившихся на монастырском содержании еще со времени Петра I. В 1764 г. в Трифоновом монастыре отставных военных и инвалидов оказалось 165 человек. Кто лечил в этой больнице — остается неизвестным[3]. Таким образом в XVIII в. администрация Хлынова делала лишь слабые попытки наладить медицинское обслуживание населения.

[1] ЦГАДА, фонд Вятского уездного суда, опись 5 за 1750 г., № 258.

[2] КПА, Стол Вятской провинциальной канцелярии, 1761 г., № 549.

[3] Грамоты и акты Вятского Трифонова монастыря. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1906 года, вып. V—VI, отд. II, Вятка, 1907, стр. 400, 406.

Столь же печально было в Хлынове положение и с ветеринарией. Правительствующий Сенат изредка рассылал по губернским и провинциальным городам указы с изложением мер предосторожности против скотских падежей. В 1764 г. он рекомендовал городам «палый скот, не сдирая с него кож, зарывать в землю в глубокие ямы, вдали от жилых домов и от конских кормов, дабы звери не разрывали и собаки не растаскивали»; запрещалось также во время скотского падежа употреблять мясо в пищу, а равно продавать мясо или солонину[1].

Но в сенатских указах ничего не говорилось о том, как и чем лечить скот от болезней, как различать эти болезни. Губернии и провинции в этом отношении оказывались совершенно беспомощными. В 1764 г. в Хлынове пало 194 коровы, а в 1768 г.— 578 коров, и никто не мог определить, от какой болезни происходит падеж[2]. Хлыновские власти сообщили в Сенат, что скот валится «божьей милостью», а Сенат принял рапорт к сведению и никакой помощи Хлынову не оказал. Хлыновские власти не сумели выполнить на территории города и его окрестностей правила предосторожности, рекомендованные Сенатом: туши палых животных сваливались на полях и лугах около города — на Филейской дороге и на Дымковских лугах; здесь же гулял здоровый скот без пастухов. Уже в следующем году хлыновский воевода спохватился и пригрозил жителям города, что за неисполнение правил предосторожности он будет представлять (т. е. писать) на чиновников и лучшее купечество «присутственным местам, а подлых посадских и бесчиновных людей» будет нещадно наказывать батогами со взыманием штрафа[3].

---

[1] Таковы были указы Сената от 17 марта 1746 г. (ПСЗ, т. XII, № 9269) и от 15 июля 1756 г. (ПСЗ, т. XIV, № 10583).

[2] КИА, фонд Вятской провинциальной канцелярии, 1764 г., № 613. Столп о скотском и конском падеже, лл. 98, 99.

[3] Там же, л. 475.

Глава V

Г. ВЯТКА (бывш. ХЛЫНОВ) В 1780—1861 гг.

Территория города, перепланировка его

Именным указом Екатерины II правительствующему Сенату от 11 сентября 1780 г.[1] в бассейне р. Вятки и Камы, согласно положению о губерниях 1775 г., было образовано особое наместничество, выделенное из обширной Казанской губернии. Административным центром этого наместничества был сделан гор. Хлынов, который при этом был переименован в Вятку. Введение новых учреждений в Вятке состоялось 18 декабря 1780 г.

К этому времени город уже вышел за пределы территории, отведенной ему в 1663—1666 гг. и огражденной городовыми укреплениями. К западу от него образовались две слободки — Всесвятская и Владимирская, к югу за оврагом разрастались монастырские и разночинная слободки; в 1764 г. на берегу р. Вятки появилась Инвалидная слобода.

Вскоре после образования нового наместничества правительство предложило вятской администрации представить новые планы городов губернии с проектом их радикальной перепланировки[2]. К 1784 г. новый план г. Вятки, составленный местным архитектором Филимоном Росляковым, был представлен в Петербург на утверж-

[1] ПСЗ, т. XX, № 15058.

[2] Подобная перепланировка была потребована правительством и от других губернских и уездных городов.

дение. По этому плану все выросшие около города слободки были включены в черту города; городская территория расширялась в трех направлениях — к северу, западу и югу. Если говорить применительно к современному городу, то следует сказать, что городская территория была расширена к северу до нынешней улицы МОПРа, к западу — до Октябрьской улицы и к югу — до улицы Коммунистической и, таким образом, получила форму правильного четырехугольника.

В этом четырехугольнике было намечено 8 улиц, идущих параллельно течению р. Вятки, с севера на юг и 8 улиц перпендикулярных к ним, идущих с востока на запад. Кроме того, две улицы диагональные и 6 площадей. Продольные улицы получили следующие названия: Хлыновская (ближайшая к р. Вятке улица, идущая к началу Раздерихинского спуска), Вознесенская, Царевская, Никитская, Владимирская, Кузнецовская, Всесвятская, Гласистая. Перпендикулярные к ним улицы: Орловская (самая южная), Стефановская, Копанская, Спасская, Московская, Преображенская, Пятницкая и Раздерихинская. Диагональные улицы: Казанская и Филейская.

Площади были намечены в следующих пунктах. Три по улице Владимирской: одна в северном конце (конная, ныне площадь Труда), другая (хлебная) — при пересечении Владимирской ул. с Московской, третья (сенная и дровяная) — при пересечении той же улицы со Стефановской. Четвертая площадь (для продажи живностей) проектировалась на Царевской улице — между ул. Московской и Спасской (около бывшей здесь Царевской церкви). Пятая площадь (для продажи съестных припасов) — между ул. Вознесенской и Хлыновской, недалеко от ул. Спасской. Шестая — между Хлыновской улицей и бывшим кремлем.

Прежние городовые укрепления (земляной вал, ров, остатки острога) предположено было ликвидировать и заменить их новым валом и рвом по границам новой городской территории. Вал и ров должны были окружить город с трех сторон прямыми линиями. Для въезда в город назначались улицы Московская, Кузнецовская, Никитская и Хлыновская. О том, как должны были располагаться на территории старого города вновь запроектированные улицы и здания, можно судить по

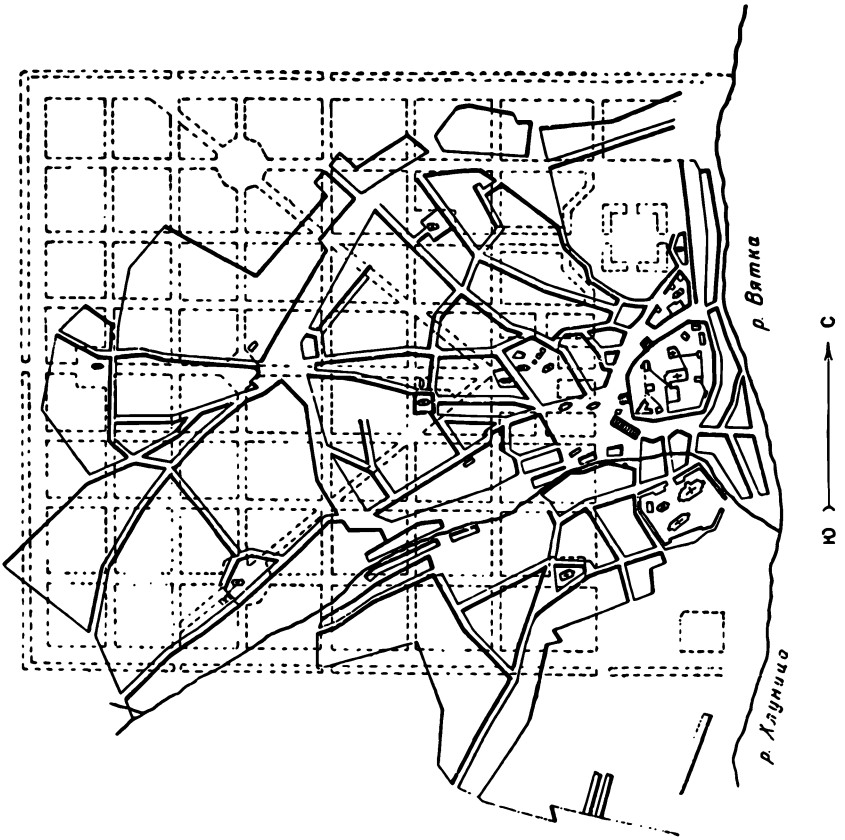


Рис. 5. План г. Хлынова (Вятки) в восьмидесятых годах XVIII века. Пунктиром нанесен проект перепланировки города, утвержденный 13 августа 1784 г. (по чертежу, опубликованному в Полном собрании законов Российской империи, том „Чертежи городов").

чертежу, представленному вятской администрацией одновременно с планом нового города (см. рис. 5). Новый план Вятки был утвержден Екатериной II 13 августа 1784 г. Правительство приказало обнародовать его с тем, чтобы «никто никаких строениев в городе не производил и не вчинал ничего к построениям без ведома Управы благочиния»[1].

[1] КИА, дело архива Губернского правления, 1784 г., № 1494.

Перед застройкой городской территории по новому плану вятская администрация опубликовала требование, чтобы вновь устраиваемые деревянные дома имели в длину до 12 сажен, а в ширину до 6 сажен, покрывались тесом или гонтом (отнюдь не соломой), чтобы прогал между домами был не менее 6 сажен, чтобы на двух главных улицах города (Спасской и Московской) дома устраивались на каменных фундаментах. Этими требованиями имелось в виду вытеснить бедноту с главных улиц: не имея средств на устройство домов с каменными фундаментами, она вынуждалась поселяться не в центре города, а ближе к окраинам.

Застройка города по новому плану на первых порах пошла довольно быстро. К 1798 г., т. е. через 14 лет после утверждения плана, было выстроено каменных домов 17, каменных флигелей — 4, деревянных домов на каменном фундаменте — 63, флигелей — 36, деревянных домов — 40, флигелей — 6, а всего 166 зданий[1]. Через 30 лет (к 1814 г.) в Вятке было выстроено 184 дома (26 каменных и 158 деревянных) и 233 торговых лавки (161 каменная и 72 деревянных)[2]. Однако до осуществления полного плана города было еще очень далеко: 677 домов деревянных и 4 каменных оставались выстроенными по старому плану.

В 1804 г. в плане города было произведено небольшое изменение: уничтожены проектировавшиеся ранее две диагональные улицы и, кроме того, в 6 кварталах города прибавлено по 40 сажен в ширину[3]. Так как территория, отведенная городу, уже в 1784 г. была в значительной мере заселена, то город очень скоро почувствовал нужду в новом ее расширении. По ходатайству города правительство 13 марта 1812 г. присоединило к нему два больших участка земли—к северу до д. Луковцевой и к югу до с. Хлыновки. (Новый проект планировки см. на рис. 7).

После этого вятская администрация повела уже более решительную борьбу по уничтожению остатков старого

[1] «Столетие Вятской губернии». т. I, стр. 131.

[2] Табель о состоянии губернских и уездных городов Вятской губернии на 1814 г. (Рукопись Ленинградской публичной библиотеки под лит. О У 202. Описание Вятской губ.).

[3] Рескрипт Александра I вятскому губернатору Руничу от 7 июня 1804 г., «Памятная книжка Вятской губернии» на 1866 и 1867 годы, Вятка, 1866, стр. 266.

города. В 1818 г. губернатор распорядился разломать ветхие дома и снести заборы, повети и всякие ветхие строения, прорезать вновь улицы по плану 1784 г. и оградить их заборами. Разрешалось оставить на старых местах только те дома, которые можно было перенести на новое место на той же одворице[1].

Одновременно с застройкой городских улиц было начато сооружение мостов через овраг Засору. Предположив устроить здесь насыпные (земляные) мосты, Городская дума обязала домовладельцев вывозить со своих дворов в овраг остатки старого земляного вала и вообще всю ненужную землю. На постройку мостов Думой был установлен специальный налог в размере 1 коп. с квадратной сажени дворового места[2].

В XIX в. было начато мощение городских улиц. Городская дума решила обратить эту работу в натуральную повинность домовладельцев и обязала каждого из них замостить улицу около своего двора. При этом Дума не установила однородной техники мощения; в результате получился разнобой, значительно затруднявший проезд. Каждый домохозяин мостил улицу по-своему: один прокладывал мостовины вдоль улицы, другой поперек; мостовины не скреплялись между собой, при проезде по ним экипажей то один, то другой конец отдельных мостовин поднимался кверху, угрожая ударом проходящему вблизи пешеходу.

В 1835 г. все мостовые были уничтожены во избежание пожара; взамен их по сторонам улиц были устроены деревянные тротуары. Для пешеходов это стало удобнее, но проезд по улицам значительно ухудшился: весной и осенью некоторые улицы от скоплявшейся грязи становились совершенно непроезжими. Тогда Городская дума стала заготовлять крупную очищенную от песка гальку и обязывала домовладельцев рассыпать ее против домов.

Из города к реке были устроены спуски. В 1796 г. был устроен спуск по Спасской улице, в 1839 г. улучшен проезд по Раздерихинскому спуску, а в 1859 г. здесь была устроена деревянная мостовая.

---

[1] КИА, дело Вятского губернского правления, 1818 г., № 91.

[2] В. П. Юрьев. Состояние Вятки в царствование Екатерины II, стр. 163.

Рис. 6. Вид кремля города Вятки со стороны главной торговой площади. Рисунок студента Вятской семинарии П. Анисимова, 1802 г.

В 1817 г. правительством были изданы правила по устройству городов, селений и дорог. Между прочим, городам рекомендовалось заводить сады для общественного гулянья. Вятское городское управление под первый общественный сад обратило лес, находившийся к северо-западу от города на пространстве 13 десятин 2162 кв. сажен, обнесло его изгородью из жердей. Так в 1821 г. появился «Загородный сад». Под второй сад в 1824 г. было отведено место на берегу р. Вятки и Раздерихинского спуска, около каменных корпусов губернских присутственных мест. Здесь были посажены березы, рябина, черемуха, липы, проложены и шоссированы извивающиеся дорожки. 30 августа 1835 г. сад был торжественно открыт для публики[1]. К 1840 г. была сооружена чугунная решетка сада и устроены главные ворота по проекту художника архитектора А. Л. Витберга, бывшего в то время в вятской ссылке.

Рост населения в городе

В составленной еще перед 1780 г. «Книге о населениях Вятского наместничества» в г. Хлынове значилось 1412 душ мужского пола—купцов и мещан. Почему-то не было показано число жителей других сословий (военного, духовного, дворянского). Четвертая ревизия (1782 г.) зарегистрировала в Вятке 1579 душ мужского пола — купцов, мещан и дворовых людей. И опять не были показаны жители других сословий. В ежегодных отчетах вятского губернатора в начале XIX в. цифра населения г. Вятки обозначалась не по одинаковому принципу: за один год показывалось общее количество лиц обоего пола, за другие—количество лиц только мужского пола. В 1804 г. в Вятке показано 5121 человек, в 1806 — 4437 человек, а в 1809—1829 человек и в 1816—2174 человека[2].

За позднейший период (1818—1861 гг.) в историко-статистическом очерке г. Вятки приведены следующие сведения о количестве городских жителей[3] (стр. 160).

---

[1] КИА, дело Канцелярии вятского губернатора.

[2] Сведения взяты из рукописных, так называемых всеподданнейших отчетов вятского губернатора, хранящихся в архивном фонде Комитета министров (Ленинград, ЦГИАЛ).

[3] «Столетие Вятской губернии», т. I, стр. 154—155.

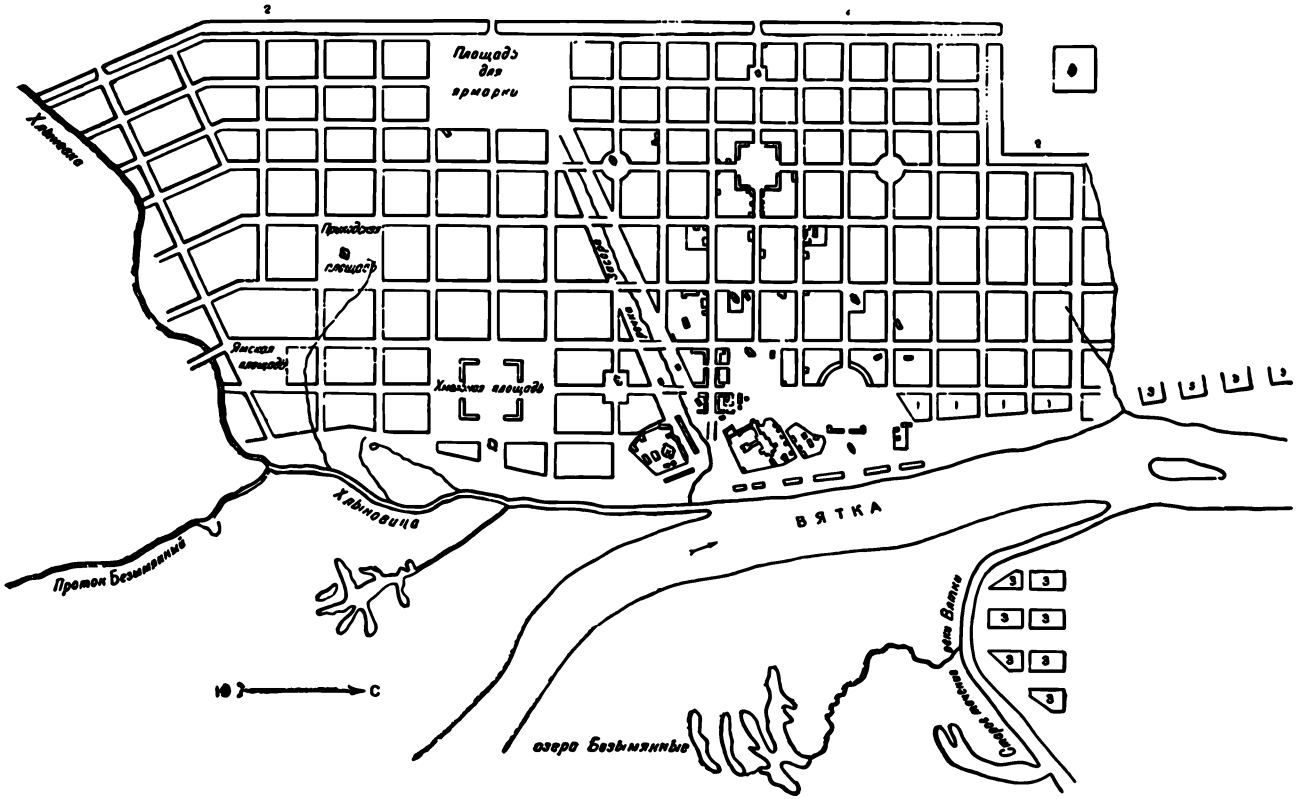


Рис. 7. Проект планировки города Вятки, утвержденный 23 марта 1812 г. (по чертежу, опубликованному в Полном собрании законов Российской империи, том „Чертежи городов").

1 — Кварталы, предназначенные под госпитали и связанные с ними постройки, 2 — Вал и ров вокруг города, 3 — Места для заводов.

Годы	Число жителей обоего пола	Годы	Число жителей обоего пола
1818	7985	1855	14803
1824	9416	1856	15500
1826	10191	1857	16104
1829	10253	1858	15215
1830	10913	1859	15075
1832	11493	1860	15153
1835	10571	1861	14407
1854	11000		

Из этих сведений видно, что за 43 года (1818—1861) количество населения г. Вятки увеличилось всего лишь на 6422 человека, или на 80,4 процента. Этот прирост объясняется, главным образом, приливом населения из других местностей. Однодневная перепись населения г. Вятки в 1864 г.[1] установила, что из общего числа городских жителей 55,4 процента прибыло в Вятку из уездов Вятской же губернии и отчасти из других губерний.

Экономика города

а) ремесло

О ремесленниках г. Вятки за время с 1780 г. по 1861 г. существующая литература дает нам очень мало сведений. Правда, в сборнике «Столетие Вятской губернии» была помещена статья «О занятиях населения г. Вятки» Автор статьи уделил ремесленникам целых 6 страниц, привел сведения о количестве ремесленников за 1785, 1797, 1798 и за 1830—1864 гг. Но все эти сведения не имеют исчерпывающей полноты. В сведениях за 1785 г. автор имел в виду крестьян, поселившихся в Вятке и занимавшихся ремеслами, и насчитывал их 150 человек. Но ведь кроме крестьян ремеслом занималось и коренное городское население.

[1] Итоги переписи опубликованы в «Памятной книжке Вятской губернии» на 1866 и 1867 годы. Вятка, 1866, отд. III, стр. 109—167, 185.

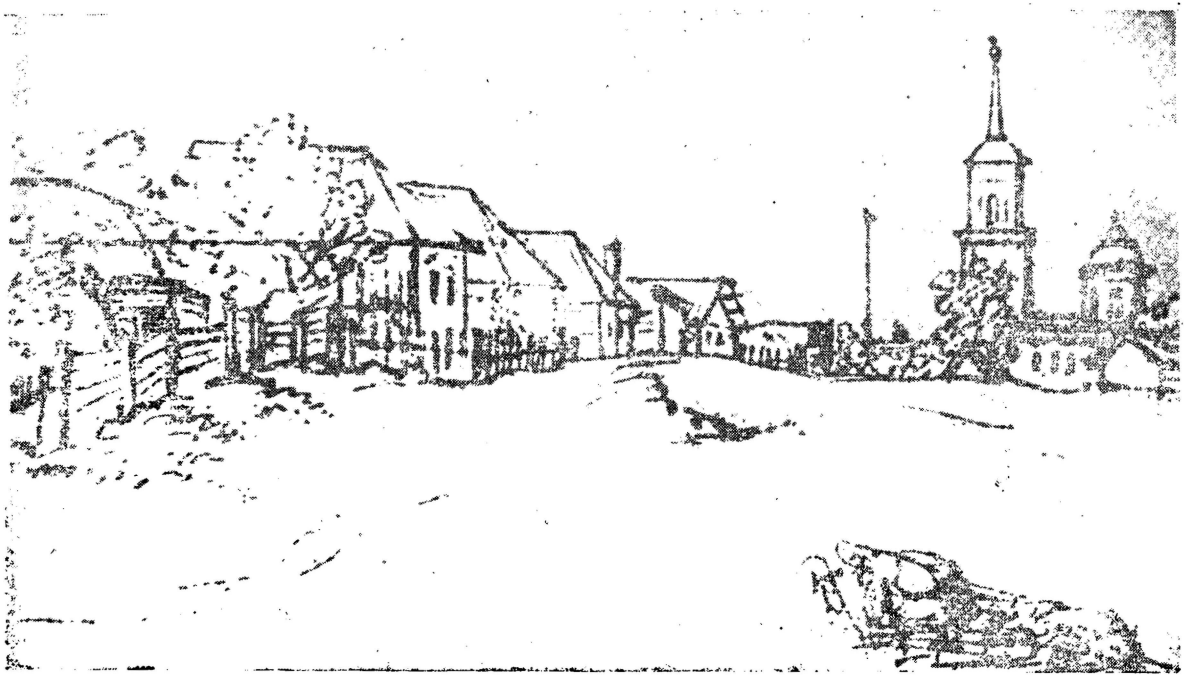


Рис. 8. Царевская улица (ныне улица Свободы) во второй четверти XIX в. Рис. А. Л. Витберга.
Кировский областной музей краеведения.

В сведениях за 1797 г. автор насчитывает в Вятке 514 ремесленников, но не разъясняет, кого он здесь имеет в виду: только ли хозяев-мастеров или также и подмастерьев с учениками. За 1798 г. он показывает число мастеров в цехах Вятки (141), но упускает мастеров хлебного и столярного цехов, а равно каменщиков, кирпичников и маляров.

За 1830—1864 гг. автор приводит среднее количество цеховых мастеров, подмастерьев и учеников, но забывает ремесленников нецеховых (а их было не мало). Кроме того, его средние цифры, выведенные за годы 1830—1864, совершенно скрыли динамику в числе цеховых ремесленников г. Вятки за этот период.

Более полные данные о ремесленниках получены при первой однодневной переписи населения города Вятки в 1864 г. Правда, годы 1862—1864 уже выходят за пределы рассматриваемого нами периода, но думается, что три года нового периода едва ли произвели большой сдвиг в числе ремесленников, а потому, казалось бы, можно считать их характеризующими ремесло в Вятке в конце рассматриваемого нами периода.

Перепись 1864 г., произведенная специальными счетчиками, ходившими по дворам, выявила следующее число ремесленников в Вятке (см. табл. на стр. 163—164)[1].

Из этой таблицы мы видим, что к 1861 г. ремесло в Вятке значительно развилось по сравнению с концом XVIII в. Появились новые ремесла, неизвестные прежнему Хлынову, и, кроме того, увеличилось количество ремесленников и по старым ремеслам, т. е. уже ранее существовавшим.

Из числа новых ремесел можно указать: производство кондитерских изделий, выделку колбас, изготовление изящной мебели, изделия из капа и корешка, переплетное и типографское ремесло, производство игрушек, резьбу по дереву, литографское дело.

Изготовлять изящную мебель вятские столяры научились от казанского мастера, немца, приглашенного в Вятку для обмеблирования квартиры купца Титова и квартир других видных купцов. Мастер этот взял себе в помощники вятских древоделов; они быстро освоили

---

[1] «Памятная книжка Вятской губернии» на 1866 и 1867 гг., отд. III, стр. 185.

	Мастера	Подмастерья	Ученики
Хлебники	61	—	—
Булочники	49	86	8
Калачники	15	—	—
Пирожники	9	—	—
Пряничники	14	2	—
Кондитеры	2	1	1
Мясники	15	5	1
Колбасники	4	2	—
Квасники	13	1	—
Уксусники	5	—	—
Пчеловоды	1	—	—
Портные	120	69	38
Белошвейки	454	—	—
Золотошвейки	56	2	17
Модистки	14	4	14
Шапочники	51	10	5
Сапожники	254	85	60
Башмачники	215	39	31
Кузнецы	62	20	—
Слесаря	9	2	3
Колокололитейщики	1	—	—
Медники	15	3	—
Жестянщики	4	1	—
Золотых и серебряных дел мастера	26	11	8
Золотильщики	5	1	1
Часовщики	7	2	5
Делатели медных сережек	3	—	—
Резчики печатей	2	—	—
Столяры	38	16	6
Резчики по дереву	5	5	11
Токари	1	1	—
Обойщики	7	5	—
Бочкари	3	—	—
Ложкари	1	—	—
Пильщики	13	2	—
Каретники	8	5	1
Плотники	34	27	—
Горшечники	1	—	—
Игрушечники	52	—	—
Каменщики	14	—	—
Красильщики	15	1	4
Маляры	17	8	—
Печники	11	3	2
Трубочисты	4	—	—
Штукатуры	15	—	—
Стекольщики	2	—	1
Обработка льна	28	—	—
Кулевщики	15	—	—

	Мастера	Подмастерья	Ученики
Табачники	3	—	—
Переплетчики	18	3	4
Шорники	9	—	2
Скорняки	25	11	2
Кожевники	1	—	—
Гребенщики	26	—	—
Цирюльники	6	—	—
Парикмахеры	3	—	—
Типографщики	—	60	—
Живописцы	12	2	13
Граверы	1	—	—
Иконописцы	2	1	—
Фотографы	4	—	4
Делатели скрипок	3	—	—
Делатели фортепиано	1		—
Садовники	1	—	—
Извозчики	220	—	—
Водовозы	11	—	—
Бурлаки	1	—	—
Коновалы	3	—	—
Итого	2:29[1]	496	242

новое искусство и вскоре стали открывать в Вятке собственные мастерские по изготовлению мебели[2].

Производство каповых изделий проникло в Вятку из г. Слободского, где в 1820-х годах стали приобретать известность изделия мастерской мещанина Г. Макарова, который работал вместе со своим сыном. Вятский мещанин Н. М. Бронников уже не первой вятской губернской выставке 1837 г. экспонировал сделанные им из капа карманные часы[3].

Переплетное дело возникло в Вятке в 1820-х годах. Зачинатели его—вятские старожилы братья А. Я. и К. Я Блиновы. Собственными усилиями оба брата овладели искусством изготовления переплетов, по изяществу не уступавшим изделиям столичных мастеров. Они же по-

[1] В Памятной книжке, из которой взяты эти сведения, значится другой итог числа мастеров (2103), который не соответствует сумме частных цифр.

[2] «Столетие Вятской губернии», т. I, стр. 165.

[3] М. П. Шатров. Кировские кустари, Киров, 1938, стр 15—18; «Столетие Вятской губернии», т. I, стр. 167.

ложили в Вятке начало изготовлению футляров, портфелей, бумажников и рам для картин. Изделия их экспонировались на первой вятской губернской выставке 1837 г. Ученики братьев Блиновых продолжали и развивали это дело, открыв собственные мастерские[1].

Производство игрушек развилось в Дымковской слободе (заречной части г. Вятки). В конце XVIII в. жители слободы занимались гончарным промыслом. Когда они перешли к производству игрушек — точно установить не удалось, но, по-видимому, в начале XIX в. Они лепили из глины шары, свистульки, кукол (барынь в кринолинах, кормилиц с ребенком на руках, наездников в шляпах или картузах). Особенно интересен изобретенный ими способ раскрашивания своих изделий: игрушка белилась мелом, растворенным в кислом молоке, раскрашивалась красками, разведенными на яичном желтке с кислым квасом или уксусом. Сверху на игрушку накладывались небольшие кусочки сусального золота. В результате получалась яркая, цветистая, блестящая игрушка. Для детей она становилась в полном смысле слова драгоценностью. Вначале дымковцы не особенно заботились о сходстве игрушки с натуральным предметом: корову или лошадь, например, они красили в малиновый или зеленый цвет, вместо глаз вставляли две бляхи сусального золота[2].

В 1840-х годах дымковский штукатур-сезонник И. П. Караваев положил начало выделке игрушек из алебастра. Вылепив из глины несколько птичек (по местному выражению «п·ток»), он отлил по ним несколько форм, в которых и начал делать игрушки, а затем и наглядные школьные пособия. За свою жизнь он создал до 12 тысяч форм для отливки наглядных учебных пособий и различных художественных изделий[3].

Типографское дело стало известно в Вятке с 1786 г., с момента открытия первой типографии при Губернском (наместническом) правлении. Первоначально типография выполняла лишь заказы местных административных учреждений. В XIX в. стали открываться и частные типо-

---

[1] «Столетие Вятской губернии», т. I, стр. 165—166.

[2] А. И. Деньщин. Вятская глиняная игрушка в рисунках, М., 1917, стр. 15—16.

[3] М. Н. Шатров. Кировские кустари, стр. 72—74.

графии. В 1839 г. была открыта типография Блиновых. она первоначально работала лишь на станках, но вскоре приобрела и печатную машину[1]. В 1854 г. появилась типография Пасынкова; в 1857 г. — типография Анисимова. В 1864 г. во всех типографиях работало до 60 человек. Частные типографии выполняли заказы не только местные, но и для других городов.

О положении ремесленников, их подмастерьев и учеников в рассматриваемое время сохранилось очень мало сведений. «Ремесленное положение», утвержденное еще в 1785 г., требовало, чтобы мастер обходился с подмастерьями кротко, не требовал от них работы не по ремеслу, учил бы порядком, не наказывал без причины. Подмастерья также должны были наставлять учеников кротко, обходиться с ними мирно и тихо. Без законных причин хозяин не должен был увольнять учеников. Подмастерье, проработав три года у мастера, имел право сделаться мастером, если ему исполнилось 24 года. Ученик обучался ремеслу от 3 до 5 лет.

Работали ремесленники 6 дней в неделю, за исключением двунадесятых праздников. Рабочий день считался с 6 часов утра до 6 часов вечера, в том числе полагалось полтора часа на завтрак и полтора часа на обед. За прогул рабочих часов провинившийся платил пени. Ремесленное положение предоставляло подмастерьям право избирать из своей среды подмастерского выборного и двух поверенных, заявления которых обязана была выслушать ремесленная управа данного цеха[2].

Но как же на самом деле осуществлялось в г. Вятке это положение по отношению к подмастерьям и ученикам? Как подмастерские выборные исполняли свои обязанности в отношении своих избирателей? Сведений об этом найти не удалось.

Приведенные выше сведения о количестве ремесленников 1864 г. имеют для нас еще то значение, что заключают в себе кое-какие данные об организации ремесла в Вятке. Из них видно, что некоторые ремесленники стали обращаться уже к наемному труду: в Вятке в 1864 г. насчитывалось уже свыше 700 наемных ремесленных рабочих (подмастерьев и учеников). Правда, немало было и

[1] «Вятские губернские ведомости». 1848, № 43.
[2] ПСЗ, т. XXII, № 16188, стр. 369—379.

таких ремесленников, которые не пользовались наемным трудом и работали одиночками, но во всяком случае капитал уже начал проникать и в ремесло.

Крупных мастерских до 1861 г. в Вятке мы еще не видим. Единственным исключением является сапожная мастерская, организованная здесь в 1855—1856 гг. Но появление этой мастерской было вызвано чрезвычайными обстоятельствами: во время Крымской войны казной были сделаны большие заказы на изготовление солдатской обуви. Вначале сапожники выполняли эти заказы на своих квартирах (в городе или в деревнях), а потом была устроена сапожная мастерская в Вятке, в купеческом доме Репина (в этом доме, значительно расширенном и надстроенном, ныне помещается педагогический институт им. В. И. Ленина). Зарабатывали сапожники в этой мастерской по тому времени хорошо: до 4 руб. в неделю на одного работника.

б) Фабрично-заводская промышленность[1]

Ко времени преобразования Хлынова в губернский город Вятку здесь был только один завод (кожевенный) и несколько купеческих салотопен. Завод скоро был ликвидирован (в ведомости за 1794 г. он уже не значится), салотопни же продолжали существовать. Три салотоп-

---

[1] Основой для характеристики состояния фабрично-заводской промышленности г. Вятки служат данные о фабриках и заводах, которые представлялись через канцелярию губернатора в Департамент торговли и мануфактур. Однако департамент не установил, что следует считать фабрикой или заводом (при каком числе рабочих и при какой сумме производства) и это, как известно, привело к большому разнобою в общерусской статистике. Во многих местах в число фабрик и заводов попали кузницы, мельницы-ветрянки и пр. В Вятке в число фабрик и заводов включались иногда предприятия с очень небольшим числом рабочих (менее 5 чел.). Даже в 1856 г. числился стеариново-свечной завод с 2 рабочими, правда, с общей суммой продукции свыше 28 тыс. руб.

«Само собой разумеется, — говорит В. И. Ленин, — что столь мелкие заведения (в среднем на одно заведение приходится немного более 3-х рабочих и менее 500 руб. производства) нелепо считать фабриками, и что о сколько-нибудь полной регистрации их не может быть и речи» (Соч., т. 3, стр. 401).

ни — Злыгостева и Репина (возникшие в 1782 г.) и Калинина (возникшая в 1784 г.) в документах называются даже заводами.

После 1780 г. вятские купцы начинают уже в большом размере обрабатывать местное сырье, но организуют эту обработку вне Вятки. Так, например, Калинин устроил кожевенный завод в с. Макарье (в 3-х верстах от Вятки). Завод был неплохо оборудован: здесь были устроены 3 дубни (12 х 6 сажен каждая), 3 строгальни (8 х 4 сажени), сарай для склада кож (9 х 6 сажен), сарай для сушки кож (12 х 5 сажен), сушилка для варки мездрильного клея (10 х 4 сажени), 3 овина для сушки кож, погреб, сарай с чаном для варки клея (8 х 4 сажени), амбар (5 х 4 сажени), изба для «растопки кож» (6 х 6 сажен), толчея с двумя валами, приводимыми в действие водой, мукомольная мельница с 2 амбарами и 3 действующими поставами, 2 амбара для склада материалов и хлеба, дом (6 х 4 сажени), изба с отделениями для рабочих, конный и скотный дворы (12 х 6 сажен), кузница (3 х 2 сажени). На заводе было 113 чанов. Рабочих — 55 человек.

Завод вырабатывал юфть четырех сортов: 1) красная («добротою толще, выделкою мягче, выстроганием гладкая, цветом красная, без подрезей, бахтармою белая»), 2) красная же, но с пятнами («суховатая, отделкою хуже, с отвердинами, краскою темнее и недошлая, бахтармою красноватая»), 3) «немецкая розваль» (не очень мягкая, с дырками, с подрезями и трещинами), 4) «домашняя розваль» (плохой выделки, суховатая, с подпаринами, без личины, более темной окраски). В 1794 г. завод отправил в Архангельск 4800 пудов красной юфти, в 1796 г. — 5332 пуда, в 1804 г.— 1989 пудов, в 1805 г. — 1420 пудов[1]. С 1812 г. завод, видимо, прекратил свое существование.

В том же 1812 году купец Калинин организовал в с. Макарье выработку стеклянной посуды. Была устроена

В сведениях, представлявшихся в Департамент торговли и мануфактур, не всегда указывалось число рабочих, а в «всеподданнейших» отчетах вятского губернатора первой пол. XIX в. показывалось лишь число заводов (без указания числа рабочих и суммы производства).

[1] «Вятская жизнь», 1923, № 4, стр. 56—57; КИА, дело Канцелярии вятского губернатора, 1805 г., № 177.

гута[1] длиной 12 сажен, в ней — мастерская печь, две каменницы, дровосушильня, печь для обжига, разводная и сарай для склада стеклянных вещей и материалов. На заводе работало 8 мастеров (главным образом из Владимирской губернии), 1 горшечник и 14 чернорабочих. В 1812 г. завод дал продукции: 40 864 штофа, 55 030 полуштофов, 9950 бутылок разного размера. Материал для работы — еловый, осиновый и соломенный пепел и мыльный подзол покупался в Вятском, Слободском и Нолинском уездах, а поташ — в Казани. В 1815 г. завод, видимо, прекратил работу и возобновил ее уже в 1820 г.[2]

Другой вятский купец (Филат Рязанцев) в 1784 г. устроил бумажную фабрику на р. Косе, притоке р. Чепцы, в 92 верстах от г. Вятки. По тому времени фабрика была оборудована довольно прилично: имелись 2 рольных амбара (на 7 сажен каждый), 2 черпальные (на 12 сажен каждая), 1 подкормный (на 12 сажен), 1 клейный (на 6 сажен), 2 амбара для материалов и хлебных запасов (на 25 сажен), 1 молотовая (на 6 сажен), столярная (на 5 сажен), трехэтажные сушильные сараи (на 140 сажен), дом с белыми покоями (на 8 сажен) и 25 изб (на 4—6 сажен каждая) для жилья мастеровых и рабочих. В 1804 г. на фабрике было 145 вольнонаемных рабочих из государственных крестьян, в том числе мастер, формоплотчик, 8 рольщиков, 56 черпалов, 40 браковщиков, столяр, кузнец и 34 человека чернорабочих[3]. Через 37 лет, в 1841 г. число рабочих увеличилось до 514 человек (в том числе 1 мастер, 385 мастеровых и 128 чернорабочих). На фабрике вырабатывалась бумага пяти сортов. В 1784 г. было выработано 4080 стоп, в 1796 г.— 4143, в 1804 г.— 9610 и в 1805 г.— 9009 стоп[4].

В 1786 г. женой вятского чиновника Безрукова была устроена бумажная фабрика на р. Медянке (приток р. Вятки). Безрукова еще ранее купила у чиновника Бодарева Никольскую писчебумажную фабрику (в с. Бах-

---

[1] Гута — здание со стеклоплавильной печью. (Слов. Брокгауз и Ефрон, полутом 18, стр. 937).

[2] КИА, дело Канцелярии вятского губернатора, 1813 г., № 26; 1820 г., № 131.

[3] «Вятская жизнь», 1923 г., № 4, стр. 65—66; КИА, дело Канцелярии вятского губернатора, 1805 г., № 177.

[4] КИА, дело Канцелярии вятского губернатора, 1849 г., № 313.

та, в 15 верстах от г. Вятки), устроенную еще в 1760 г. секретарем Хлыновской провинциальной канцелярии Аверкием Перминовым. В 1791 г. обе фабрики (Медянская и Бахтинская) были куплены вятским купцом Машковцевым, который на Медянской фабрике стал производить черпание и сушку бумаги, а на Бахтинской — отделку этой бумаги, оклейку, битье молотами, браковку и увязку в стопы.

К работе на обеих фабриках были привлечены крепостные крестьяне и вольнонаемные, причем на Никольской (Бахтинской) фабрике работали и малолетние крепостные дети. На Медянской фабрике общее число рабочих в первую половину XIX в. колебалось около цифры 60. На Бахтинской фабрике численность рабочих постепенно возрастала. В 1808 г. рабочих было 71 (вместе с малолетними), в 1847 г.— 117. Продукция сбывалась на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, а также отправлялась в разные города по особым заказам[1].

Следует еще упомянуть, что Машковцев же в 1806 г. купил у чиновника Амосова Талицкий винокуренный завод, находившийся в 5 верстах от г. Вятки. Рабочих на заводе числилось в 1833 г. 90, в 1836 г. —98, в 1849 г.— 70. В 1833 г. завод выработал 170 246 ведер водки, в 1849 г.— 53 677 ведер (по контракту с Вятской казенной палатой)[2].

В начале XIX в. предпринимаются кое-какие попытки к устройству заводов и в самом городе Вятке. В 1808 г. Приказ общественного призрения устроил было за городом, в бывшем губернаторском доме, на нынешней площади Революции, суконную фабрику для выработки сукон для солдат, но так как в это время, по случаю войны с Наполеоном, цены на материалы стали возрастать, производство сукна оказалось невыгодным и в 1811 г. фабрика была закрыта[3].

В 1803 г. в г. Вятке существовал мыловаренный завод (мещанина Репина), в 1831 г. появился воскосвечный за-

---

[1] КИА. дела Канцелярии вятского губернатора. 1820 г., № 150; 1849 г., № 313.

[2] То же, 1833 г., № 322; 1836 г., № 140 (по описи Самойлова); 1849 г., № 313 (по описи Караваева № 87).

[3] «Столетие Вятской губернии», т. I, стр. 344; КИА, дело Канцелярии вятского губернатора, 1813 г., № 26.

вод (купца Овечкина); в 1836 г.—маслобойный завод с 13 рабочими. В 1844 г. в перечне заводов по г. Вятке значатся два кожевенных завода (Поскребышева и Деньгина). Первый завод вырабатывал черную юфть и подошвенную кожу, а второй не функционировал[1]. После 1844 г. в Вятке появился спичечный завод бывшего аптекаря К. Мойке. В документах он называется химической лабораторией. По словам сына Мойке, завод функционировал около 10 лет и продавал свою продукцию дорого (по 10 коп. за коробку)[2]. В деле Канцелярии вятского губернатора за 1849 г. завод показан нефункционирующим[3].

В отчете за 1848 г. кроме двух кожевенных заводов Поскребышева и Деньгина, упоминается мыловаренный завод Ершова. Он имел, кроме мастера, 3—4 рабочих и вырабатывал до 2 тысяч пудов мыла (на сумму до 5 тысяч рублей). Помещался он в деревянном здании (10 x 10 сажен) с двумя отделениями и имел 2 котла. Сырье для него приобреталось в г. Архангельске (тюлений жир) и в г. Вятке (говяжье и свиное сало, соль, поташ и шадрик)[4].

В 1850-х годах число заводов в Вятке возросло. В 1854 г. купец Хлебников построил два завода — сальносвечный и мыловаренный и воскосвечный[5]. В 1856 г. в Вятке функционировали заводы: 2 сальносвечных (Пересторонина и купчихи Лаптевой), 2 мыловаренных (тех же лиц), 1 клееваренный (мещанина Казенина), 2 кожевенных (Поскребышева и Лаптевой), 2 воскосвечных (Овечкина и Чарушина) и 1 пивоваренный (конторы Вятского откупного комиссионерства). Заводы были очень невелики. Все вместе они имели 62 рабочих и дали продукции на 70 800 рублей по тогдашним ценам[6].

Итак, в течение рассматриваемого периода (1780—1861 гг.) фабрично-заводская промышленность в Вятке

---

[1] КИА, дело Канцелярии вятского губернатора, 1844 г., 21; 1843 г., № 547 (по описи Вентомова).

[2] Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, т. XI, С.-Пб., 1884, стр. 264.

[3] КИА, дело Канцелярии вятского губернатора, 1849 г., № 313.

[4] Там же.

[5] «Столетие Вятской губернии», т. I, стр. 172.

[6] «Памятная книжка Вятской губернии» на 1860 г., стр. 299.

находилась еще в зачаточном состоянии. Заводов было мало, количество рабочих на них незначительно, работы производились ручным способом. Число заводов не было постоянным, устойчивым: то часть заводов на время приостанавливает работу, то совсем прекращает ее. Вот, например, как колебалось количество заводов в Вятке в сороковых годах XIX в.: в 1845 г. их было 2, в 1846 г.— 6, 1847 г.— 4, 1848 г.—3, 1849 г.— 2[1].

в) торговля

Как известно, грамотой Екатерины II российским городам от 21 апреля 1785 г. было установлено деление всех купцов на три гильдии (вместо прежних двух). К первой гильдии отнесены были купцы, объявившие у себя капитал от 10 до 50 тысяч рублей, ко второй гильдии — купцы с капиталом от 5 до 10 тысяч рублей и к третьей — купцы с капиталом от 1 до 5 тысяч рублей. Купцам первой гильдии было предоставлено право торговать со всеми российскими портами и с иностранными государствами; купцы второй гильдии могли отправлять товары к Архангельскому порту, а купцам третьей гильдии предоставлялось право торговать только в своих городах[2]. Мещанам разрешалось производить мелочной торг.

В 1786 г. вятские купцы распределялись по этим трем гильдиям следующим образом: в первой гильдии значились 9 купеческих домов, во второй —15 и в третьей — 60. Из 548 мещанских домов г. Вятки имели какой-либо торг 112 домов (или 19 процентов общего количества их), в частности, 52 торговали калачами, 18 — хлебом, 19 — разными съестными припасами, 10 — мясом, 2 — рыбой и 11 — мелочными товарами. В 1800 г. в Вятке насчитывалось около 100 лубочных балаганов для продажи калачей, булок и пряников, в 1803 г. был устроен каменный гостиный ряд с 113 лавками. В дальнейшем число лавок

[1] Отчеты вятского губернатора за эти годы имеются, между прочим, в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ) в архивном фонде Комитета министров в так называемых приложениях к журналам Комитета министров.

[2] ПСЗ, т. XXII, № 16188.

увеличилось. В 1813 г. было 164 лавки, в 1836 г.—173 и в 1856 г.—9 магазинов и 219 лавок (164 каменных и 55 деревянных). Изменилось число питейных заведений: в 1780 г. их было 14, в 1815 — 20, в 1838 — 6 трактиров, в 1841 г.—5 трактиров[1].

Экспортная торговля вятских купцов в этот период устремлялась, главным образом, к г. Архангельску. Для нее здесь в начале XIX в. открылись довольно широкие перспективы. Как известно, Наполеон I для подрыва английской торговли установил с 1807 г. так называемую континентальную блокаду, закрывшую для английских кораблей европейские порты. Архангельск оказался единственным пунктом, куда англичане (под американским флагом) могли проникать за русскими товарами. К тому же неурожаи хлеба в Западной Европе с 1812 по 1839 г. создали в Архангельске усиленный спрос на русский хлеб.

Но вятские купцы не сумели в полной мере воспользоваться создавшимися благоприятными обстоятельствами. Причиной этому было неудобство пути от Вятки до р. Северной Двины и отсутствие дешевого торгового кредита.

От Вятки до пристани на р. Лузе товары отправлялись обычно зимой, но санный путь от непрерывного движения возов с товарами очень скоро портился, покрывался рытвинами и ухабами. Сплав грузов по р. Лузе до Северной Двины на протяжении 350 верст был связан с большим риском. Один из участников торговли того времени с Архангельском вятский купец Клепиков так писал об этом сплаве: «Луза — река лесная, не широкая, с крутыми берегами. Весной берега подмывает и лес сваливается в реку. Вследствие этого много барок убивалось, много также страдали они от подводных камней и крутых поворотов этой реки»[2]. При гибели барок возникали осложнения с рабочими, доходившие иногда до «рабочих бунтов», как говорит тот же Клепиков. Вследствие этой опасности перевозки товаров значительно удорожались.

---

[1] «Столетие Вятской губернии», т. I. стр. 175—176; В. П. Юрьев. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II, Вятка, 1885, стр. 76—83.

[2] К. И. Клепиков. Сборник статей вятского старожила, Вятка, 1899, стр. 14.

В 1847 г. по ходатайству купцов — вятских и, вероятно, архангельских, главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями в России командировал инженера Черепанова для исследования кратчайшего пути от городов Вятки, Слободского и Орлова к трем лузанским пристаням —Ношульской, Быковской и Подосиновской. Черепанов предложил проект проведения трактовой дороги до пристани Ношульской. Стоимость постройки этой дороги была определена им в 16 000 рублей. Вятская строительная комиссия ассигновала эту сумму по смете губернских земских повинностей. Губернатор затребовал от городских голов гг. Вятки, Слободского, Орлова и Котельнича отзывы (как личные, так и местных купцов) о том, с какой именно пристанью целесообразнее было бы соединить вятские города. Отзывы были присланы, но оказались весьма неодинаковыми и вопрос не сдвинулся с мертвой точки[1].

Вятский купец Клепиков в своих записках рассказывает также, что в 1850-х годах вятские купцы соглашались было составить компанию на акциях для исправного содержания дорог к пристаням. Написали об этом в Главное управление путей сообщения и публичных зданий (в С.-Петербург), но ответа оттуда, видимо, не было получено.

Не менее значительным тормозом для вятской торговли было отсутствие дешевого кредита. Грамотой 1785 г. правительство предоставило российским городам право своими добровольными складками составлять особые суммы и употреблять их по своему особому согласию[2]. В 1786 г., после учреждения в С.-Петербурге Заемного банка было ассигновано 11 миллионов рублей на раздачу городам займообразных ссуд сроком на 22 года, но Вятка, как впрочем и другие города империи, не сумела воспользоваться предоставленными возможностями, не составила никаких оборотных сумм и не взяла ссуды в целях удешевления торгового кредита.

Потребность в кредите удовлетворялась здесь первобытным способом: займами у частных лиц, которые допускали при этом большие злоупотребления, разоряв-

---

[1] Сборник постановлений Вятского губернского земства за 25-летие (1867—1892), т. V. Вятка, 1895, стр. 220.
[2] ПСЗ, т. XXII, № 16188.

шие должников. Так, вятский купец П. Р. Рязанцев, одолжавший ссуды разным лицам под крепостные заемные письма, в своем духовном завещании заявил своим наследникам, что многие крепостные письма, хранящиеся у него, «писаны в займу вдвое в давних летах, и по иным были уплаты, и в забвении нашем на них платежи не подписаны, а иные и не выданы»[1]. Так поступал, разумеется, не один Рязанцев. Словом, купцу в трудную минуту жизни не так легко было найти денежную ссуду, и обходилась она ему довольно дорого. Все это вело к банкротству.

К концу XVIII в., в течение семи только лет (1789—1796), в Вятке объявили себя несостоятельными 43 лица. Вятский магистрат обычно отдавал банкротов кому-нибудь из вятских же обывателей в услужение с обязательством погасить денежные долги из его заработной платы. Это называлось тогда «отдавать в зажив». Так, в 1789 г. мещанин Д. Суетин за долг в 1451 руб. 20 коп. был отдан в зажив заседателю Петру Карякину на 60 лет из платы по 24 руб. в год, Иван Киреев за долг в 1035 руб. 79 коп. был отдан в зажив архангельскому купцу И. Ласкину из платы по 25 руб. в год до 1833 г., т. е. на 42 года. Купеческий сын Савватий Репин 24 лет, задолжавший 2341 руб. и не пожелавший уплачивать этот долг своим кредиторам личной службой у них (из расчета 180 руб. в год), был сдан купцу Калашникову за 30 руб. в год (т. е. почти на 78 лет), когда же купец Калашников отказался держать Репина у себя, то магистрат попытался устроить его на винокуренном заводе, а затем передал его секретарю магистрата Шкляеву «в зажив» на 195 лет(!!)[2].

В 1796 г. сенатор Маврин, ревизовавший Вятскую губернию, запросил о причинах столь частых банкротств. В ответ на этот запрос, вятский городской голова Машковцев писал, что для пользы дела было бы более целесообразным отдавать должников на городовую работу (на устройство мостов, прокладку новых улиц, выполнение караульной службы, тушение пожаров) или даже в военную службу. Но, конечно, это не было решение

---

[1] А. С[п и ц ы н]. История рода Рязанцевых. Вятка, 1884, стр. 17.

[2] В. П. Ю р ь е в. Вятка в царствование Екатерины II, стр. 120, 134, 135.

вопроса по существу. Лет через 15 после этого купец города Слободского Анфилатов, выходец из крестьян, осуществил более кардинальную меру к предупреждению банкротств, учредив в своем городе первый в России городской банк. Устав этого банка правительством был рекомендован всем русским городам в качестве образцового. Однако вятские купцы не последовали примеру Анфилатова и не придумали ничего другого для удешевления столь нужного для них кредита.

Вследствие больших неудобств в отправке товаров к Архангельску, а также из-за отсутствия дешевого кредита, вятским купцам становилось все труднее вести самостоятельную торговлю с Архангельском. Они предпочитали быть комиссионерами более богатых купцов — архангельских и великоустюжских и полуиностранной фирмы «Торговый дом Брандта», возникшей в Архангельске в 1820-х годах. Когда же началось регулярное пароходное движение по рр. Вятке и Каме с 1840 г., оно удешевило отправку товаров к портам Балтийского моря, и торговля Вятки с Архангельском захирела и свелась почти на нет.

Все это создавало неустойчивость в вятской торговле и отражалось на вятском купечестве. Правда, в купеческие гильдии записывались новые лица (из крестьян и мещан). Однако общее число вятских купцов за рассмотренный период мало увеличилось, а число купцов первой и второй гильдий даже уменьшилось. Об этом свидетельствуют следующие цифры[1]:

Годы	Число купцов города Вятки:			Итого
	1 гильдии	2 гильдии	3 гильдии	
1798	3	14	42	59
1807	2	15	52	69
1836	4	5	61	70
1856	2	6	66	74

Одни лица вписывались в гильдии, другие по причине неудачи в торговле выбывали из купеческих рядов.

[1] «Столетие Вятской губернии», т. I. 176—177; КИА, дело Вятского городского магистрата, 1807 г., № 3.

После этого понятны те строки, которые уделяет вятским купцам бессмертный сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин, проживший в городе Вятке 7½ лет (1848—1855).

«Купечества в Крутогорске (т. е. в Вятке — П. Л.),— пишет он,— нет: коли хотите, проживают в нем так называемые негоцианты, но они пробубнились до такой степени, что кроме ношебного платья и неоплатных долгов ничего не имеют. Сгубила их неосновательность рассудка да пристрастие к пиджакам и крепким напиткам. Пробовали было они, поначалу, когда деньги еще кое-какие водились, на свой капитал торговать,— да нет, не спорится!.. Пробовали они и на комиссию закупы разного товару делать — и тут оказались провинности: купит негоциант щетины да для коммерческого оборота в нее песочку подсыплет, а не то хлебца такого поставит, чтоб хрусту побольше ощущалось — отказали и тут»[1].

Управление

После преобразования Хлынова в главный город Вятского наместничества в нем чрезвычайно расширился административный аппарат. Появились новые учреждения: Правление, Казенная палата (для заведования финансами и государственными имуществами), Приказ общественного призрения (для заведования земским хозяйством, больницами и богадельнями). Возник ряд судебных учреждений: Палата гражданских дел, Палата уголовных дел, Верхний земский суд (для дворян), губернский магистрат (для купцов и мещан), Верхняя расправа (для государственных крестьян), Совестный суд для разбора преступлений, совершенных безумцами или малолетними, Уездный суд (для дворян), Городовой магистрат (для купцов и мещан), Нижняя расправа (для государственных крестьян), Уездное казначейство. В 1872 г. была учреждена Управа благочиния (полицейское учреждение), в 1783 г. появился почтамт (преобразованный в 1831 г. в Губернскую почтовую контору).

---

[1] М. Е. Салтыков-Щедрин, Губернские очерки, Полное собрание сочинений, изд. 5-е, т. 3, С.-Пб., 1905, стр. 9—10.

Реформой Павла I наместничества были преобразованы в губернии и в губернских городах ряд учреждений был закрыт (Верхний земский суд, Верхняя расправа, Губернский магистрат, Нижняя расправа). Те же перемены произошли и в Вятке. В 1797 г. здесь была учреждена Удельная экспедиция для заведования бывшими дворцовыми крестьянами части Вятской губернии. Другая часть дворцовых крестьян была отдана в заведование Сарапульской удельной экспедиции.

В 1798 г. в Вятку был назначен особый обер-форштмейстер для заведования всеми казенными лесами Вятской губернии. В 1799 г. в Вятке учреждена должность полицмейстера и назначено по одному приставу в обе полицейские части города. В 1804 году в Вятку была переведена из Казани Межевая контора (для генерального размежевания всей губернии). В 1808 г. Удельные экспедиции Вятской губернии преобразованы в Удельные конторы и изъяты из ведения местного губернатора. В 1825 г. Вятка получила вторую Уголовную палату — для скорейшего окончания судебных дел, возбужденных сенаторской ревизией Вятской губернии в 1824 г. В том же году учреждены две должности чиновников особых поручений при вятском губернаторе.

В 1835 г. в Вятке, как и во всех губернских городах, был открыт Губернский статистический комитет для выполнения статистических работ по Вятской губернии. С 1 июля 1839 г. в связи с реформой Киселева (образованием нового Министерства государственных имуществ) заведование государственными имуществами и государственными крестьянами Вятской губернии было изъято из ведения Казенной палаты и передано вновь учрежденной Палате государственных имуществ[1].

Такое обилие вновь возникших административных учреждений на первых порах поставило Вятку в большое затруднение и причиняло немало бед населению. Дело в том, что вследствие чрезвычайно слабого развития в Вятской губернии образования в предшествующий период, в ней почти не оказалось лиц, достаточно подготовленных для чиновничьей службы. Единственное в Вятке учебное заведение — семинария весьма неохот-

---

[1] «Столетие Вятской губернии», т. I, стр. 270, 273, 291, 293, 342, 384; т. II, стр. 422, 449.

но отпускала своих учеников на гражданскую службу.

Главное народное училище с пятилетним курсом, учрежденное в Вятке в 1786 г., на первых порах выпускало ничтожное количество окончивших полный курс, некоторые из них (например, купеческие дети) не шли в чиновники. Словом, в Вятке неоткуда было брать людей в чиновнический аппарат. Правительство пыталось привлечь в Вятку чиновников из других губерний, для чего установило выдачу приезжим лицам годового оклада не в зачет жалованья и двойные прогоны до Вятки с обязательством прослужить здесь не менее трех лет. Но эти меры мало помогли: в Вятку приезжали часто такие чиновники, которые считались непригодными у себя на родине, или лица еще совершенно неопытные в чиновничьей службе. В течение всей первой половины XIX в. вятские губернаторы и в годовых отчетах, и в специальных рапортах царю, и, наконец, в докладных записках в Министерство внутренних дел жаловались на отсутствие в Вятке хорошо подготовленных к своему делу чиновников[1]. «Вятская губерния, удаленная от сердца России и лежащая в стороне от всех больших сообщений государства, представляется как бы забытой правительством»,— писал Николаю I губернатор Мордвинов в своем отчете за 1841 г.[2]

Но это лишь одна сторона дела. Гораздо хуже было то, что мало пригодные к деловой службе чиновники проявляли большие способности к получению «безгрешных доходов». В отдаленной Вятке, правда, и прежде не блиставшей честностью приказных людей, новые губернские чиновники на почве служебных дел создали форменное ограбление населения. В среде их появились даже поговорки: «Вятка — золотая матка» или «Вятка — золотое дно».

Шесть сенаторских ревизий, произведенных в Вятской губернии в 1796—1824 гг., вскрыли здесь яркую картину чиновничьего хищничества; много мелких и крупных чиновников после ревизии было отстранено от

---

[1] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, Приложение к журналам Комитета министров за 1828 г., № 514; 1842, № 1478; «Столетие Вятской губернии», т. II, стр. 471—472.

[2] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, Приложение к журналам Комитета министров за 1842 г., № 1478.

службы и отдано под суд. Но дело от этого мало улучшилось. Жившие в Вятке в качестве политических ссыльных А. И. Герцен (1835—1837 гг.) и М. Е. Салтыков-Щедрин (1848—1855 гг.) в своих литературных произведениях рассказывают, что взяточничество в Вятке продолжалось и в их время[1]. В 1850-х годах в Министерство юстиции было прислано неизвестным лицом «сатирическое объявление» о том, как управляющий Вятской палатой государственных имуществ при содействии губернатора продавал чиновнические места за подарки и взятки[2].

Помимо правительственных учреждений, установленных Общим губернским положением 1775 г., в Вятке в рассматриваемый период появилось выборное учреждение для заведования делами города — именно Городская дума. Состав, характер работы и бюджет Городской думы были установлены особой грамотой Екатерины II всем русским городам от 21 апреля 1785 г.[3] Грамота предоставляла жителям всех городов России право составлять из себя «Общество градское». Все жители каждого города предварительно были разделены на 6 разрядов или групп:

I. «Настоящие городовые обыватели» — лица, имеющие в городе недвижимое имущество (дом или иное строение или землю);

II. Купцы, записанные в гильдии;

III. Ремесленники, записанные в цеха;

IV. Иногородние и иностранные купцы,

V. Именитые граждане, которые в свою очередь делились на 7 подразделений: 1) лица, отслужившие вторично выборную службу в городе, 2) ученые, 3) художники всех художеств, 4) «капиталисты» с капиталом свыше 50 000 руб., 5) банкиры с капиталом от 100 000 до 200 000 руб., 6) торговцы оптом, 7) хозяева кораблей, отправлявшие корабли за море;

---

[1] А. И. Герцен, Былое и думы. Полное собрание сочинений, под редакцией М. К. Лемке, т. XII, С.-Пб., 1919, стр. 254—315. М. Е. Салтыков-Щедрин, Губернские очерки. Полное собрание сочинений, т. III, изд. 5-е, С.-Пб., 1905, стр. 5—467.

[2] Соответствующий документ опубликован мной в «Кировской правде» за 1934 г., № 286.

[3] ПСЗ, т. XXII, № 16188.

Рис. 9. Приезд в Вятку ссыльного Салтыкова-Щедрина. Картина художника Л. Потехина.
Кировский областной музей краеведения.

VI. Посадские — лица, занимающиеся мещанским промыслом и не попавшие ни в одну из предыдущих пяти групп.

Все эти шесть групп граждан и составляли «Общество градское». «Общество градское» в каждом городе должно было собираться для выбора на три года «городского головы» и других должностных лиц. Кроме того, все члены «Общества градского» собирались по группам для выбора от каждой группы гласных (депутатов) «Общей городской думы» на три года. Общая городская дума избирала от каждой из шести групп городских жителей по одному представителю в Шестигласную думу. Председателем Общей и Шестигласной дум был городской голова. Городская дума заведовала делами города: Общая городская дума собиралась для решения более важных дел, Шестигласная дума занималась текущими делами и должна была собираться каждую неделю раз, а в случае надобности и чаще.

На Городскую думу правительство возлагало заботы: о продовольствии жителей; о привозе в город всего того, «что может служить ко благу и выгодам»; наблюдение за прочностью публичных городских зданий, заведение площадей (для торговли), пристаней, амбаров, магазинов и т. д.; увеличение доходов на пользу города; разрешение сомнений и недоумений по ремеслам и гильдиям. Дума должна была, кроме того, охранять жителей города от ссор и тяжб, «поддерживать между ними мир и доброе согласие, возбранять все, что противно доброму порядку и благочинию». На расходы Думы правительство предоставило в каждом городе один процент с прибыльной суммы питейного дохода, доходы с мест, отдаваемых под мельницы и под рыбные ловли, штрафные деньги с купцов и мещан и выморочное имущество.

В Вятке городовое положение было введено лишь через семь лет после его опубликования, причем в Городскую думу были избраны лишь представители от трех разрядов населения (за отсутствием в Вятке остальных разрядов). Предоставленные Вятской Городской думе источники доходов давали сравнительно небольшую денежную сумму. К половине XIX в. бюджет Думы равнялся всего 13 300 руб., и поэтому она была лишена воз-

можности развернуть свою работу в более или менее широких размерах[1].

Согласно жалованной грамоте дворянству от 1785 г. Вятка должна была организовать дворянские учреждения — Вятское дворянское уездное и губернское собрания, которые периодически должны были избирать вятского уездного и вятского губернского предводителя дворянства. Но дворяне, владевшие землями и крестьянами в пределах Вятской губернии, оказались только в 5 округах из 12, причем на три четверти общего числа эти владельцы принадлежали к женскому полу; женщины же тогда не пользовались правом избирать и быть избранными на общественные должности. Таким образом оказалось, что почти некому было бы приезжать в Вятку на дворянское собрание и не из кого избирать предводителей и других лиц по дворянским выборам, поэтому в Вятской губернии не было организовано дворянских собраний, не было и предводителей дворянства.

Первое дворянское собрание состоялось здесь только в 1859 г., когда в России решался вопрос уже об упразднении крепостного права. Это собрание, по распоряжению правительства, должно было избрать «Губернский комитет об улучшении и устройстве быта помещичьих крестьян». Оно происходило под председательством губернатора, не принадлежавшего к дворянству Вятской губернии[2].

Участие Вятки в Отечественной войне 1812 г. и в Крымской войне 1853—1856 гг.

Вятка во время Отечественной войны 1812 г.

Как известно, в 1805—1807 гг. Россия вела войну с Францией в союзе сначала с Австрией, а затем с Пруссией. После поражения в 1806 г. прусских войск создалась опасность вторжения французов в Россию. При таких обстоятельствах Александр I 30 ноября 1806 г. издал манифест «О составлении в России повсеместного опол-

---

[1] П. Д. Голубев, Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края, Вятка, 1896, стр. 142.

[2] «Столетие Вятской губернии», т. I, отд. Вятская хроника за последние 25 лет, стр. 9—11.

чения или милиции в количестве 612 000 чел.». На Вятскую губернию выпала обязанность поставить 18 000 ратников, причем требовалось снабдить каждого ратника деньгами (3 руб.) и трехмесячным провиантом (по 6 четвериков и $4^1/_2$ гарнца муки).

В 1807 г. Александр I распорядился образовать подвижную или служащую милицию в количестве 7000 человек (по 1 ратнику с каждых 57 душ), вооружить их огнестрельным оружием, немедленно начать обучение их воинским приемам и оборотам и содержать в полной готовности, чтобы по первому приказу можно было двинуть их в поход. В 2 недели ратники Вятской губернии были собраны и разделены на 3 отделения, по 2452 человека в каждом. Одно из них было расположено в Вятке и Орлове, другое — в Котельниче, третье — в Яранске. Весной 1807 г. 5000 ратников выступили в Костромскую губернию. Но в конце сентября, ввиду заключения между Россией и Францией мирного договора (в Тильзите), выступившие в поход были возвращены и все земское ополчение ликвидировано.

Но мир просуществовал недолго. Отношения между Россией и Францией становились все более натянутыми. Оба государства начали стягивать свои войска к западной границе России. В мае 1812 г. Александр I издал распоряжение о сформировании новых 12 полков. При этом сформирование трех полков (двух Ярославских егерских и одного пехотного) было возложено на четыре губернии: Вятскую, Нижегородскую, Владимирскую и Ярославскую. Они должны были поставить рекрутов и снабдить их аммуницией и обозом с лошадьми и упряжью.

12 июня 1812 г. Наполеон более чем с полумиллионной армией вторгся в пределы России. 6 июля Александр I издал воззвание к «первопрестольной столице» (Москве) и манифест ко всем подданным о всеобщем ополчении для защиты родины. В дополнительном манифесте от 15 июля Александр I разъяснил, что к сбору ратников ополчения пока привлекаются лишь 16 губерний, в том числе и Вятская, причем ратники набираются из крепостных крестьян и заводских рабочих.

Манифест о возобновлении войны с Францией был получен в Вятке 23 июля и на следующий же день обнародован. Начался сбор ратников и пожертвований на военные нужды. В Вятской губернии было собрано ратни-

ков 830, в том числе 733 пехотинца и 97 конных. Каждый пехотинец был вооружен пикой и ружьем со штыком; конный — пикой, саблей и пистолетом. На содержание их собрано по 1 руб. с каждой ревизской крепостной души.

В октябре вятские ратники были собраны в двух городах: Вятке и Уржуме. Отсюда они были направлены в Казань для соединения с казанским ополчением. Соединенное ополчение было двинуто к западным границам государства. Остальные крестьяне Вятской губернии (государственные, удельные, экономические) были привлечены к поставке рекрутов. В 1812 г. в Вятской губернии были произведены один за другим три рекрутских набора. Кроме того, на крестьян была возложена отправка рекрутов как Вятской, так и соседних восточных губерний, перевозка команд и транспортов.

На территории России война с Наполеоном, как известно, продолжалась полгода: в половине декабря 1812 г. от громадной наполеоновской армии уцелели лишь ничтожные остатки. Но этим война не кончилась. Преследуя наполеоновскую армию, русские войска вступили на территорию Польши и Пруссии. В январе 1813 г. в России был объявлен новый рекрутский набор. В Вятской губернии он продолжался полгода и производился в 4 приема: четыре раза крестьяне привозили рекрутов на сборные пункты, забрасывая свои сельскохозяйственные работы. За границу было двинуто народное ополчение, в состав которого входили и вятские ратники и добровольцы. Они участвовали в сражениях под Дрезденом, Магдебургом, Гамбургом на положении уже регулярного войска и лишь после окончательного разгрома Наполеона были распущены по домам.

Нелегко приходилось русскому населению в годы войны с Наполеоном. Население Вятской губернии за время Отечественной войны вошло в большие долги по случаю чрезвычайных расходов: к 1814 г. податная недоимка на нем достигла свыше 7 миллионов рублей (почти годовой оклад губернии)[1].

---

[1] «Столетие Вятской губернии» (т. I, стр. 352); Материалы для истории Отечественной и освободительной войны 1812—1814 гг. по Вятской губ. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1912 г., вып. III, отд. II, стр. 1—101; К столетию Отечественной войны (1812—1912), «Памятная книжка Вятской губернии и календарь» на 1912 г., Вятка, 1912 г., стр. 17—48.

Французские военнопленные в Вятке

В Вятской губернии, так же, как в губерниях Пермской, Оренбургской, Саратовской и Астраханской, были расселены французские военнопленные. В Вятской губернии их оказалось 5851 человек. Пленные были размещены преимущественно по городам. В Вятке в декабре 1812 г. их проживало 729 человек, а в январе 1813 г.— 641 человек.

Большинство пленных составляли французы, итальянцы, австрийцы и поляки. Кроме того, были испанцы, португальцы, швейцарцы, вюртембержцы, саксонцы, баварцы, вестфальцы, пруссаки. С 1813 г. началось постепенное освобождение их из Вятской губернии.

В январе 1814 г. в Вятку был прислан французский генерал Вандам, взятый русскими в плен в Саксонии в августе 1813 г.[1] В следующем 1815 г. в Вятку был прислан один из важнейших шпионов Наполеона I — Карл Корнелиус де Варримон. К нему был приставлен караул в составе трех рядовых и одного ефрейтора. В Вятке Варримон прожил около 14 лет. На просьбу его облегчить участь переводом в разряд обыкновенных военнопленных или увеличением пособия на содержание, Александр I в 1824 г. приказал объявить ему, что «за подобные поступки, за кои он содержится, в других краях расстреливают». Однако же в следующем году Варримону было разрешено выехать из Вятки и в сентябре 1828 г. он выбыл в Нижний Новгород[2].

Вятка во время Крымской войны

Как известно, в 1853 г. началась Крымская война, продолжавшаяся до 1856 г. и окончившаяся поражением царской России. Царь Николай I начал войну против Турции в стремлении восстановить утраченные позиции на Ближнем Востоке. Вскоре в войну вступили на стороне Турции Англия и Франция. Высадив свою армию в Крыму, союзники начали осаду Севастополя, который ге-

---

[1] Труды Вятской ученой архивной комиссии, 1912 г., вып. III, отд. III, стр. 87—92; «Столетие Вятской губернии», т. I, стр. 349.

[2] Исторический вестник, 1912 г., август, стр. 615—621.

роически оборонялся русскими войсками от превосходящих сил противника в течение почти года.

29 января 1855 года Николай I обратился к населению России с призывом создать народное ополчение. В составлении ополчения приняла участие и Вятская губерния. В Вятке был создан Губернский комитет по организации ополчения. Было решено собрать 19 250 ратников (по 23 человека с тысячи ревизских душ) и распределить их на 18 дружин. Две дружины были собраны в Вятке. По недостатку дворянства в Вятской губернии в офицеры дружины назначались местные военнослужащие и гражданские чиновники. 6 декабря 1855 г. в Вятку съехались начальники и знаменщики всех дружин; в присутствии их и местной публики состоялась торжественная прибивка знамен. В начале следующего года вятское ополчение выступило в поход. Оно успело дойти только до Владимирской губернии: 5 апреля 1856 г. было издано распоряжение о роспуске ополчения по случаю заключения мира[1].

Состояние просвещения

Ко времени превращения Вятки в губернский административный центр (1780 г.) в ней было только одно учебное заведение — Славяно-Латинская школа, обслуживавшая, главным образом, детей духовенства. Учебный курс в этой школе, получившей вскоре название семинарии, постепенно расширялся. С 1781 г. введено преподавание всеобщей истории, с 1786 г.— рисования, с 1789 г.— алгебры и геометрии. С 1802 г. начато обучение языкам — немецкому и французскому, с 1809 г.— церковной архитектуре. Количество учащихся в семинарии к 1814 г. увеличилось до 770 человек. К 1795 г. семинария была переведена за город, за реку Люлюченку, где для нее было выстроено специальное каменное здание.

В 1818 г. Вятская семинария была преобразована применительно к уставу духовно-учебных заведений, утвержденному правительством еще в 1808 г. Она была разделена на два самостоятельных учебных заведения: три низших отделения, с двухлетним курсом каждое, образовали **духовное училище**, а три старших — также с двух-

[1] «Столетие Вятской губернии», т. II, стр. 486—489.

летним курсом каждое, составили **семинарию**[1]. Так образовались два учебных заведения с общей продолжительностью курса 12 лет. Семинария была оставлена на старом месте за городом, а духовное училище помещено в небольшом здании около кафедрального собора. В 1830-х годах для него было выстроено большое каменное трехэтажное здание на верхней торговой площади города.

В духовном училище преподавание вели учителя из числа окончивших семинарию. Учебное и воспитательное дело здесь стояло на весьма низком уровне; учеников не столько учили, сколько пороли розгами. По жестокости применявшихся наказаний вятское училище далеко оставляло за собой петербургскую бурсу, изображенную писателем Помяловским. Так писал в своих воспоминаниях один из учеников этого училища выпуска 1854 года С. И. Сычугов, потом известный в России врач-общественник[2].

В Вятском училище в 1830 г. было организовано обучение марийских мальчиков (из Уржумского и Яранского уездов) с целью подготовки к церковному служению (священниками, диаконами или причетниками) среди своих единоплеменников. На это дело на первых порах было ассигновано из казны 1000 руб. на 10 человек (из расчета по 100 руб. в год). Но училище не смогло поставить обучение марийцев более или менее удовлетворительно. Непонятный марийским детям язык преподавания (русский и церковно-славянский), отсутствие учебников на марийском языке, господство розги как универсального средства воздействия — все это было лишь тормозом к успешному обучению. За 22 года (1830—1852) через училище, а потом семинарию, проходило 52 марийца. Из них окончили полный курс семинарии 12, умерли во время обучения 15(!), исключены из семинарии 14 и 11 продолжали учиться в 1852 г.

В 1857 г. вятский епископ Елпидифор возбудил ходатайство о прекращении обучения марийцев, мотивируя это тем, что марийские дети, присылаемые из деревень в духовное училище, «не соответствуют своей цели», и трата

---

[1] А. С. Верещагин. Краткий очерк Вятской духовной семинарии. «Столетие Вятской губернии». т. II. стр. 593, 598.

[2] С. И. Сычугов. Записки бурсака, М.—Л., 1933, стр. 49—50.

на них казенных денег является непроизводительной. Синод согласился с епископом, но царь Александр II не утвердил этого решения, приказав продолжать обучение и лишь при приеме учеников делать строгий выбор[1].

В духовной семинарии после 1818 г. к преподаванию были привлечены исключительно лица, имевшие высшее образование. До 1840 г. преподавание почему-то велось на латинском языке, что, конечно, весьма снижало успешность обучения. Из числа окончивших семинарию 2—3 лучших студента направлялись начальством для продолжения образования в духовные академии. Изредка окончившие семинарию направлялись и в светские учебные заведения — в Главный педагогический институт или в Медико-хирургическую академию (в С.-Петербурге). В 1820 г. из Вятской семинарии в Московскую академию для продолжения образования был направлен К. А. Неволин. Но еще до окончания курса академии он был вызван Министерством народного просвещения в Петербург для подготовки к университетской кафедре законоведения, а в 1829 г. командирован в Берлинский университет. По защите докторской диссертации Неволин состоял профессором в русских университетах (сначала в Киевском, затем в С.-Петербургском).

Из новых учебных заведений в рассматриваемый период в Вятке появилось мужское Главное народное училище, с пятилетним курсом обучения. Открытие его (1786 г.) стояло в связи с общей реформой народного образования в России. В учебный курс были введены новые предметы: русская грамматика, арифметика, история, география, естественная история, геометрия, физика, механика и архитектура с черчением. В 1788 г. учебное начальство хотело ввести еще латинский язык, но родители учащихся запротестовали против этого.

Эта первая светская школа в Вятке прививалась довольно туго. За 1788—1794 годы школу посещало 72 человека, а с 1795 по 1810 — 94 человека (в среднем). Полный курс оканчивали 10—11 процентов всего числа учащихся. Многие родители брали своих детей из школы до окончания курса, находя, что большой грамоты им не тре-

---

[1] ЦГИАЛ, дело Синодального архива, 1828 г., № 1605; 1852 г., № 2081; Дело Вятского семинарского правления за 1830 г.

буется. Да и постановка обучения была такова, что не завлекала детей: в школе царила зубрежка учебников; при этом учителя предварительно не разъясняли содержания задаваемого урока. Некоторые учителя относились к своему делу небрежно, «по случаю пьянства» неделями не являлись на уроки. Начальство вынуждено было терпеть их лишь потому, что трудно было найти им замену: никто не шел на ничтожные учительские оклады (200 и 150 руб. ассигнациями в год учителям 1 класса и по 400 руб. учителям 2 и 3 класса). Были, разумеется, и хорошие учителя.

Особого упоминания здесь заслуживает учитель Александр Вештомов, работавший в школе уже в начале XIX в. и уделявший много внимания научно-исследовательской работе. В 1808 г. по поручению Департамента народного просвещения Вештомов составил описание Вятской губернии (состав почв, воды, климат, растительный и животный мир, хозяйственное и промышленное состояние губернии, вывоз и ввоз в губернию продуктов). В 1809 г. он же представил описание вятской флоры (в 2-х томах), за что Петербургским Главным правлением училищ был награжден 500 рублями. В дополнение к этим двум томам Вештомов подготовил третий — с описанием 114 видов тайнобрачных растений. Наконец, он составил «Историю вятчан» до 1700 г. и был, таким образом, первым вятским историком[1].

В 1804 г. Министерством народного просвещения был издан новый устав учебных заведений в России. Согласно этому уставу в Вятке, как в губернском городе, вместо Главного народного училища надлежало открыть учебные заведения трех типов: **приходское училище** с двухлетним курсом обучения, **уездное училище** также с двухлетним курсом и **гимназию** с четырехлетним курсом. Но Вятка не скоро собралась выполнить эти требования устава: гимназия была открыта лишь в 1811 г., уездное училище — в 1812 г., приходские же училища появились еще позднее: одно в 1817 г., другое в 1821 г.

Гимназия за первые 50 лет своего существования пережила целый ряд правительственных реформ, отражавших в себе господствовавшие в высших административных сферах течения. В первоначальном учебном курсе

---

1 Об «Истории вятчан» см. во введении.

гимназии значилось весьма большое количество предметов, здесь были: «чистая математика» (алгебра, геометрия и плоская тригонометрия), прикладная математика, опытная физика, философия, логика, всеобщая грамматика, психология и правоучение. Кроме того — изящные науки (эстетика и риторика), политические науки (политическая экономия, право естественное и право народное), история с мифологией и римскими древностями, география и статистика, естественная история, начальные основания наук, относящихся к торговле и технологии, наконец, языки (латинский, немецкий, французский) и рисование.

Но уже в 1819 г., под влиянием правительственной реакции, из этого цикла предметов были исключены: философия, изящные науки, политические и коммерческие науки. Зато было введено преподавание греческого языка. В 1838 г., при установлении для гимназии семилетнего курса, правительство исключило естественные науки (кроме физики), все части прикладной математики и греческий язык, но усилило преподавание языков — латинского, французского и немецкого. Гимназия предназначалась теперь, главным образом, для детей дворян и чиновников. В 1847 г. из учебного курса была исключена логика и заменена церковно-славянским языком.

По уставу 1849 г. в Вятской гимназии первые три класса были сделаны общеобразовательными, а с четвертого класса учащиеся подготовлялись к чиновничьей службе (изучали законоведческие науки), или к поступлению в университет (изучали латинский и греческий языки). В 1851 г. в гимназический курс введено учение о богослужении и о круге церковном, в 1862 г. — естественные науки.

Кроме мужской гимназии, в Вятке около 30 лет (1829—1860) существовало «Училище детей канцелярских служителей» с 6-летним курсом. Здесь учащихся готовили к службе в канцеляриях, поэтому, между прочим, преподавали бухгалтерию, формы и порядок делопроизводства. Учеников было немного: за 30 лет окончило курс не более 200 человек, в среднем по 6—7 человек ежегодно[1].

---

[1] «Столетие Вятской губернии», т. II, стр. 397—398; «Вятские губернские ведомости», 1859 г., № 29.

Организуя школы и училища для подростков мужского пола, Министерство народного образования совершенно не заботилось об обучении девочек, об устройстве, хотя бы в городах, женских школ. Не оказалось женских школ и в Вятке. Лишь в 1842 г. здесь были открыты два частных женских пансиона (купеческой вдовы Луизы Диттель и жены чиновника Костаревой)[1]. Но в этих пансионах учились, разумеется, дочери более богатых родителей. Правительственная женская школа была организована в Вятке уже во второй половине XIX в., после смерти Николая I. 11 октября 1859 г. было открыто так называемое «женское училище 1-го разряда» с шестилетним курсом обучения. Вскоре оно было переименовано в женскую гимназию[2].

Существовали в Вятке и частные школы. В 1812 г. обучением детей у себя на дому занимались 5 женщин (2 крестьянские девицы, солдатская вдова, жена почтальона и жена священника) и 4 мужчин (брандмейстер, мещанин, диакон и священник). Учили они только читать и писать — одни по гражданской печати, другие по церковной. Лишь один учитель (диакон) преподавал историю, русскую грамматику и арифметику. Во всех школах обучались 83 мальчика и 32 девочки.

В 1811 г. Министерство народного просвещения распорядилось взыскивать с учителей частных школ по 5 процентов от платы, получаемой ими с учащихся; в 1812 г. последовало требование, чтобы учащие представляли письменные свидетельства от учебных заведений о своих способностях и знаниях. Вятский директор училищ послал смотрителя уездного училища с представителем полиции объявить домашним учителям о распоряжениях Министерства. Учителя встретили это объявление враждебно. «Один учитель,—доносил смотритель директору,— разругал как меня, так и представителя градской полиции и других столь поносными словами, что совесть запрещает здесь оных поместить»[3].

Требование дирекции представлялось действительно весьма странным, так как именно в 1812 г. в казенных школах г. Вятки обучение элементарной грамоте не про-

---

[1] «Столетие Вятской губернии», т. II, стр. 450—461.
[2] Там же, стр. 651.
[3] Там же, стр. 712—713.

изводилось: Главное народное училище еще в 1811 г. было расформировано, а приходское училище еще не было открыто. Вятское епархиальное начальство вступилось за право духовенства вести домашнее обучение без особых свидетельств и без платежа 5 процентов[1]. Школы же других учителей, обнаруженные в Вятке в 1812 г., были, повидимому, закрыты[2]. И все же домашнее обучение девочек продолжалось в Вятке и в дальнейшее время. По данным однодневной переписи Вятки 1864 г. грамотные женщины составили 4,4 процента. Среди мужского населения процент грамотных в этом году поднялся до 56 процентов.

Публичные библиотеки

В декабре 1837 г. в Вятке была открыта первая публичная библиотека. Инициатива к открытию публичных библиотек в губернских городах исходила от президента С.-Петербургского Вольного экономического общества, адмирала Полумордвинова. Президент обратился к министру внутренних дел с просьбой ассигновать на эту цель средства, указывая, что библиотеки, по его мнению, «возродят дух общественности, откроют большой сбыт для хороших сочинений по части наук». Со своей стороны Полумордвинов обещал выслать в библиотеки по 2 экземпляра изданий Вольного экономического общества.

Министр внутренних дел распоряжением от 5 июня 1830 г. предложил всем губернаторам открыть публичные библиотеки в губернских городах. В октябре того же года в Вятке было постановлено открыть библиотеку, причем на ее устройство были собраны пожертвования в сумме 418 руб. На эти деньги было отремонтировано помещение под библиотеку. Но когда ремонт был закончен, помещение заняла Канцелярия губернатора. Потребовались дальнейшие предписания из С.-Петербурга, чтобы постановление 1830 г. было выполнено. Только в декабре 1837 г. библиотека была открыта. На торжестве ее открытия с речью выступил А. И. Герцен, находившийся в то время в вятской ссылке. Открыв библиотеку, администрация города не обеспечила ее постоянными денежными

---

[1] ЦГИАЛ, Дело Синодального архива, 1813, № 106.
[2] «Вятские губернские ведомости», 1865 г., № 9.

средствами и к 1860 г. библиотека совершенно захирела[1].

С окончанием мрачной эпохи царствования Николая I усилился интерес к книге и в Вятке. Идя навстречу этому интересу, один из преподавателей вятской семинарии А. А. Красовский (большой почитатель Чернышевского и Добролюбова) в 1858 г. открыл в Вятке частную публичную библиотеку[2], выписав для нее книжные новинки того времени, в том числе даже журнал «Колокол», издававшийся Герценом в Лондоне. Впрочем, «Колокол» выдавался не всем читателям, а только особенно надежным.

В 1842 г. при Вятской Палате государственных имуществ был организован музей. Здесь были выставлены экспонаты, характеризующие вятскую природу, а также и изделия государственных крестьян. В первом отделении, между прочим, были представлены 43 вида червей и насекомых, вредных для земледелия. Во втором отделении находилось 184 образца крестьянских изделий, 24 экземпляра усовершенствованных земледельческих орудий. Здесь же были сосредоточены и предметы древности, начиная от железных орудий XV в. Для заведования музеем был приглашен поляк Ив. Высоцкий, сосланный в Вятку в 1838 г. за участие в польских демократических обществах[3].

К первой четверти XIX в. относятся первые попытки к постановке в Вятке спектаклей. В одной старинной рукописи по истории Вятки мы читаем: «в 1815 г. в Вятке заведен театр, чего еще никогда там не бывало, а на оном благонамеренные чиновники или, точнее сказать, разночинцы разыгрывали 3 пьесы». Зрителей собиралось до 500 человек. Весь сбор от спектаклей был направлен на помощь погорельцам г. Казани, пострадавшим от пожара 3 сентября 1815 г.[4] Представления давались в большом каменном доме, в котором некогда помещалась провинциальная канцелярия, а позднее квартира городничего. В 1849 г. открылось «Благородное собрание». Сюда были перенесены и драматические представления.

[1] К. В. Дрягин, Девяносто лет Вятской публичной библиотеки, Вятско-Ветлужский край, 1928, № 5, стр. 74—78.

[2] С. И. Сычугов, Записки бурсака, М.—Л., 1933, стр. 182, 219—221.

[3] «Столетие Вятской губернии», т. II, стр. 462.

[4] Московский исторический музей. Рукописный отдел, Рукопись из собраний Барсова, № 1839, стр. 178.

Лечебное дело

По положению о губернских учреждениях (1775 г.) каждый губернский город должен был иметь доктора и лекаря за счет казны. Однако Вятка не скоро обзавелась медиками. Только в 1788 г. мы видим в ней штаб-лекаря Петра Чайковского и аптекаря Алексея Овчинникова. В соответствии с царским указом от 19 января 1797 г., по докладу Медицинской коллегии в Вятке, как и в других губернских городах, была учреждена Врачебная управа для заведования врачами, госпиталями, полковыми лазаретами и аптекарями всей губернии. В состав управы входили: инспектор или штадт-физик, аптекарь и акушер, имеющие звание доктора или штаб-лекаря. Открытие Вятской врачебной управы состоялось 26 июня 1797 года[1].

С 1 февраля 1810 г. местный Приказ общественного призрения открыл в Вятке первую аптеку (в ней были аптекарь, 2 ученика, 1 работник и 2 инвалида). В следующем году, согласно общему положению «о внутренней страже в России 1811 г.», в Вятке была открыта первая больница на 60 человек. Расход на содержание ее (3320 руб.), за несостоятельностью города, был отнесен на средства Приказа общественного призрения. Первоначально больница пользовалась наемным помещением. В 1823 г. для нее было устроено особое здание, но так как оно оказалось тесным, то в 1840 г. Приказ выстроил за городом новое более обширное здание. Число коек при этом возросло с 60 до 100. В половине 1850-х годов эта больница считалась лучшей в губернии, но в сущности и она не удовлетворяла требованиям даже тогдашней науки. Во-первых, она была мала; правда, в 1860 г. было прибавлено еще 50 коек. Во-вторых, заразные больные в ней не отделялись от прочих больных. В-третьих, вместе с больными в палатах помещалась и больничная прислуга; тут же хранилось грязное белье больных. Больница не пользовалась доверием населения, которое было убеждено, что здесь только «морят» людей.

Помимо больницы в Вятке были врачи также при некоторых губернских учреждениях (Губернском правлении, Удельной конторе). Появился врач и при Палате

[1] «Столетие Вятской губернии», т. I, стр. 270.

государственных имуществ, открытой в 1839 г. Эти врачи обслуживали не только город, но всю губернию. В 1860 г. в Вятке насчитывалось 8 врачей и 2 повивальные бабки (акушерки). В этот же период в Вятке началось оспопрививание. Около 1811 г. был учрежден Оспенный комитет. В 1852 г., по примеру других губернских городов, в Вятке был организован Комитет общественного здравия, имевший своей задачей охранять здоровье населения и принимать единообразные меры к пресечению болезней.

Значительно хуже в Вятке обстояло дело с ветеринарной помощью. Как известно, школы по подготовке ветеринарных лекарей в России появились лишь в начале XIX в. Тогда же были учреждены кафедры ветеринарии при Виленском и Харьковском университетах и при С.-Петербургской медицинской академии. Поэтому губернские города испытывали недостаток в ветеринарных врачах или даже лекарях. В Вятке к 1860 г. имелось 5 ветеринарных врачей, но они обслуживали всю губернию, а не только город.

Глава VI

ВЯТКА ПОСЛЕ РЕФОРМ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Территория капиталистической Вятки. Численность и классовый состав населения города

Территория Вятки во второй половине XIX в. оставалась в тех же пределах, которые были отведены ей планом 1812 г., причем жилыми зданиями застраивалась по преимуществу новейшая часть города, расположенная на правом берегу оврага Засоры.

Численность населения города в разные годы рассматриваемого периода приведена на стр. 198[1].

Как видно из этой таблицы, население в Вятке увеличивалось довольно медленно. За некоторые годы (1866, 1869, 1875, 1876, 1897, 1903) наблюдается даже уменьшение количества жителей по сравнению с предшествовавшим годом. За все время с 1863 по 1897 г. население Вятки возросло лишь на 48,9 процента. В этом отношении Вятка значительно отстала от других городов Европейской России, где население за тот же период увеличилось на 97 процентов[2].

В свое время один из вятских публицистов объяснял слабый рост населения в Вятке «ужасными антисанитарными условиями города», в силу которых смертность в Вятке за многие годы превышала рождаемость[3]. Но дело

[1] «Столетие Вятской губернии», т. I, стр. 154, 155; сведения за время после 1879 г. взяты из «Памятных книжек (Календарей) Вятской губернии», причем пропущены те годы, за которые в «Памятных книжках» не дается сведений о численности населения.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 493.

[3] «Вятский край», 1897 г., № 59.

Годы	Число жителей	Годы	Число жителей	Годы	Число жителей
1861	14407	1874	21165	1897	25008
1862	15123	1875	19432	1899	25824
1863	16785	1876	18124	1900	25982
1864	17547	1877	19478	1901	25989
1865	19165	1878	20000	1902	26594
1866	15365	1879	21000	1903	26533
1867	19885	1880	23931	1904	27970
1868	19943	1885	24478	1906	35035
1869	19900	1887	25260	1907	35650
1870	21249	1889	25734	1909	42884
1871	20257	1890	25745	1910	44114
1872	20622	1894	26510	1911	47569
1873	21119	1895	26814	1912	48639

было, очевидно, не в этом. За ближайшие 15 лет, с 1897 г. по 1912 г., в той же Вятке население увеличилось на 94 процента, т. е. чуть не вдвое против предыдущих 39 лет. В чем же дело? В том, что в течение этого последнего периода (1897—1912) через Вятку прошли две железные дороги (Пермь-Котласская и Северная), значительно развилась промышленность. Этим был вызван прилив сельского населения в город и число жителей в Вятке стало увеличиваться значительно быстрее, чем раньше.

Перепись 1897 г. установила, что из общего числа жителей Вятки (25 008 человек) 62,6 процента прибыли сюда со стороны: частью из других губерний, но главным образом из уездов Вятской губернии. Таким образом и здесь сказался тот же рост индустриального населения за счет земледельческого, о каком говорит В. И. Ленин в отношении 50 губерний Европейской России[1].

В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» делит все население России на три основных группы: 1) непроизводительное (или точнее не участвующее в хозяйственной деятельности население), 2) полупроизводительное и 3) производительное. Посмотрим, как по этому принципу распределялось население г. Вятки по всеобщей переписи населения (1897 г.)[2].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 489—493.

[2] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г., X, Вятская губерния. 1904, стр. 164—165.

	Имеющих самостоят. занятие		Члены их семейств		Итого имеющ. самостоят. зан. об. пола	Итого член. их семей	Всего
	муж.	жен.	муж.	жен.			
I. Непроизводительн. населен.							
а) Чиновники и войско	1092	22	599	1239	1114	1838	2952
б) Духовенство и свободн. профессии	619	627	322	647	1246	969	2215
в) Рантье и пенсионеры	1560	1781	242	529	3341	771	4112
г) Лишен. свободы, проститутки, лица с неопредел. или неизв. занят. .	290	68	29	45	358	74	432
Итого . .	3561	2498	1192	2460	6059	3652	9711
II. Полупроизводительн. населен.							
д) Торговля .	995	419	635	1111	1414	1746	3160
е) Пути сообщен. и сношений . . .	489	5	174	403	494	577	1071
ж) Частн. служба, прислуга, поден.	989	1764	179	334	2753	513	3266
Итого . . .	2473	2188	988	1848	4661	2836	7497
III. Производительное население							
з) Сельское хозяйство	556	38	131	116	594	247	841
и) Промышлен. . . .	2951	810	1031	2167	3761	3198	6959
Итого . . .	3507	848	1162	2283	4355	3445	7800
Всего . . .	9541	5534	3342	6591	15075	9933	25008

Следовательно, в 1897 г. из общей массы населения г. Вятки (25 008 человек) 9711 человек (38,8 процента) не участвовали в хозяйственной деятельности, 7497 человек (29,7 процента) составляли полупроизводительное население и 7800 человек (30,7 процента) — население производительное.

Ремесло в Вятке

Перепись 1897 г. дает нам следующую картину промышленной деятельности в г. Вятке к концу XIX в. как среди ремесленников, работающих у себя на дому, так и среди рабочих предприятий фабрично-заводского типа (см. табл. на стр. 202)[1].

Как видно из этой таблицы, в Вятке в 1897 г. большая часть ремесленников (включая и членов их семейств) была занята изготовлением одежды (2349 человек), на строительных работах (1020 человек), на обработке металла (657 человек), на обработке растительных и животных питательных продуктов (673 человека). Если сопоставить данные этой таблицы с сведениями о ремесленниках г. Вятки за 1864 г. (разумеется, в тех случаях, когда эти сведения однородны), то получается, что число ремесленников г. Вятки за 33 года значительно увели-

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г., X, Вятская губерния, стр. 164—165.

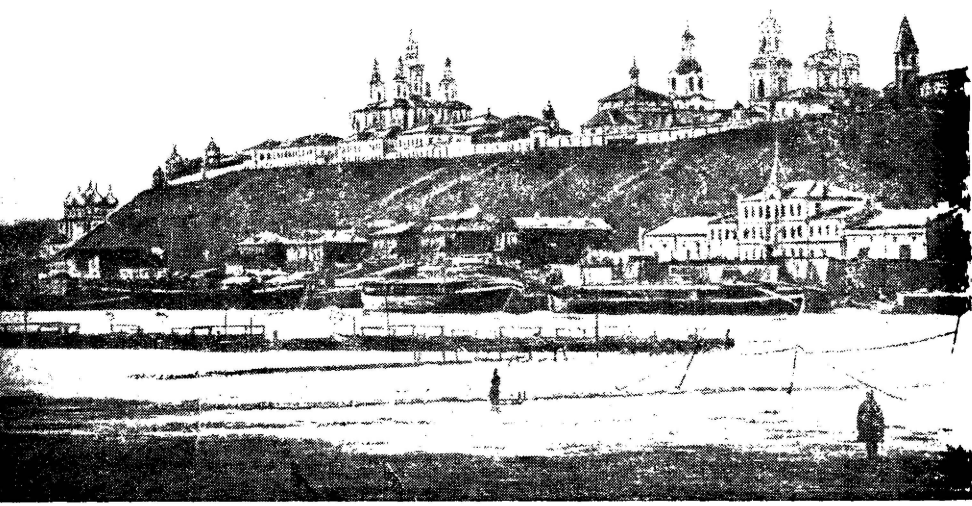


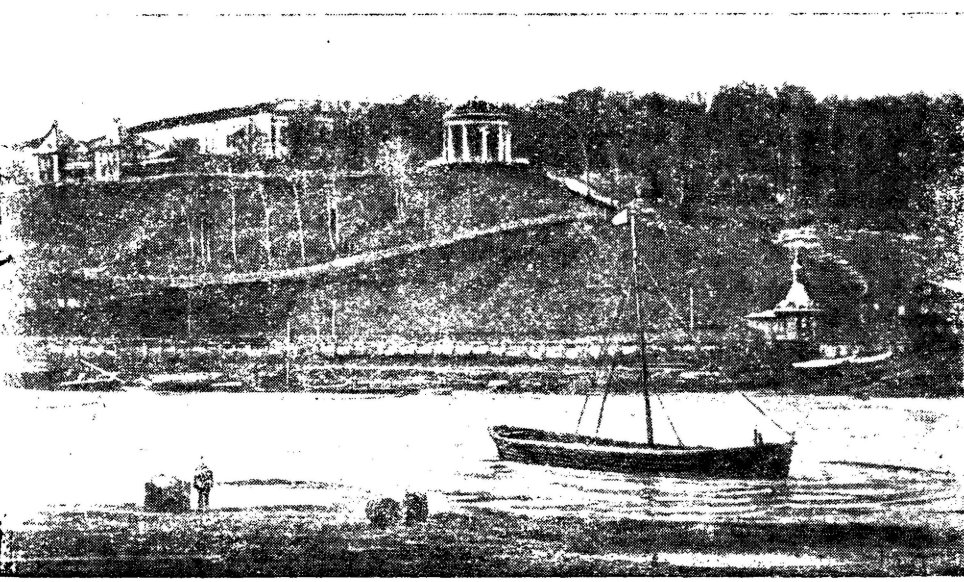
Рис. 10. Вид города Вятки
Кировский областной

чилось: шитьем одежды в 1864 г. занимались 854 человека, в 1897 г.— 2349; обработкой металлов занимались в 1864 г. 180 человек, в 1897 г.— 657 человек. Число строительных рабочих с 163 человек увеличилось до 1020.

Перепись 1897 г. не дает нам сведений о размерах наемного труда среди ремесленников г. Вятки. Но несомненно, что наемный труд продолжал развиваться. По данным, опубликованным Н. А. Спасским, в 1879 г. среди цеховых ремесленников г. Вятки насчитывалось 520 подмастерьев и 244 ученика; между тем, как в период с 1830 по 1864 год, среди тех же ремесленников было (в среднем) подмастерьев 224, а учеников 113[1], т. е. вдвое меньше. Очевидно, такое же увеличение наемного труда происходило и среди остальных, т. е. нецеховых, ремесленников г. Вятки. О положении подмастерьев и учеников, к сожалению, не удалось найти никаких данных в архивах.

Вятские ремесленники в рассматриваемый период

[1] «Столетие Вятской губернии», т. I. стр. 162—164.



из-за реки в начале XX в.
музей краеведения.

	Число имеющих самостоятельное занятие		Число членов их семейств	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Обработка волокнистых веществ	55	89	13	54
Обработка животн. продуктов	288	7	53	112
Обработка дерева	177	—	62	114
Обработка металлов	293	2	115	247
Обработка минеральн. веществ, керамика	16	15	28	32
Производства химические и связанные с ними	116	5	11	28
Винокурение, пиво и медоварение	19	1	5	14
Прочие напитки и бродильные вещества	8	2	1	3
Обработка растит. и животных питательных продуктов	435	39	69	130
Табак и изделия из него	5	—	—	1
Полиграфическое производство	273	14	71	191
Инструменты (физические, оптические, хирургические), часы, игрушки	47	1	23	50
Ювелирное дело, живопись, предметы культа, роскоши	63	3	27	78
Изготовление одежды	595	630	387	737
Производство экипажей и деревянных судов	15	—	2	9
Устройство, ремонт, содержание жилищ и строительные работы	523	—	149	345
Итого	2928	808	1016	2148

были уже в большой зависимости от капиталистов. Они продавали местным купцам и промышленникам часть своей продукции и покупали у них сырье (или материалы для работы). При той и другой операции они, разумеется, теряли часть своего заработка, остававшегося в руках посредников — купцов. Насколько было распространено это явление и какие выгоды оно доставляло купцам, видно из следующего: когда местное Губернское земство организовало в Вятке скупку ремесленных кустарных изделий, а также продажу ремесленникам сырья по более пониженной цене, вятские купцы обратились к министру финансов с просьбой запретить земству эти операции[1].

[1] Кустарные промыслы Вятской губернии и деятельность Вятских земств по улучшению кустарной промышленности, С.-Пб., 1902, стр. 53.

Кроме того, часть вятских ремесленников работала на местных предпринимателей, хозяев фабрик и заводов. В. И. Ленин отметил это явление в отношении кожевенного и скорняжного производств в Вятском уезде: «Вятский и Слободской уезды,— говорит Ленин,— являются центрами «фабр.-заводского» и «кустарного» кожевенного и скорняжного производств. В Вятском уезде кустарные кожевенные заводы сосредоточены в окрестностях города, «дополняя» промышленную деятельность больших заводов,— напр., работая на крупных заводчиков: на них же работают в большинстве случаев кустари-шорники и клеевары. У скорняжных заводчиков сотни рабочих заняты по домам шитьем овчин и пр. Это — одна капиталистическая мануфактура с отделениями: овчиннодубильным-овчинношубным, кожевенным-шорным и т. д.»[1]

В рассматриваемый период в Вятке возникли новые ремесла, ранее неизвестные. В 1860-х гг. появились первые фотографии. В 1865 г. существовали две фотографии: Лихова и Шерера; в 1866 г. открылась фотография Хлебникова и в 1867 г.— фотография Рылова. В декабре 1867 г. общее число фотографий было 4[2]. В 1872 г. в мастерской исправительного отделения в г. Вятке было организовано производство духовых фортепиано в 5 и 4½ октавы, ценой от 50 до 90 руб. В то время эта мастерская была, кажется, единственной во всей России мастерской по изготовлению таких инструментов[3]. Около того же времени Вятским благотворительным обществом была организована при почлежном приюте мастерская изделий из гипса и папье-маше. Здесь изготовлялись, между прочим, наглядные пособия для обучения в школах зоологии[4]. В 1874 г. по инициативе Губернского земства при сельскохозяйственном училище началось изготовление пожарных машин. По закрытии училища это производство сосредоточилось в особой мастерской. Машины рассылались по сельским обществам Вятской губернии[5].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 354—355.

[2] «Вятские губернские ведомости», 1865 г., № 78; 1866 г., № 30 и 1867 г., № 47.

[3] Н. Спасский, Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения. Вятка, 1875, стр. 315—316.

[4] Там же, стр. 112.

[5] Сборник постановлений Вятского губернского земства за 25-летие (1867—1892), т. IV, стр. 105—106.

В конце XIX в. (1897 г.) Губернским земством была открыта мастерская учебных пособий. В первые годы она изготовляла образцы учебных парт, удовлетворяющих требованиям школьной гигиены и доступных средствам начальных школ; затем стала изготовлять наглядные пособия (по арифметике, географии, естествознанию). Заслуживает особого упоминания сама организация изготовления этих пособий. Отдельные части их вырабатывались городскими ремесленниками и деревенскими кустарями по образцам, данным им из мастерской. Мастерская, в которой работало небольшое количество рабочих (4—5 человек), занималась проверкой сделанных частей и их сборкой. Так изготовлялись даже довольно сложные приборы: магдебургские полушария, воздушные насосы и пр. Учебная мастерская значительно удешевила учебные пособия (по сравнению с тогдашними рыночными ценами) и сделала их доступными для школ. Ее изделия скоро получили известность по всей России.

В 1890-х годах Вятка сделалась своего рода учебно-ремесленным пунктом для ремесленников и кустарей Вятской губернии. Здесь Губернское земство открыло ряд учебных мастерских: ткацкую (сентябрь 1892 г.) для обучения усовершенствованному способу тканья на станке «Самолет», ковровую (октябрь 1894 г.) для обучения тканью ковров; мастерскую соломенных изделий для обучения плетению из соломы шляп, сумок, саквояжей; берестяную (1893 г.) для обучения выделке берестяных палок (тросточек), бураков и др. изделий; мастерскую по плетению корзин и садовой мебели из ивовых прутьев и хвоща; столярную мастерскую для обучения окраске, полировке, окладке деревом и резьбе по дереву; щеточную мастерскую для обучения выделке щеток; мастерскую пчеловодных принадлежностей для обучения выделке пчеловодных рамок, дымарей, сеток и маточников.

Следует упомянуть еще об одном учреждении, имевшем отношение к экономике ремесла в г. Вятке—именно о складе кустарных изделий, который был открыт Губернским земством в 1892 г. с целью освободить кустарей-ремесленников от посредничества купцов при сбыте изделий, а равно и при покупке материалов. Склад покупал или брал на комиссию у кустарей их изделия и снабжал их доброкачественными материалами, приобретенными из первых рук и, следовательно, по более дешевой цене.

Для сбыта кустарных изделий склад имел отделения в 7 уездных городах Вятской губернии, а также в Нижнем Новгороде, Ирбите, Казани и Рыбинске. Кроме того, агенты склада имелись в Москве, Петербурге, Риге, Рязани и Симбирске. При кустарном складе был организован кустарный музей, заключавший в себе образцы кустарных изделий, изготовляемых частью в Вятской губернии, частью в других губерниях, славившихся своими кустарными изделиями.

Фабрики и заводы

Фабрично-заводская промышленность в Вятке в рассматриваемый период развивалась более быстрыми темпами, чем в период предшествовавший[1]. Здесь функционировали уже заводы по обработке животных продуктов: кожевенные, клееварный, мыловаренный, воскосвечные.

Кожевенные заводы по числу рабочих являлись наиболее крупными: в семидесятых годах они имели в среднем по 82 рабочих, в восьмидесятых годах — по 71 и в 90-х годах — по 88. Количество заводов было не одинаково: в 1871—1872 гг. работало три завода, в 1875—1881 гг., 1903—1906 и 1914 гг. два завода, в 1886 и 1889—1908 гг. четыре, наконец, в 1909—1912 и 1915 гг. был лишь один завод, имевший уже 450 рабочих.

Клееварный завод значится в обзорах за 1871 г. с числом рабочих от 2 до 11 человек, а в 1903—1913 гг. —

---

[1] Источником сведений о фабриках и заводах в г. Вятке за рассматриваемый период являются так называемые обзоры Вятской губернии с 1870 г., прилагавшиеся в печатном виде к губернаторскому отчету. В них нет сведений лишь за 1874, 1887 и 1908 гг. Заключающиеся здесь сведения о заводах страдают отчасти теми же недостатками, на которые указывал В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» и в других статьях. Ввиду неустановленности понятий «фабрика» и «завод» и по Вятке в сведениях иногда значатся предприятия мелкие, с суммой производства менее 1000 руб. С 1885 г. все такие предприятия уже исключаются из числа фабрик и заводов. В циркуляре от 7 июня 1895 г. правительство сделало попытку установить понятие «фабрика» и «завод», хотя и не совсем удачно. Но этот циркуляр к статистике фабрик и заводов Вятской губ., по-видимому, не применялся; здесь и после 1895 г. иногда регистрировались предприятия, имеющие менее 15 рабочих.

8—15 человек. Мыловаренный завод бр. Сунцовых существовал в Вятке с 1872 г. Число рабочих в нем колебалось от 4 до 40; за 1880—1884 гг. в обзоре показаны два завода с общим числом рабочих от 7 до 27. Два воскосвечных завода (Овечкина и Казенина), основанные еще в 30-х годах, продолжали существовать до 1890 г. В 1890 г. к ним прибавился еще третий завод (духовного ведомства), который потом и вытеснил остальные. Количество рабочих на нем колебалось от 17 до 27.

В 1872—1876 гг. в г. Вятке существовали 3 винокуренных завода с средним числом рабочих по 5—6 человек. В 1878 г. были 2 завода с 13 рабочими на обоих. С 1884 г. до 1914 г. оставался один завод. Количество рабочих на нем постепенно увеличивалось: в 1880 г. было 4 человека, в 1890 г.—8, в 1900 г.—18 человек. В 1889—1914 гг. в Вятке существовал дрожжевой завод. На первых порах на нем работало 4 рабочих, в 1890 г.— 13, с 900-х годов — 24 человека. Солодовенный завод существовал в 1911—1915 гг. и имел от 4 до 8 рабочих. Мукомольная мельница в обзорах упоминается ежегодно, начиная с 1906 г., с небольшим числом рабочих от 4 до 6, и в 1914 и 1915 гг.— до 10.

Пряничные и сушечные заведения в обзорах губернатора появляются с 1880 г. Сначала их было всего 2 (с средним числом рабочих в 12 человек); с 1890 г. число их увеличивается до 6, а в 1914 г.— до 14. При этом увеличивается и среднее число рабочих (до 23 человек). В 900-х гг. число пряничных и сушечных мастерских еще более возрастает, доходя в некоторые годы до 23—24, но число рабочих в них уменьшается в среднем до 17 чел.

В 1896 г. в Вятке был устроен лесопильный завод. Количество рабочих на нем к 1902 г. с 14 человек увеличилось до 27. В 1903—1910 гг. в обзоре значатся 2 лесопильных завода с 30—40 рабочими, а в 1911—1915 гг. даже 3 завода с 74—42 рабочими. В 1890—1900 гг. существовала также табачно-махорочная фабрика (с 4—7 рабочими). В 1911 г. пароходовладельцем Булычевым была устроена льнопрядильная и ткацкая фабрика. Это было уже довольно крупное предприятие: рабочих в ней насчитывалось в 1911 г. 155, в 1912 г.— 195, в 1913 г.—300, в 1914 г. — 210 и в 1915 г.— 329.

В обзорах упоминается с 1901 по 1915 г. чугунно-литейный завод с числом рабочих от 4 до 8. В обзорах за

1904, 1910—1913 гг. он почему-то не значится. Медно-котельных и самоварных мастерских в 1896—1900 гг. была одна, в 1901—3 (с 30 рабочими), в 1902—1915 гг.— 2 (среднее число рабочих 15 человек). В 1902—1905 гг. в числе фабрик значатся два кирпичных и гончарных завода, на которых работало в среднем около 49 человек.

В Вятке имелись также фосфорно-спичечные заводы. Число их в разные годы было неодинаково: в 1870—1872 гг.— 2, в 1875—1884 гг.— 4, 1885 г.— 3, 1886 г.—2, 1887—1891 гг. — 4, 1892 г. — 3, 1893—1896 гг. — 2, 1897—1901 гг.— 1. Среднее число рабочих также колебалось: в 1870 г.— 17, в 80-х годах — 12, в 90-х годах — 25.

Общая картина развития фабрично-заводской промышленности в Вятке в конце XIX и начале XX в. видна из следующей таблицы[1]:

Годы	Число фабрик	Число рабочих	Сумма производства
1885	16	267	202 082
1895	20	482	850 114
1905	36	784	963 616
1915	43	1458	2 812 330

Таблица ясно показывает, что за 30-летие (1885—1915 гг.) число фабрик и заводов в Вятке увеличилось в 2,7 раза, количество рабочих на них возросло в 5,5, а сумма производства — в 13,7 раза. Таким образом и в Вятке капитализм быстро развивался.

Торговля Вятки

В рассматриваемый период торговля в г. Вятке претерпела значительные колебания. В шестидесятых годах появились кредитные учреждения, способствовавшие развитию торговли. В 1862 г. в Вятке был учрежден городской банк Веретенникова, в 1865 г. открыло свои операции отделение Государственного банка, в 1873 г. было основано Общество взаимного кредита[2].

[1] Мы начинаем с 1885 г. потому, что с этого года в статистике фабрик и заводов исключаются предприятия мелкие, с суммой производства менее 1000 рублей.

[2] Время открытия банков отмечено по Памятным книжкам Вятской губернии.

Однако положение с торговыми путями продолжало оставаться довольно печальным. Открытие пароходного сообщения по рекам Волге и Каме, а затем начавшийся в России рост железнодорожной сети оставил Вятку в стороне от товарного движения. На р. Вятке пароходы начали совершать рейсы на несколько десятков лет позднее, чем на Волге и Каме. Ввиду мелководья р. Вятки, пароходы обыкновенно прекращали рейсы во второй половине лета, между тем, как именно с этим временем совпадала Нижегородская Всероссийская ярмарка — важнейший рынок для сбыта вятских товаров и закупки товаров привозных. Торговый путь на север к Архангельску по-прежнему оставался в неустроенном состоянии.

Все это повело во второй половине XIX в. к сокращению вятской торговли. В 1872 г. к Архангельску было отправлено из Вятки 1 005 000 пудов товаров на сумму до 1,5 миллиона рублей (ржи 600 000 пудов, ржаной муки 200 000 пудов, льна 80 000 пудов и кудели 125 000 пудов). В 1879 г. отправлено всего 404 000 пудов хлеба, хотя этот год в Вятской губернии считался урожайным. В 1885 г. Вятка направила в Архангельск 63 000 пудов (28 000 пудов ржаной муки, 20 000 пудов льна, 10 000 пудов кудели и 5000 пудов овса и крупы)[1], в 1878 г.— до 150 000 пудов[2]. Не велик был вывоз и к Рыбинску: в 1885 г. не было отправлено ни одного пуда, а в 1898 г. всего 31 400 пудов. В 80-х и 90-х годах грузы для Рыбинска начали сосредоточиваться не в Вятке, а на более южных пристанях по р. Вятке.

Сокращение экспортной хлебной торговли повело к уменьшению количества купцов в г. Вятке. В 1897 г. всеобщая перепись населения насчитывала в Вятке купеческого сословия 424 человека (170 мужчин и 254 женщины). Между тем, за 33 года перед тем, т. е. в 1864 г. однодневная перепись зарегистрировала в Вятке 740 лиц купеческого сословия (359 мужчин и 381 женщину). Другими словами, за 33 года купеческое сословие в Вятке сократилось на 42 процента.

---

[1] Наумов. Материалы для истории торговли Вятской губ. «Памятная книжка Вятской губернии и календарь» на 1903 г., Вятка, 1902, отдельные статьи, касающиеся Вятской губернии, стр. 154.

[2] Из докладной записки Вятской городской думы министру путей сообщения в 1898 г.

Неудобство торговых сношений г. Вятки с русскими портами, в то время, как многие другие города пользовались и пароходами и железными дорогами, конечно, весьма удручало вятских экспортеров. Они начали хлопотать о соединении Вятки железной дорогой с другими частями империи. Хлопоты эти, в которых приняли участие купцы и других городов, а также Вятская городская дума и Вятское земство, увенчались успехами лишь через 30 лет.

История эта весьма любопытна и мы изложим ее хотя вкратце. Еще в августе 1867 г. архангельское купечество, более богатое, чем вятское, признало желательным соединить железной дорогой реки Вятку и Северную Двину. Было собрано 5000 рублей на производство предварительных изысканий. Архангельский купец Кларк, проживавший в Петербурге, осенью того же года поручил двум инженерам — Смиту и Гансену произвести изыскания от г. Орлова Вятской губернии до р. Вычегды (правого притока Северной Двины). По окончании работ инженеры пришли к заключению, что между этими пунктами можно построить узкоколейную железную дорогу, которая будет стоить 12—13 тысяч рублей. Они сделали об этом доклад на первом очередном Вятском губернском земском собрании (1867 г.).

Заслушав доклад, Земское собрание постановило ходатайствовать перед правительством о проведении двух железных дорог: Вятско-Двинской (от г. Вятки до Северной Двины) и Сибирской (от Ярославля, через Вятку на Пермь). В 1868 г. второе очередное Губернское земское собрание постановило просить правительство включить проектируемую Вятско-Двинскую железную дорогу в число необходимых железных дорог и продолжить ее к Камскому или Волжскому бассейну. Но еще до получения этого ходатайства список необходимых железных дорог был уже утвержден правительством. Поэтому Министерство путей сообщения отказалось возбудить какую-либо переписку по этому вопросу.

Между тем, Вятское губернское земское собрание организовало особый железнодорожный комитет из гласных Городской думы (купца Прозорова и Шестакова) и Губернского земства (председателя Губернской управы и нескольких гласных). В это же время архангельский купец Кларк поручил новым инженерам исследование

путей от Котласа до городов Орлова и Котельнича и от Великого Устюга до Котельнича. Как видно, Кларк предполагал оставить Вятку в стороне от железной дороги.

В противовес этому третье очередное Вятское губернское земское собрание (в декабре 1869 г.) постановило просить правительство провести железную дорогу от Котельнича через Вятку до с. Отары (в бывш. Уржумском уезде) и в то же время высказало пожелание, чтобы через Вятку же была направлена и Сибирская железная дорога (от Ярославля через Кострому на Пермь). К постановлению Земского собрания присоединилась и Вятская городская дума. Представители Земства и Думы были командированы в Петербург для личного ходатайства.

25 марта 1870 г. правительство утвердило строительство Вятско-Двинской железной дороги, и в июне 1872 г. Министерством путей сообщения были произведены изыскания для прокладки железной дороги между Вяткой и Котельничем. В 1874 г. Вятское губернское земское собрание постановило ходатайствовать перед правительством о проведении через Вятку Сибирской железной дороги, а в следующем году экстренное Губернское земское собрание снарядило в Петербург особую депутацию из губернских гласных. В 1876 г. министр путей сообщения официально уведомил Вятское земство, что он внесет в Комитет Министров представление о включении Вятско-Двинской железной дороги в число дорог, подлежащих **неотложному** осуществлению.

Но скоро в России начались осложнения на Ближнем Востоке, а затем вспыхнула война с Турцией. В целях сбережения средств, царское правительство приостановило постройку всех железных дорог за счет казны. В железнодорожном вопросе наступило затишье на целые 6 лет. Только в 1882 г. экстренное Вятское губернское земское собрание снова подняло вопрос о Вятско-Двинской железной дороге и высказалось о полезности ее для всего Вятского края.

Прошло еще десять лет. 25 июня 1892 г. экстренное Вятское губернское земское собрание постановило ходатайствовать перед правительством о проведении двух узкоколейных железных дорог: от Перми до Котласа (разумеется, через Вятку) и от Малмыжа до Казани. При этом оно изъявило готовность принять на себя часть расходов

по их устройству: 200 тысяч рублей на первую дорогу и 70 тысяч рублей на Казанско-Малмыжскую дорогу[1].

В следующем году экстренное Вятское губернское земское собрание вновь возбудило ходатайство о проведении узкоколейной Пермь-Котласской железной дороги и направило в Петербург трех депутатов для представления этого ходатайства правительству. Очередное Губернское земское собрание 1893 г. еще раз подтвердило это ходатайство.

Правительство, заканчивавшее тогда постройку Сибирской железной дороги (через Сызрань), выдвинуло проект устройства между Пермью и Котласом ширококолейной железной дороги для направления по ней излишков сибирского хлеба к Архангельскому порту и в 1894 г. ассигновало 93 000 руб. на предварительные изыскания для этой линии. К маю 1895 г. вопрос о Пермь-Котласской железной дороге (ширококолейной) правительством был разрешен в благоприятном для Вятки смысле.

1 июня 1897 г. состоялась закладка Вятского железнодорожного вокзала и первого кессона для Загарского железнодорожного моста через р. Вятку. В июле 1898 г. Вятская городская дума подала министру путей сообщения, приезжавшему в Вятку, докладную записку о необходимости проведения железнодорожной ветки от Вятского вокзала до речной пристани, о замощении камнем дороги от вокзала до замощенных улиц города, об улучшении фарватера р. Вятки (уничтожении на ней перекатов) и об укреплении правого берега р. Вятки у самого города. В 1899 г. на Пермь-Котласской дороге началось движение поездов.

Еще до окончания постройки этой дороги правительством был поставлен вопрос о соединении Вятки железной дорогой с С.-Петербургом и Москвой (через Вологду). В январе 1898 г. при Министерстве финансов по этому вопросу начала работать особая комиссия, а через семь лет (к 1906 г.) Петербургско-Вятская дорога была уже закончена и по ней было открыто движение поездов.

С открытием движения по Пермь-Котласской железной дороге весьма заметно увеличился вывоз товаров из

---

[1] Автору настоящего очерка, работавшему тогда в Вятской губернской земской управе, пришлось составлять обширную записку о Пермь-Котласской железной дороге для Министерства путей сообщения.

Вятки, а равно и ввоз их: в 1901 г. в Вятку было доставлено 1 690 313 пудов разных товаров, в 1903 г.—3 668 276 пудов. Из Вятки отправлено в 1901 г. 960 000 пудов, а в 1903 г.—750 тысяч пудов[1]. Проведение второй железной дороги от Вятки до С.-Петербурга еще более увеличило грузовые потоки через Вятку.

Что касается местной торговли в г. Вятке, то во второй половине XIX и начале XX в. она постепенно растет. Об этом можно судить хотя бы по числу торговых лавок в Вятке. В 1864 г. в Вятке было 200 лавок, в 1870 г.—258, в 1888 г.—448, в 1910 г.—668, в 1912 г.—695[2].

Первая всеобщая перепись населения дает нам следующие сведения о количестве лиц, занимавшихся торговлей в Вятке в 1897 г.[3]

Виды торговых занятий в г. Вятке	Число лиц, имеющих самостоятельные занятия	
	мужск. п.	женск. п.
Торговое посредничество	6	3
Торговля вообще без точного определения	60	15
Торговля живым скотом	8	—
Торговля зерновыми продуктами	25	5
Торговля остальными продуктами сельского хозяйства	343	63
Торговля строительным материалом и топливом	18	1
Торговля предметами домашнего обихода	15	3
Торговля металлическими товарами, машинами и оружием	13	3
Торговля тканями и предметами одежды	134	14
Торговля кожами и мехами	43	3
Торговля предметами роскоши, наук и искусств	20	5
Торговля остальными предметами	54	2
Торговля разносная и развозная	17	—
Трактиры, гостиницы, меблированные комнаты	132	50
Торговля питейная	65	3
Торговля предметами санитарии и гигиены	17	248
Итого	970	418

[1] «Памятные книжки и календари Вятской губернии» на 1903 и на 1905 гг.

[2] Сведения заимствованы из таблиц, опубликованных Вятским губернским статистическим комитетом в «Памятных книжках и календарях Вятской губернии» за соответствующие годы.

[3] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. X. Вятская губерния, 1904, стр. 164—165.

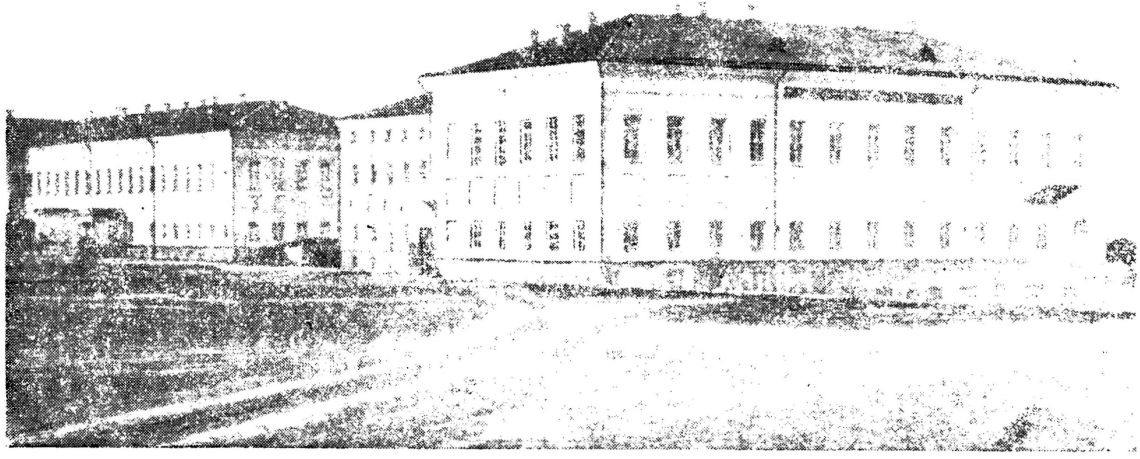


Рис. 11. Губернские присутственные места г. Вятки.
Кировский областной музей краеведения.

Управление

В рассматриваемый период времени в России производились реформы административного управления, что не могло не отразиться и на Вятке.

С освобождением крестьян от крепостной зависимости в Вятке возникло Губернское по крестьянским делам присутствие, на которое правительством было возложено «ближайшее попечение о крестьянах». В том же году, в связи с отменой в России откупной продажи питей, в Вятке было учреждено Губернское акцизное управление, заведовавшее окружными акцизными управлениями всей Вятской губернии. Окружное акцизное управление 1-го округа, ведавшее несколькими уездами, также находилось в Вятке. В связи с введением в России всеобщей воинской повинности (1874 г.), в Вятке было учреждено Губернское по воинской повинности присутствие. После введения правительством «Положения о начальных народных училищах» (1864 г.) в Вятке были учреждены Губернский училищный совет, заведовавший делом начального народного образования по всей губернии, и Вятский уездный училищный совет, заведовавший народными училищами Вятского уезда.

Общая судебная реформа в России отразилась на Вятке тем, что здесь был введен институт мировых судей для разбора судебных дел между гражданами (1869 г.). В Вятке, в частности, появились два мировых судьи и, кроме того, был учрежден «Съезд мировых судей». В 1874 г. был введен окружной суд с участием присяжных заседателей, заменивший прежнюю Соединенную палату гражданского и уголовного суда.

При Александре III выборный институт мировых судей был уничтожен и, в целях усиления дворянского влияния в суде и администрации, был введен институт земских начальников и городских судей. После этой реформы в Вятке с 1891 г. появились: Губернское присутствие, которое распоряжалось всеми земскими начальниками и уездными съездами Вятской губернии и Вятский уездный съезд, заведовавший земскими начальниками Вятского уезда.

В Вятке произошли перемены и в области церковного управления. В 1868 г. в Вятке был назначен второй епископ (в качестве викария или помощника епархиальному

епископу). Когда правительство начало усиленно насаждать в России церковные школы и для заведования ими учреждать епархиальные училищные советы, в Вятке были организованы Епархиальный училищный совет (1884 г.) и Уездное отделение этого Совета для заведования церковными школами Вятского уезда (1889 г.).

Кроме того, в Вятке были созданы местные учреждения: Комитет православного миссионерского общества для руководства миссионерским делом среди нерусских народностей Вятской епархии (1870 г.), в 1882 г.— братство Николая чудотворца для руководства борьбой с расколом епархии, в 1908 г.— Епархиальный миссионерский совет «для борьбы с сектантами и социалистами». В 1890 г. в Вятке была организована эмеритальная касса духовенства Вятской епархии.

Помимо административных учреждений, с 1792 г. продолжала существовать Городская дума. В 1870 г. Дума была реформирована согласно общему, т. е. касавшемуся всех городов России, городовому положению от 16—28 июня 1870 г. Ее функции были расширены. Кроме обязанностей по городскому хозяйству и внешнему благоустройству города, на нее были возложены: устройство за счет города благотворительных заведений, участие в попечении о народном образовании, устройство театров, библиотек, музеев. Ей же предоставлялось право ходатайствовать перед правительством «о местных пользах и нуждах».

Право избирать и быть избранным в гласные Думы было предоставлено лицам, владевшим в пределах города недвижимым имуществом, подлежащим городскому сбору или содержавшим торговлю или промышленные заведения, а также представителям обществ, компаний, товариществ, церквей и монастырей, вносящих со своих имуществ сбор в пользу города. Все плательщики городских налогов заносились в городскую книгу в порядке сумм их взноса в городскую кассу. Они делились на три разряда. Каждый разряд давал в общем одну треть всей суммы городских платежей и за это получал право избрать одну треть от общего количества гласных Думы. Этим путем достигалось в Городской думе преимущественное влияние наиболее богатых граждан.

В Вятке в год введения городового положения (то есть в 1870 г.) общая сумма взносов всех плательщиков

равнялась 3142 руб. 99 коп. Треть этой суммы поступила в I разряде от 26 человек, во втором — от 65 человек и в третьем — от 551 человека. Каждый разряд должен был избрать в Вятскую городскую думу по 14 гласных. Другими словами, каждый гласный в Вятскую думу избирался в первом разряде от каждых двух человек, во втором — от четырех, а в третьем — от каждых 39 человек. Большинство плательщиков в 1 и 2 разрядах принадлежало к купеческому сословию.

Таким образом, купцы в Вятской городской думе располагали почти $^2/_3$ голосов[1]. Отсюда понятно, что в Думе все дела проводились с соблюдением интересов купечества.

Городовое положение 1870 г. предоставило Городской думе большее количество источников дохода по сравнению с предшествовавшим временем. Поэтому после 1870 г. бюджет Вятской городской думы стал значительно возрастать. В первое же пятилетие (1870—1874 гг.) он увеличился до 38,9 тыс. руб., в пятилетие 1891—1895 гг. он равнялся уже 66,9 тыс. руб.[2] В 1901—1905 гг. бюджет составлял 189,5 тыс. руб. и, наконец, в 1911—1915 гг.— 588 тыс. руб.

Благодаря этому Вятская городская дума могла шире развернуть свою работу[3]. Ею были организованы такие общегородские предприятия, как городской ломбард (1896 г.), водопровод (1889 г.), телефон (1897 г.), электрическое освещение в городе (1903 г).

---

[1] «Вятские губернские ведомости». 1870 г., №№ 78, 85, 94.

[2] П. Голубев. Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края, Вятка, 1896, стр. 142; Годовые обзоры Вятской губернии за годы 1896—1915.

[3] Источником сведений о работе Вятской городской думы служат: печатные журналы Вятской городской думы (1870—1916 гг.), сметы доходов и расходов г. Вятки (1884—1917), отчеты о деятельности Вятского городского самоуправления (1886—1914). Все эти материалы имеются в Кировской публичной библиотеке им. Герцена. Сведения же о Вятской городской думе за время до 1870 г. можно почерпнуть из архивных материалов, которые сосредоточены в Кировском областном историческом архиве. К архивным же материалам следует обращаться и для уяснения отдельных вопросов истории Вятского городского самоуправления.

Земство

В 1867 г. в Вятке появилось еще одно выборное учреждение, оказавшее значительное влияние на культурные сдвиги в этом городе,— Земство. Оно было создано общей правительственной реформой заведования местным хозяйством в России. «.. земская реформа,—говорит В. И. Ленин,— была одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска»[1].

На русское Земство было возложено заведование местными губернскими и земскими повинностями — денежными и натуральными, обеспечение народного продовольствия, улучшение местных путей сообщения, управление местными лечебными и благотворительными учреждениями, охрана здоровья населения, развитие народного образования, содействие земледелию, промышленности, торговле и пр.

Обсуждением всех этих вопросов должны были заниматься земские гласные, избираемые из среды населения по уездам губернии на три года. Гласные каждого уезда ежегодно съезжались в уездный город на «Уездное земское собрание». Здесь в течение десяти дней решались вопросы земского хозяйства. Для проведения своих постановлений в жизнь Уездное земское собрание в первый год каждого трехлетия избирало исполнительный орган— Уездную земскую управу. Одновременно с этим оно избирало из среды своих членов губернских гласных (в количестве, установленном правительством для каждого уезда, соответственно количеству уездного населения); в конце каждого года эти гласные из всех уездов губернии собирались в губернский город на «Губернское земское собрание» для обсуждения общеземских нужд всей губернии. Для проведения своих постановлений в жизнь Губернское земское собрание на каждые три года избирало в качестве исполнительного органа Губернскую земскую управу.

Из 12-ти новоучрежденных земств Вятской губернии (1 губернского и 11 уездных) более близкое отношение к г. Вятке имели два: Вятское уездное и Вятское губернское. Между прочим, до 1890 г. в первом принимали уча-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 30.

стие семь гласных от города, избранные Городской думой. Оба земства создали в Вятке ряд лечебных и культурных учреждений (родильный дом, уездную больницу, бактериологический кабинет, ветеринарную лечебницу, ряд начальных школ, средних и профессиональных учебных заведений и пр.); о них несколько подробнее будет сказано далее в отделах о народном образовании и медицине.

Народное образование

Начало рассматриваемого периода в истории Вятки не дало заметных перемен в области народного образования. Правда, просветительное движение в столицах и некоторых других городах, выразившееся в открытии воскресных школ, отчасти захватило и Вятку. В 1861 г. здесь была открыта воскресная школа, в которую записалось 135 человек (в возрасте от 9 до 35 лет). Обучали в ней ученики духовной семинарии и мужской гимназии под руководством смотрителя уездного училища и редактора Вятских губернских ведомостей Золотницкого[1].

Важно отметить, что в этой школе, впервые в губернии, был применен звуковой метод обучения грамоте, опубликованный в трудах русских педагогов (Золотова и Главинского). Производились даже опыты по усовершенствованию или, точнее, по дальнейшему упрощению его. Золотницкий составил и издал учебник «Упрощенный способ обучения чтению», с приложением к нему одного экземпляра упражнений для чтения и двух экземпляров разрезной азбуки[2].

Но правительство испугалось просветительного движения русского общества и открыло поход против воскресных школ, как очагов революционной заразы. Прекратилось обучение и в Вятской воскресной школе. Вятка осталась лишь с двумя приходскими училищами.

В самом конце 60-х и начале 70-х годов в Вятке было открыто несколько начальных школ за счет Вятского уездного земства. Вятская городская дума не приняла никакого участия в хозяйственном содержании этих школ. В 1883 г. уездное земство заявило Городской думе,

---

[1] «Вятские губернские ведомости», 1861 г., № 30.
[2] Там же, 1862 г., №№ 13, 14, 15, 16, 17.

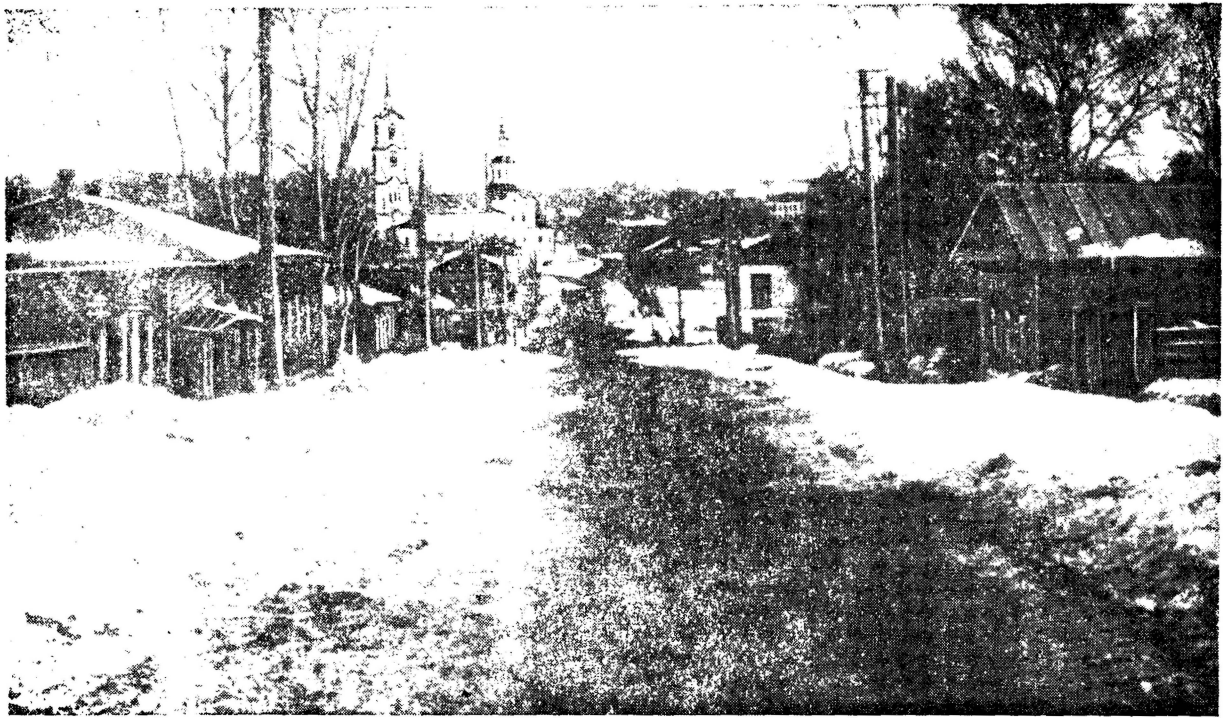


Рис. 12. Владимирская улица (ныне улица Карла Маркса) в 90-х годах XIX в.
Кировский областной музей краеведения.

что оно закроет школы, если Дума не будет оказывать им материальной помощи. Тогда Городская дума пожертвовала общественный дом под помещение двух земских училищ в городе — и на этом успокоилась. В 1890 г. Земство вновь потребовало от Городской думы участия в расходах на городские школы[1], но безрезультатно. В 1895 г. газета «Вятский край» с укором по адресу Городской думы отмечала на своих страницах, что в городе все учебные заведения содержатся за счет казны или земства (а не города)[2]. Публицист выражал надежду, что город откроет на свой счет хоть одну начальную школу.

Только в XX столетии Городская дума приступила к открытию в городе начальных школ за свой счет. В городскую смету 1914 г. были внесены расходы уже на 14 городских школ, составлявших половину всех начальных школ г. Вятки. Помимо уездного училища (преобразованного в 1879 г. в городское четырехклассное), в Вятке были открыты еще два городских училища (одно в 1908 г., другое в 1914 г.). Первые два после 1912 г. были преобразованы в высшие начальные училища.

В духовном училище, согласно с общим уставом духовных учебных заведений, в 1867 г. было установлено четырехлетнее обучение. Три прежние двухгодичные отделения были заменены четырьмя одногодичными классами. В училище была уничтожена жестокая порка детей. Прекратилось обучение марийских мальчиков, введенное в 1830 г. Епархиальное начальство так и не смогло сделать это обучение понятным для марийцев, уволило из училища всех марийцев (их оставалось семеро). Сельским священникам марийских приходов было предложено организовать первоначальное обучение марийских мальчиков по селам и лучших из них посылать для обучения в семинарию, которая открыла для них приготовительный класс[3].

Более значительных успехов достигла Вятка в области среднего образования. Появилось пять новых средних учебных заведений: епархиальное женское училище с шестигодичным курсом обучения (1863 г.), земское реальное училище (1880 г.), коммерческое училище для детей

---

[1] Журнал Вятской городской думы, 1890 г., стр. 54—55.
[2] «Вятский край», 1895 г., № 22.
[3] ЦГИАЛ, дело Синодального архива, 1867 г., № 590.

обоего пола (1908 г.), вторая женская гимназия (1908 г.) и вторая мужская гимназия (1914 г.).

Продолжали существовать и старые средние учебные заведения: мужская гимназия, духовная семинария и женская гимназия. Время от времени в них проводились реформы обучения, предпринимавшиеся правительством в общегосударственном масштабе. Так, мужская гимназия с введением устава от 19 ноября 1864 г. была объявлена классической гимназией (но с преподаванием одного только латинского языка). Через 7 лет по уставу 1871 г. продолжительность обучения в гимназии установлена 8-годичная; был усилен классицизм — введено преподавание греческого языка (36 недельных уроков, считая все классы гимназии), а на преподавание латинского языка к 34 недельным часам прибавлено еще 15.

Но это господство классицизма, сильно угнетавшее учащихся, продолжалось недолго. Через 19 лет (в 1890 г.) по распоряжению Министерства народного просвещения было уменьшено число уроков в неделю как латинского (на 7), так и греческого (на 3) языков. Менялась программа и по другим учебным предметам: в гимназии было убавлено два урока по математике, а взамен этого прибавлено 3 урока закона божия, 1 урок истории и 1 географии; рисование стало обязательным только в трех первых классах. В 1902 г. Министерство просвещения еще более ослабило классицизм в гимназиях: греческий язык стал в мужских гимназиях необязательным, а преподавание латинского языка перенесено в старшие классы (начиная с третьего). После этого число оканчивающих полный курс гимназии стало заметно увеличиваться.

В духовной семинарии уставом 1867 г., вместо прежних трех отделений, с двухгодичным курсом каждое, было установлено 6 одногодичных классов. Выпуски окончивших стали производиться ежегодно. В женской гимназии к шести годам обучения с 1871 г. был прибавлен еще один год и, кроме того, открыт 8-й дополнительный класс специально для подготовки окончивших гимназию к учительству в народных школах.

В этот же период в Вятке положено начало профессиональному образованию. В 1872 г. Губернским земством было открыто «Училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и подготовления народных учителей». Сюда принимались юноши преиму-

щественно из крестьян с подготовкой в объеме курса уездного училища. Земству не удалось поставить это учебное заведение на надлежащую высоту. Этому помешала двойная (чуть ли не тройная) задача, поставленная перед училищем, а также неудачный подбор директоров. Кроме того, и Министерство народного просвещения не предоставляло никаких прав окончившим курс этого училища. Через 8 лет училище было закрыто и заменено реальным училищем общего типа.

С 1889 г. Губернское земство открыло при мастерских бывшего сельскохозяйственного училища ремесленное училище. В 1891 г. Земство открыло в Вятке новое сельскохозяйственное училище с 4-годичным курсом обучения для подготовки агрономов. Сюда принимались крестьянские юноши с знаниями в объеме курса городского четырехклассного училища.

Для подготовки учителей начальных школ Министерство просвещения открыло в Вятке двухлетние педагогические курсы при 4-классном городском училище, преобразованном после 1912 г. в высшее начальное училище. В 1914 г. в Вятке был открыт Учительский институт.

Епархиальное начальство также открыло в Вятке несколько учебных заведений. В 1875 г. была организована противораскольническая школа. В ней юноши подготовлялись к учительству в школах грамоты среди старообрядцев (раскольников) и для ведения противораскольнических бесед с взрослым населением. Позднее с этой же целью в Вятке была открыта женская школа. В XX в. епархиальным начальством были открыты в Вятке миссионерские курсы для подготовки удмуртов и мари к церковному служению среди единоплеменников.

В 1897 г. в Вятке было организовано обучение слепых. Инициатором этого дела была Н. Н. Попова — дочь ректора Вятской семинарии, в то время уже умершего. Ознакомившись в С.-Петербурге с методикой обучения слепых, она открыла занятия со слепыми в Вятке. О медицинских школах сказано в разделе «Медицина».

Каких же результатов в области просвещения достигла Вятка к концу предреволюционного периода? Об этом говорит таблица на стр. 223. К 1916 г. Вятка имела[1]:

---

[1] Сведения взяты из ведомости, напечатанной в обзоре Вятской губернии за 1915 г.

Тип учебных заведений	Количество	В них учащихся	
		мужск. пола	женск. пола
Средних учебных заведений	8	1635	1932
Низших учебных заведений	4	564	—
Начальных учебных заведений	29	1353	1327
Профессиональных заведений	10	607	146
Училище слепых	1	—	16
Итого	52	4159	3421

Как видим, в вопросах образования, особенно женского, по сравнению с прошлым, оказались довольно значительные достижения. Если в 1861 г. в Вятке было только одно женское учебное заведение с какой-нибудь сотней учащихся, то к 1916 г. количество учащихся женского пола дошло почти до 3½ тысяч. В средних учебных заведениях оно оказалось даже выше числа учащихся мужского пола.

Повысилась грамотность и всей массы населения г. Вятки. В 1864 г., как уже было сказано в предыдущей главе, грамотные составляли 56 процентов мужского и 34,4 процента женского населения. В 1897 г., по данным всеобщей переписи населения, в Вятке оказалось грамотных мужчин 8640 (67 процентов) и женщин — 6296 (52 процента), т. е. за 33 года процент грамотных повысился среди мужчин на 11 и среди женщин на 17 с лишним процентов.

Улучшилось, так сказать, и качество грамотности: в общем числе грамотных (14 936) оказалось 4494 лица, получивших образование уже выше начального (из них 2192 человека мужского пола и 2302 женского).

Однако всеобщего начального обучения еще не было. Вятские начальные школы охватывали далеко не всех детей даже в возрасте 8—11 лет. Из общей массы брачущихся в 1897 г. 14 процентов мужчин и 50 процентов женщин не могли подписать своей фамилии, а в 1913 г. — соответственно 10 проц. мужчин и 19 проц. женщин[1].

---

[1] П. Н. Лупнов. Об изучении грамотности населения по архивным материалам, «Известия Вятского научно-исследовательского института Краеведения», 1922 г., № 1, стр. 54—55.

Публичные библиотеки

К двум библиотекам, открытым в Вятке до 60-х годов, прибавились еще две: в 1873 г. появилась епархиальная библиотека, преобразованная в 1898 г. в библиотеку-читальню; в 1899 г. Вятской городской думой была открыта Пушкинская библиотека (ко дню столетнего юбилея со дня рождения Пушкина).

Старейшая публичная библиотека, открытая в 1837 г., к 60-м годам захирела из-за недостатка денежных средств и из-за плохого управления. В 1861 г. она была даже временно закрыта. Новый директор П. В. Алабин сумел привлечь к библиотеке внимание вятского общества. Начали поступать пожертвования деньгами и книгами. Была усилена выписка журналов и газет, и 20 марта 1862 г. библиотека возобновила свою работу. Скоро она приобрела свое собственное здание (рис. 13). В «Губернских ведомостях» стали печатать ее летопись. К 1875 г. в библиотеке было 7848 названий (16 182 тома) книг на русском и иностранных языках; посетителей (читателей) насчитывалось 3877 человек[1].

С уходом Алабина библиотека снова захирела. Число читателей упало. В 1892 г. казанская газета выразила пожелание вятской библиотеке иметь «побольше читателей и поменьше прихлебателей»[2]. В 1895 г. газета «Вятский край» назвала ее «умирающим учреждением»[3].

В 1907 г. в управление делами Публичной библиотеки вступил А. Н. Луппов. Ему удалось опять привлечь к библиотеке внимание общества. Вятское губернское земское собрание стало отпускать средства на наем двух библиотекарей. Один пермский торговец, бывший по своим делам в Вятке, пожертвовал на нужды библиотеки несколько тысяч рублей. Это позволило ставить вопрос о составлении нового каталога взамен устаревшего. При этом был образован в библиотеке особый отдел, получивший название «Местного». В нем были сосредоточены все книги и брошюры по Вятскому краю, в том числе печатные материалы всех земств и городских дум Вятской губернии. Благодаря принятым мерам бюджет библиотеки

---

[1] Н. Спасский. Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения. Вятка, 1875 г., стр. 251—255.

[2] «Казанский биржевой листок», 1892 г., № 1.

[3] «Вятский край», 1895 г., № 112.

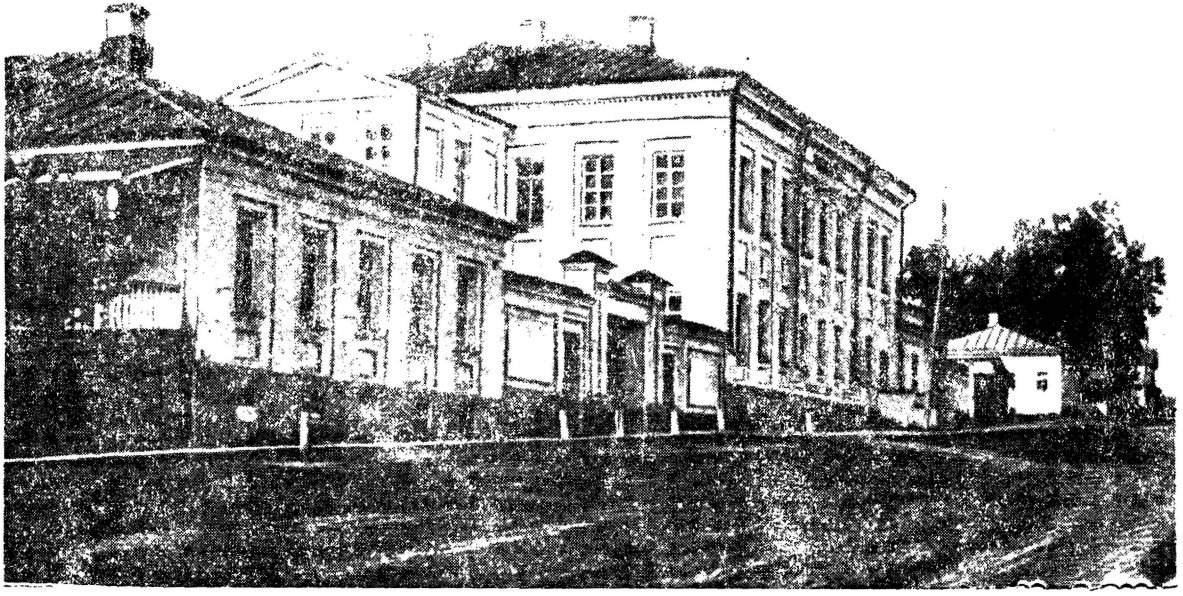


Рис. 13. Вятская публичная библиотека. Вид до реконструкции здания.
Кировский областной музей краеведения.

значительно увеличился. В 1907 г. он равнялся всего 2118 руб., а через 10 лет достиг 13 571 руб.[1] Следует отметить, что работа по управлению библиотекой выполнялась в течение десяти лет А. Н. Лупповым совершенно безвозмездно. После Великой Октябрьской социалистической революции к заведованию делами библиотеки было привлечено несколько лиц в звании директоров, причем А. Н. Луппов был избран председателем собрания директоров.

Периодическая печать

Как и в большей части губернских городов, в Вятке до 60-х годов издавались только «Губернские ведомости». В 1863 г. здесь возник еще один печатный орган — «Вятские епархиальные ведомости», издававшиеся два раза в месяц вятским епархиальным начальством. Но эти периодические издания избегали касаться недостатков современной им местной общественной жизни. Этот пробел думал было восполнить вятский политический ссыльный Ф. Ф. Павленков. В 1877—78 гг. он издал три сборника корреспонденций о Вятском крае, под названием «Вятская незабудка»[2].

В 1891 г. несколько человек из числа вятской интеллигенции в газете «Казанский биржевой листок» организовали небольшой сатирический отдел под заглавием «Крутогорский ерш», в котором они предполагали выявлять различные непорядки в Вятской губернии. Но было напечатано лишь несколько номеров: по предложению Главного управления по делам печати казанский цензор прекратил издание «Крутогорского ерша»[3].

---

[1] К. В. Дрягин, Девяносто лет Вятской публичной библиотеки. Вятско-Ветлужский край, 1928 г., № 5, стр. 78—89.

[2] Дело С.-Петербургского цензурного комитета за 1878 г., № 33; дело Главного управления по делам печати, 1878 г., № 35. Более подробно о «Вятской незабудке» изложено мной в книге «Политическая ссылка в Вятский край» (1933 г., стр. 65, 66, 180—182), а позднее в статье «Литературная работа Ф. Ф. Павленкова в вятской ссылке» («Кировская новь», кн. 2, Киров. 1947, стр. 206—223). Все 3 сборника «Вятской незабудки» имеются в Кировской публичной библиотеке.

[3] КИА, дело Канцелярии вятского губернатора, 1892 г., № 16.

В 1894 г. Вятское губернское земство получило от Министерства внутренних дел разрешение издавать сельскохозяйственную и кустарно-промышленную газету (2 раза в месяц). В следующем году правительство разрешило Земству расширить содержание газеты отделами естествознания, географии, литературы и истории, исключив из названия газеты эпитеты «сельскохозяйственная и кустарная». Так получилась «Вятская газета». Земство рассылало ее бесплатно всем сельским обществам, школам, волостным правлениям и уездным управам Вятской губернии. В 1898 г. Вольное экономическое общество выразило Вятскому земству полное сочувствие и горячее одобрение за издание и распространение газеты среди сельского населения и присудило ему высшую награду — Большую золотую медаль[1]. Газета просуществовала 13 лет и была прекращена вятским губернатором во время подавления им революционного движения в Вятской губернии после 1905 г.

В 1895 г. кружок либеральной интеллигенции организовал издание в Вятке общественной и литературной газеты «Вятский край». Через три года выпуск газеты был приостановлен администрацией на 8 месяцев, так как Министерство внутренних дел потребовало от издателя представить нового кандидата в редакторы газеты. Издатель представлял 16 кандидатов — одного за другим, и ни один из них не был утвержден. Петербург ссылался на вятскую администрацию (она-де противодействует), а вятская администрация на Петербург (он-де плохого мнения о газете). Так и погибла газета «Вятский край».

Когда в России усилилось революционное движение, вятская администрация превратила издававшееся в Вятке на казенные деньги «Приложение к Губернским ведомостям» в особую газету «Вятский вестник» (1905 г.), надеясь, очевидно, придать ему больше веса в глазах читателей. С 12 апреля 1905 г. в Вятке стала выходить еще одна газета «Епархиальные отголоски», уделявшая главное внимание церковным вопросам.

После первой русской революции, вынудившей царское правительство уничтожить предварительную цензу-

---

[1] Краткий обзор деятельности Вятского губернского земства за 35 лет (1867—1902), вып. I, Вятка, 1906, стр. 129—142.

ру на периодические издания, количество газет в Вятке увеличилось. С 24 декабря 1905 г. стала выходить газета «Вятская жизнь». С 1906 г. появилась «Крестьянская газета» (издание эсеров), выходившая до 2 сентября того же года. В 1907 г. выходили «Свободное слово» (издание вятской монархической партии) и газета «Союза 17 октября». «Вятская жизнь» в 1906 г. была прекращена администрацией. Вместо нее издатель выпустил газету «Вятский край»[1]. Когда администрация прекратила и эту газету, то издатель заменил ее «Вятской речью», которая выходила до Октябрьской социалистической революции.

В это время Вятский Губернский статистический комитет издавал «Памятные книжки и календари» Вятской губернии, в которых помимо справочных и статистических сведений печатались материалы по истории и этнографии Вятского края. Такие книжки с 1880 г. по 1916 г. выходили ежегодно. Возникшая в 1904 г. Вятская ученая архивная комиссия с 1905 г. по 1917 г. издавала ежегодно свои «Труды», содержавшие документы и статьи по истории Вятского края.

Музеи

В 1866 г. при Вятской публичной библиотеке по инициативе ее директора П. В. Алабина был организован публичный научный музей, заключавший в себе отделы минералогии, зоологии и истории с археологией. В 1874 г. Вятское губернское земство приобрело его (за 3000 руб.) и поместило в открытом им в г. Вятке «Училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и подготовления учителей». По закрытии этого училища музей был передан Вятскому реальному училищу, при котором он с 1889 г. был открыт для обозрения. В 1889 г. музей посетили 1738 человек, в 1890 г. — 9995[2].

---

[1] Н. А. Чарушин, Указатель статей и заметок, помещенных о Вятском крае в первой в Вятке частной газете, Вятка, 1920 г., стр. 5.

[2] «Вятские губернские ведомости», 1866 г., №№ 5, 7—8; Н. Спасский, Статистическое описание Вятской губернии, стр. 255—256; Сборник постановлений Вятского губернского земства за 25-летие (1867—1892 г.), т. IV, Вятка, 1895, стр. 431—450.

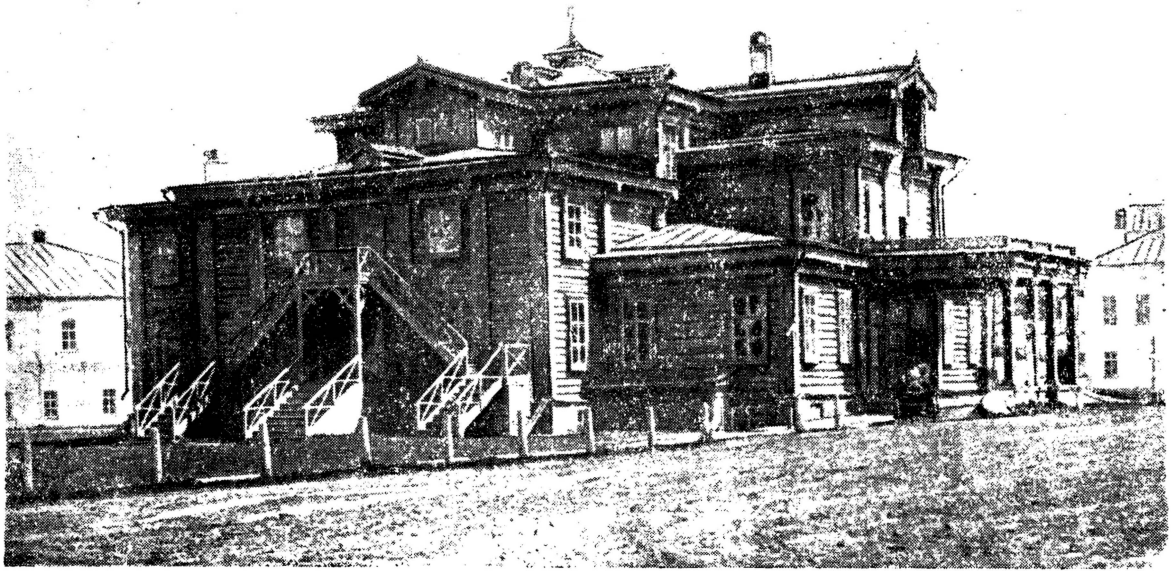


Рис. 14. Вятский драматический театр. Здание, построенное в 1877 г.
Кировский областной музей краеведения.

В 1910 г. в Вятке был открыт Художественный музей. Инициаторами его были Вятский художественный кружок и уроженцы Вятского края известные художники братья В. М. и А. М. Васнецовы. При содействии последних, музею на самых же первых порах была пожертвована коллекция картин русских художников, состоявшая из 38 произведений, оценивавшаяся в то время в 50 000 руб.[1]

В 1912 г. был организован Трифоновский церковно-археологический музей, заключавший в себе предметы старинного церковного быта.

Театр

Драматические представления в рассматриваемый период стали в Вятке довольно обыкновенным явлением. Давались они и местными любителями (больше всего с благотворительной целью), и заезжими труппами артистов. Местом спектаклей был большей частью общественный клуб. В 1877 г. было выстроено специальное деревянное здание для постоянного театра (рис. 14). Здесь он и помещался до 1939 г., когда было выстроено новое, каменное здание драматического театра.

Кино

Впервые кино появилось в Вятке в 1904 г. В 1908 г. в Вятке появились постоянные кинематографы «Одеон» (на 250 мест), «Прогресс» (на 250 мест) и «Модерн» (на 150 мест). «Модерн» предназначался для посетителей «высшего» круга и просуществовал всего около года. В 1910 г. был устроен кинотеатр «Колизей» (на 400 мест).

Медицина в Вятке

Состояние медицины в Вятке после 1861 г. заметно улучшилось. После введения в Вятке земских учреждений (1867 г.) губернская больница бывшего Приказа об-

---

[1] Со слов первого председателя художественного кружка С. А. Лобовикова.

щественного призрения была расширена и значительно улучшена за счет земства. В 1868 г. при ней было открыто родильное отделение; затем расширено психиатрическое отделение. В 1893 г. Вятское уездное земство открыло в Вятке уездную больницу. Третью больницу в конце XIX в. устроило Железнодорожное управление. Несколько позднее появились в Вятке три лечебницы — Вятского общества врачей, Лиги борьбы с туберкулезом и Общества Красного Креста.

В 1898 г. в Вятке была открыта гомеопатическая аптека. В 1909 г. Губернское земство основало бактериологический кабинет. Увеличилось число врачей: к 1914 г. насчитывалось уже 38 медицинских врачей и 12 ветеринарных.

В этот же период Губернским земством была организована подготовка низшего медицинского персонала для губернии. Так, в 1870 г. были открыты школа для повитух и постоянные курсы для подготовки фельдшеров и фельдшериц. В 1877 г. эти курсы были преобразованы в женскую фельдшерскую школу. В 1896 г. Губернское земство открыло мужскую фельдшерскую школу, а в 1897 г. школу по подготовке ветеринарных фельдшеров.

ТРУДЫ П. Н. ЛУППОВА ПО ИСТОРИИ ВЯТСКОГО КРАЯ И ИСТОРИИ УДМУРТОВ

Работы, опубликованные в печати

1. Приносились ли вотяками человеческие жертвы в 18 веке. «Вятский край», Вятка, 1895, №№ 85, 86.
2. Общий очерк истории вотяков. «Вятский край», Вятка, 1895, №№ 62, 65, 69.
3. Елабужская новокрещенская школа в 18 веке по неизданным архивным документам. «Вятские епархиальные ведомости», Вятка, 1895, № 19.
4. Об обстановке вотских жертвоприношений и связь с данными Мултанского дела. (Доклад в отделении Этнографии Русского Географического общества 15 марта 1896 г.) «Вятский край», Вятка, 1896, №№ 52, 53.
5. Были ли человеческие жертвоприношения у вотяков в 18 веке? (Доклад в отделении Этнографии Русского Географического общества в феврале 1896 г.) «Вятские епархиальные ведомости», Вятка, 1896, № 11.
6. Народное образование среди вотяков со времени первых исторических известий о них до 1840-х годов. Вятка, 1898, 53 стр.
7. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до начала XIX в. Издание 1-е, С.-Пб., 1899, стр. 333; издание 2-е исправлен. и дополнен., Вятка, 1901, стр. 93, 298.
8. Церкви и духовенство вотских новокрещеных приходов во время пугачевского движения. «Вятские епархиальные ведомости», Вятка, 1900, № 20.
9. Очерки по истории распространения христианства у вотяков в 19 веке. «Вятские епархиальные ведомости», Вятка, 1904, №№ 20, 21; 1905, № 8.

10. Первая школа среди вотяков в 19 веке. «Народное образование», С.-Пб., 1908, № 10.
11. Село Биляр Елабужского уезда. «Вятские епархиальные ведомости». Вятка, 1908, № 18.
12. К истории начальной школы в России в XIX веке. (Из архивных материалов по Вятской губ.) «Народное образование», С.-Пб., 1908, № 7-8.
13. Волнения вотяков Вятской губ. по поводу прикрепления их к горным заводам (в 1807 г. и 1808 г.). Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1909 г., Вятка, 1909, вып. II—III, отд. III, стр. 103—115.
14. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Исследование. С приложением карты вотяцкого района Вятской губернии в первой половине 19 века. Вятка, 1911, стр. 568, XXXI.
15. Материалы к истории христианства у вотяков в первой половине 19 века. Вятка, 1911, стр. 318.
16. Воспоминание народного учителя. С.-Пб., 1911, стр. 17.
17. Об изучении грамотности населения по архивным материалам. Опыт разработки данных о грамотности брачущихся. «Известия Вятского научно-исследовательского института краеведения», Вологда, 1922, № 1, стр. 51—65.
18. Мултанское дело и В. Г. Короленко. «Вятская правда», Вятка, 1922, №№ 83, 84.
19. В. Г. Короленко и Вятский край. «Просвещение», Вятка, 1922, № 2, стр. 38—48.
20. Вятский край 50 лет тому назад. «Вятская жизнь», Вятка, 1923, № 1, стр. 51—60.
21. А. И. Герцен в вятской ссылке. «Вятская жизнь», Вятка, 1923 г., № 2, стр. 44—65.
22. Ссылка В. Г. Короленко в Вятский край. (По неизданным материалам Вятских архивов). «Север», Вологда, 1923, № 1, стр. 1—23.
23. Материалы вятских архивов о В. Г. Короленко. «Вятская жизнь», Вятка, 1924, № 1 (7), стр. 110—122.
24. Работа по краеведению в Вятско-Ветлужской области по материалам краеведческого съезда. «Вятская жизнь», Вятка, 1924, № 2(8), стр. 83—88.
25. О собирании материалов по истории Вятского края. «Путь просвещенца», Вятка, 1925, №№ 8—9, стр. 31—36.
26. Политическая ссылка В. Г. Короленко в Вятский край. Ижевск, 1925, 42 стр.
27. Громкое дело мултанских удмуртов (вотяков), обвинявшихся в человеческом жертвоприношении (1892—1896). (Ижевск), 1925, стр. 40.
28. А. А. Андриевский, один из составителей сборника «Столетие Вятской губернии». (Из эпохи политической ссылки в Вятский край в 1880-х годах). Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения, Вятка, 1925, т. 1, стр. 80—84.
29. Удмурты Вятской земли в XVII веке. (К вопросу о колонизации Вятского края). Труды Вятского педагогического института имени В. И. Ленина. Вятка, 1926, том 1, стр. 102—107.

30. Записки А. Н. Радищева о Вятском крае. (К истории колонизации удмуртской территории). «Ижевская правда». Ижевск, 1926, № 239.
31. Из жизни удмуртов в XVII в. «Ижевская правда», Ижевск, 1926, № 242.
32. Обзор быта нацмен Вятской губернии. «Вятско-Ветлужский край», Вятка, 1926, № 1, стр. 81—100.
33. Культурно-исторические экскурсии по г. Вятке и в ближайших окрестностях. Вятка, 1927.
34. Г. Шестаков Вятской земли (К истории городов Вятского края). Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения, Вятка, 1927, т. III, стр. 87—104.
35. О влиянии революции на быт населения. Труды Вятского педагогического института им. В. И. Ленина, Вятка, 1927, т. II, вып. 2, стр. 59—64.
36. Из наблюдений над бытом удмуртов Варзиятчинского края Вотской автономной области. Труды Научного общества по изучению Вотского края, Ижевск, 1927, вып. 3, стр. 81—114.
37. Прошлое фабрично-заводской промышленности В. А. О. (историческая справка). Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции, Ижевск, 1927, стр. 132—144.
38. А. Н. Радищев о Вятском крае. Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения, Вятка, 1928, т. IV, стр. 102—109.
39. О жалованной грамоте Каринским и Верхочепецким вотякам 1588 г. Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения, Вятка, 1928, т. IV, стр. 110—113.
40. Г. Вятка, Исторический очерк. Большая Советская Энциклопедия (изд. 1-е). М., 1929, т. XIV, стр. 132—134.
41. К политической ссылке В. Г. Короленко в Вятский край. Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения. Вятка, 1929, т. V, стр. 81—94.
42. Современное население Вятского края. Сборник «Вятский край». Вятка, 1929.
43. Исторический очерк Вятского края. Сборник «Вятский край». Вятка, 1929.
44. Бунт в старой Вятке в 1635 г. «Вятская правда», Вятка, 1930, № 153.
45. Северные удмурты в 16—17 веках. Очерк из истории колонизации бассейна р. Чепцы. Ученые записки научно-исследовательского института народов Востока при ЦИК СССР, М., 1931, вып. II, стр. 112—144.
46. П. И. Стучка — вятский политический ссыльный. «Вятская правда». Вятка, 1932, № 20.
47. Документы о вятской ссылке В. Г. Короленко. (С предисловием и примечаниями П. Н. Луппова). «Каторга и ссылка», М., 1933, книга 1(98), стр. 59—99.
48. Политическая ссылка в Вятский край. М., 1933, стр. 207.
49. Переписные книги северных удмуртов в начале XVIII в. Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения, Вятка, 1934, т. VII.

50. Северные удмурты в конце 17 века. (Опыт изучения переписной книги 1678 г.). Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения, Вятка, 1934, т. VII, вып. I, стр. 24.
51. Вятка. Исторический очерк. «Вятская правда», Вятка, 1934, №№ 116, 122.
52. В поисках сырья для капо-корешкового промысла. «Вятская правда», Вятка, 1934, № 141.
53. Взяточничество в Вятке в 1850-х годах. «Кировская правда», Киров, 1934, № 286.
54. Из истории древней Вятки. «Комсомольское племя», Киров, 1935, № 53.
55. Из неопубликованных материалов о М. Е. Салтыкове-Щедрине. «Кировская правда», Киров, 1935, № 114.
56. Восстание удмуртов в XIX в. «Кировская правда», Киров, 1935, № 169.
57. К истории пугачевского движения в правобережье Камы. Записки Удмуртского научно-исследовательского института социалистической культуры и Общества по изучению Удмуртской АССР, Ижевск, 1936, сб. 4.
58. Библиография по Мултанскому делу. Записки Научно-исследовательского института социалистической культуры и Общества по изучению Удмуртской АССР, Ижевск, 1936, сб. 6, стр. 120—134.
59. Материалы о восстании в Башкирии в 1835 году и участие в нем удмуртов. Записки Удмуртского научно-исследовательского института социалистической культуры и Общества по изучению Удмуртской АССР, Ижевск, 1936, сб. 5, стр. 102—119.
60. К характеристике борьбы удмуртов и бесермян против каринских мурз в конце 17 века. (Архивные документы). Записки Удмуртского научно-исследовательского института социалистической культуры и Общества по изучению Удмуртской АССР, Ижевск, 1936, сб. 6, стр. 154—186.
61. К истории медеплавительного Бемышевского завода. Записки Удмуртского научно-исследовательского института социалистической культуры и Общества по изучению Удмуртской АССР, Ижевск, 1936, сб. 6, стр. 187—196.
62. Е. И. Костров. (К 140-летию со дня его смерти). «Комсомольское племя», Киров, 1936, № 150.
63. Борьба вятских крестьян с полицией в 1868 г. «Кировская правда», Киров, 1936, № 7.
64. Волнения помещичьих крестьян Яранского уезда в 1862 г. (по неизданным материалам). «Кировская правда», Киров, 1936, № 10.
65. Письма В. Г. Короленко о деле мултанских удмуртов (из неизданных писем писателя А. Н. Баранову). «Кировская правда», 1936, № 94.
66. Хлыновский Кремль. «Кировская правда», 1937, № 8.
67. Выступления удмуртов, бесермян и татар Вятской земли против бывшего вятского воеводы Римского-Корсакова в 1694 году. Записки Удмуртского научно-исследовательского института социалистической культуры при Совнар-

коме Удмуртской АССР и Общества по изучению производительных сил Удмуртии, Ижевск, 1938, выпуск 8, стр. 261—274.
68. За разработку истории городов Кировской области. «Кировская правда», 1939, № 75.
69. М. Е. Салтыков-Щедрин в вятской ссылке. 1848—1855 гг. «Кировская правда», Киров, 1939, № 109.
70. Как собирать материал для составления истории города, районного центра. «Кировская правда», 1939, № 141.
71. Вятская земля во время первой крестьянской войны и польской интервенции (в начале XVII века). «Кировская правда», 1939, № 185.
72. Народное ополчение Вятской губернии во время войны с Наполеоном I. «Кировская правда», 1940, № 4.
73. Константин Иванович Щепин (1727—1770). «Кировская правда», 1940, № 159.
74. Забастовка на Омутнинском заводе в 1860-х годах. «Кировская правда», 1940, № 222.
75. Фаянсовые заводы в б. Вятской губернии. «Кировская правда», 1940, № 286.
76. Статистические работы А. И. Герцена в Вятке. Литературное наследство, М., 1941, вып. 39—40. А. И. Герцен, т. I, стр. 172—183.
77. Литературная работа Ф. Ф. Павленкова в вятской ссылке. «Кировская новь», кн. 2, Киров, 1947, стр. 206—223.
78. К вопросу о происхождении «Повести о стране Вятской». Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории языка, литературы и фольклора, Ижевск, 1949, вып. 12, стр. 70—82.
79. Политическая ссылка В. Г. Короленко в Вятский край с приложением хронологической канвы жизни и деятельности В. Г. Короленко в вятской ссылке. 1879—1880 гг. Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории языка, литературы и фольклора, Ижевск, 1951, вып. 15, стр. 137—155.

ВАЖНЕЙШИЕ НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ

1. К истории заселения Вятской земли. Около 4 авт. л.
2. Казанские судебные учреждения и Министерство юстиции в третьем судебном разборе Мултанского дела. Около 1,5 авт. л.
3. Народное образование среди удмуртов. Около 5 авт. л.
4. Пугачевское движение среди удмуртов. Около 2 авт. л.
5. Районирование территории северных удмуртов в XVII и XVIII вв. Около 1,5 авт. л.
6. Революционное движение в Вятском крае во второй половине XIX века. Около 11,5 авт. л.
7. Сборник документов по истории удмуртов XV—XVII вв. Около 25 авт. л.
8. Сведения о заводах Вятской губернии (Омутнинском, Песковском, Пудемском, Пижминском, Сералинском и трех Шурминских). Около 1,5 авт. л.

9. Список политических ссыльных Вятской губернии за годы 1825—1905 с обозначением времени пребывания их в ссылке и причины ссылки. Около 3 авт. л.
10. Удмурты Вятской земли XVI в. Около 2 авт. л.
11. Удмурты — непременные работники при Ижевском заводе. Около 2 авт. л.
12. Хронологические даты по истории Кировской области. Около 6 авт. л.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Павел Николаевич Лупнов (Краткая биография) . . 3

Предисловие 7

Список сокращенных слов 26

История города Вятки от его возникновения до начала XX века

Введение 29

Глава I. Древнейший период в истории города Хлынова до окончательного присоединения его к Москве 51

Глава II. Г. Хлынов в составе Русского централизованного государства (конец XV — начало XVII вв.) 73

Глава III. Хлынов в XVII веке 89

Глава IV. Хлынов в XVIII в. до преобразования его в губернский город (1701 — 1780 гг.) . . . 119

Глава V. Г. Вятка (бывш. Хлынов) в 1780—1861 гг. . . 152

Глава VI. Вятка после реформ шестидесятых годов 197

Труды П. Н. Лупнова по истории Вятского края и истории удмуртов 232

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
4	7 снизу	1907	1917
23	20 сверху	налогов	долгов
61	6 сверху	насаживая мужей	насаживая, мужей
71	2 снизу	1542 г.	1452 г.
74	1 сверху	1850 г.	1580 г.
104	16 сверху	городского	городового
193	10 сверху	4,4	34,4
208	21 сверху	63 000	63 800
208	23 сверху	5 000	5 800
223	Таблица, 1 снизу	4159	4151
223	Таблица, 5 снизу	Низших	Неполных средних
223	Таблица, 6 снизу	1635	1627

Труды П. Н. Лупинова по истории Вятского края и истории удмуртов 282

Луппов Павел Николаевич.
ИСТОРИЯ ГОРОДА ВЯТКИ.

*

Редактор *М. М. Россохина.*
Художник *А. М. Колчанов.*
Художеств. редактор *Б. А. Порфирьев.*
Техн. редактор *Е. Н. Склярова.*
Корректор *А. М. Шарапова.*

*

Сдано в набор 23/V-1958 г.
Подписано к печати 22/VIII-1958 г.
Формат бумаги 84 x 108 1/32.
Физ. печ. л. 7,5. Усл. печ. л. 12,3.
Уч. изд. л. 13,92. Тираж 4000.
Изд. № 1111. ФЕ03006. Зак. 35.

Цена 5 р. 20 к.

*

Кировское книжное издательство—
Киров, ул. Большевиков, 40.
Обл. типография полиграфиздата—
Киров, ул. Большевиков, 40.

Дорогие читатели!

Читайте книги Кировского книжного издательства по истории родного края

А. В. Эммаусский

Исторический очерк Вятского края XVII-XVIII веков

1956 г., стр. 244.

А. А. Папырина

Крестьянское движение в Вятской губернии в революцию 1905—1907 годов

1958 г., стр. 88.

Е. С. Садырина

Октябрь в Вятской губернии

1957 г., стр. 244.

Кировская область за 40 лет

1957 г., стр. 76.

Город Киров

Справочник

1957 г., стр. 152.